

**Отсканировано
в мае 2014 года
специально для эл. библиотеки
паблика «Бærзæфцæг»
(«Крестовый перевал»).**

**Скангонд æрцыд
2014 азы майы мæйы
сæрмагондæй паблик «Бærзæфцæг»-ы
чиныгдонæн.**

<http://vk.com/barzafcag>

**ЧИНЫГУАДЗӘН
„ИР“
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

МАЛИТИ ГЕУÆРГИ

ИРÆФ

УАДЗИМИСТАË

ИРОН ÆМА УРУССАГ ÆВЗÆГТÆБÆЛ

Ч И Н Ы Г У А Д З А Е Н

„ИР“

ОРДЖОНИКИДЗЕ *1973

МАЛИЕВ ГЕОРГИЙ

ИРАФ

СОЧИНЕНИЯ

НА ОСЕТИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ
ПЕРЕВОДЫ ВАСИЛИЯ КАЗАНЦЕВА

И З Д А Т Е Л Ь С Т В О
„ИР“
О РД Ж О Н И К И Д З Е * 1973

C(Осет)
M 19

**Киунугæ мухурмæ бацæттæ кодта
Малити Васо Георгий фурт**

**Книгу подготовил к изданию
Малиев Василий Георгиевич**

Малиев Г. Г.
**М 19 Ираф. Сочинения на осет. и рус. яз. Пер.
В. Казанцева. Орджоникидзе, «Ир», 1973.**

295

**M 743--36
—
M131(03)—73 44—73**

C(Осет).

(C) Издательство «Ир», 1973 г.

О ГЕОРГИИ МАЛИЕВЕ

Было лето 1928 года. Я совершил свою первую поездку в Дигорское ущелье. Конечным пунктом моего путешествия было селение Дзинага. Здесь я впервые встретился с Георгием Малиевым. Он работал учителем в сельской школе. Среднего роста, плотного сложения, широколицый, очень смуглый. Я застал его беседующим с сельчанами на иххасс¹. На голове у него была простая серая пастушеская войлочная шляпа. Обут он был в простые осетинские чувяки. Ничем по одежде не выделялся из толпы. Но в этой скромной оболочке простого горца-пастуха скрывался вдохновенный поэт-романтик и великий мечтатель. Он звал молодежь к свету и подвигу. Он писал:

*Рохсмæ, фæссевæд, тундзетæ,
Рохсмæ цæустæ ангом,
Нифс, лæгдзийнадæ уарзетæ,
Скæнтæ муггагмæ стур пом.*

*Арвмæ мæссуг амайетæ,
Хормæ скæнетæ фæндаг,*

¹ Нихас — место, куда собирались мужчины решать какой-нибудь вопрос.

*Гъйт, зэрдиуагжий уайетэ,
Догьи ма уотэ фастаг!*

*Тари цэфсэд сэргебарж,
Мэгьи соржд я тунтэй.
Цард мабал ужд гъезжмарж,
Зэнхжэг райзол ужд рунтэй.*

*Рохсмэг, фэсвэад, тундзетэ,
Рохсмэг цауетэ энгом,
Нифс, лэгдзийнадж уарзетэ,
Скэнтэг мүггагмэг стур ном.*

(«Федор»)

*Дружно к свободе идите,
Громко зовите ее.
Честь и отвагу любите.
Имя прославьте свое!*

*Путь никому не закрыт.
Пойте, чтоб легче шагалось.
Прочь отгоняйте усталость.
Жалобы — прочь. Пусть горит*

*В высах небесного свода
Верной защитой от бед
Солнце вселенной — свобода,
Жиэнь нам дарующий свет.*

*Дружно к свободе идите,
Громко зовите ее.
Честь и отвагу любите.
Имя прославьте свое.*

(«Глашатай»)

Он мечтал о том времени, когда народы побросают оружие
и будут жить, как братья.

Тәходуй, әна,
Ләжәзәу, дин
Әз кү фестинә
Дессаг фәндургин.
Хъазбеги цъонгмә
Исцай цәүинә,
Дессагон заргә
Әрцәйцәгъдинә...

Үәд йеугур дүйней
Әрәмбүрд үидә,
Мә цәгъдатләмә
Әригъосидә.
Кәми ци седзәр,
Кәми ци мәгур,—
Бауарзионцә
Мә дессаг фәндур....

И фарни тунә
Әрфелаудә,—
Уарzonдэйнадә
Әрфедар үидә.
Үәд алли адәм,
Үәд алли бәстә
Әркалионцә
Сә тохән гәрзтә...

Если б я могла
Литься в глубь сердец
Как прославленный

*Ацамаз¹ — певец,
На Казбек взошла б,
Протрубила б всласть,
Песня вольная
Широко б неслась.*

*Вся земля тогда
И весь род людской
Вдруг услышали б
Сильный голос мой.
Звонкий голос мой
Стал бы слушать всяк:
И богатый князь,
И пастух-бедняк,*

*И вверху орел,
И внизу аул...
И для всех тогда б
Фарна² луч блеснул.
Лейся, дружбы песнь.
Песнь любви, звучи.
Все б откинули
Прочь свои мечи.*

Через поэзию Малиева проходит красной нитью вера в чудодейственную облагораживающую, преображающую силу музыки, песни. Перед взором поэта носился образ прославленного героя осетинского эпоса, дивного музыканта и певца Ацамаза, чья игра на свирели одушевляла и преображала всю природу, собирала зверей и людей в одно ликующее братство. Поэт мечтал о новом Ацамазе, песня которого ов-

¹ А ц а м а з — герой нартского эпоса, легендарный певец.

² Ф а р н — мир, счастье, обилие, благополучие.

ладеет душами людей и заставит их забыть вековечную вражду и навсегда расстаться с оружием.

Но песня, по Малиеву, преображает не только окружающий мир. Она преображает самого певца. Ничем как будто не примечателен пастух Гудзуна. Бедный, неуклюжий, в ложмолях, он слышит за самого никчемного человека, почти за дурачка. Девушки потешаются над ним. Старший пастух Бабат с насмешками отказывает ему в руке своей дочери.

Но вот Гудзуна, оставшись один со своим стадом, достает свирель.

*Æ уодæнбал — æ хæтæл
Хебæраги æ уæлдзогæ
Æривæруд æ цъухбæл.*

*Гъæйдæ-гъа, цæгъдун нийдайуй,—
Æд хæтæл æдули нæй.
Уой, десгæнгæ, ниффæнзунцæ
Хуæнхтæ, кæмтæ æмбуردæй...*

(«Гудзуна»)

*С ним свирель — его подруга.
Льнет к губам его она.*

*Он играет на свирели
Свету белому всему.
Лес и горы, и ущелье
Вторят весело ему.*

(«Гудзуна»)

Замечательные слова:

Æд хæтæл æдули нæй...

Когда Гудзуна играет на свирели, он уже не выглядит дурачком. Вдохновение облекает его в мудрость. Оно возносит его высоко над теми, для кого он служил посмешищем.

Но вдохновение сродни не только мудрости. Оно сродни также героизму. И мы видим, что в час тяжкого испытания, когда в Дигорию вторглись ее заклятые враги, именно он, презираемый всеми Гудзуна бесстрашно вступает в неравный бой с недругом и ценой собственной жизни спасает родину.

И еще одно чудо совершает музыка. Она рождает любовь. Именно игрой на свирели пленяет сын волопаса бедный Махамат («Гъонгæси фурт мæгур Мæхæмæт») горную хансскую дочь Гиданну.

*Изæри усми æ даргъ хæтæлæй
Мæгур Мæхæмæт ку ницæгъдиðæ,
Уæд хани кизæг Гиданнæ рæсугъд
Бæрzonд мæсугæй сах нийгъосидæ.
Уарзт райгъæл уидæ уæд йе 'взонг зæрди,
Хори тунау йин барохс кæнидæ
Æ рæсугъд æнгас, æ рæсугъд цæсгон.*

*Лишь погаснет день, бедный Махамат
Вновь берет свою длинную свирель.
Звонкую свирель жадно слушает
Хана дочь, Гиданна-красавица.
Юная любовь в сердце вспыхнула.
Будто солнца луч, осветила вдруг
Горделивый взор, ясное лицо.
Новый светлый день идет на смену дню.
Легокрылые, быстро дни летят.*

Разъяренный хан отсекает Махамату его чернокудрую голову (ә саудзикко сәр) и насаживает ее на кол: пусть все видят, чем кончается любовь холопа к ханской дочери:

— Базонетә нур, куд фәүүарзунцә
Гъонгәсти фурттә хани кизгутти!

— Вот узнайте теперь, как влюбляются
Сыновья пастухов в ханских дочерей!

Но хан просчитался. Он не учел, что как ни велико его могущество, оно не властно над силой любви. Прекрасная Гиданна, не желая пережить своего возлюбленного, пронзает свое сердце булатными ножницами...

Говоря о роли музыки и музыкантов в романтической поэзии Малиева, не могу не сказать о музыкальности самих стихов поэта. Она — уникальна в дигорской поэзии. Именно Малиев, и только он, сумел раскрыть и показать во всей полноте, какие красоты ритма, напевности, свободного и плавного течения таит в себе дигорская речь.

Вот несколько паудачу взятых отрывков.

Ци кәнүй, цума, ме 'лхүйнә,
Ку нәббал зелүй дзәбәх?
Мәц цәститәбәл гъазунцә
Сау нимәт амәсау баҳ.

(«Алхүйнә»)

Что случилось? Не кружится,
Не поет веретено.

*Бурка черная мне снится,
Черный конь глядит в окно..*

(«В е р е т е н о»)

Или:

*Нэй Дэзулей зэрдээ энцойнэ,
Ие э фагээ нэх хуссуй,—
Аёд эхсэвээ аёд-а-бонэ
И мэсүгэй фэлгэсүй.*

(«Д з у л е»)

*Ветер воет одинокий.
Нет покоя на земле.
День и ночь на путь далекий
Из окна глядит Дзуле.*

(«Д з у л е»)

Или:

*Куд ниххаудтэй мард и донмэ,
Уой жстъалутэх уидгонцэх...
Уой цахъалтэх кэрэдзэмэн
Дзесэх-дзорэх фажкодтонцэх...*

(«Д з а н д з и р а х ъ»)

*Как упало тело в реку,
Только звезды лишь видали.*

*Да катящиеся волны
Леж собой о том шептали...*

(«Дзандзирак»)

Или:

*Сах не 'ркалдзэнэй хебари
Кедэр кизгээ цэсти суг,--
Дээ фэсмээрдэг номи кадэн
Гъэу не сдасдзэнэй мээ уг.*

(«Гудзуна»)

*Девушка в уединенье
Слез не льет. И в честь гвою
Ни в горах, ни у селенья
Башни нет в родном краю.*

(«Гудзуна»)

Или:

*И фифри түнэ
Арфелаунидж,--
Уарзондгийшиадж
Арфедар уидж.*

(«Тэх о дуй, энэ...»)

*И для всех тогда б
Фарна луч блеснул.
Лейся, дружбы песнь.
Песнь любви, звучи.*

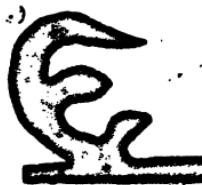
(«Если бы стала я...»)

Вслушайтесь в эти стихи. Раньше чем доходит до сознания их смысл, они уже покоряют своим чарующим ритмом и звучанием. Когда читаешь такие стихи, невольно приходят на память слова Белинского, сказанные им о стихе Пушкина: «Что это за стих! Он нежен, сладостен, мягок, как рокот волны, тягуч и густ, как смола, ярок, как молния, прозрачен и чист, как кристалл...»

До Малиева на дигорском языке писал выдающийся поэт Блашк Гурджибеков. Богатство его языка изумительно. Но музыку дигорского стиха он еще не постиг. Немало стихов на дигорском языке написано и после Малиева. Многие из них отмечены несомненным талантом. Но и в них уже не слышится рокот волны. Нет в них и прозрачности кристалла. Видимо эту тайну, тайну певучего дигорского стиха, Малиев унес с собой, в свою безвременную могилу...

23 марта 1973

Профессор В. Абаев

* ЗАР

Мæ синхон кизгæн æ зæрдæ
Ку зонинæ ку, бæлвурд,—
Уæд зæгъинæ ин цидæртæ,
Уæд зæгъинæ ин еу дзурд...

Фæццауидæ минæвари
Гъур-гъургæнгæ наæ тикис,—
Æрхæссидае мин лæвари
Æрхи агæ æд рæхис.

Десæ-месæ уæд сор-серæ
Исфицинае аги дзаг,—
Бахуæринæ уотæ берæ
'Ma фæуунæ кæуинаг...

1909

Киристонгъæу

* ПЕСНЯ

Что на сердце у соседки?
Если мне бы твердо знать,
Я тогда своей соседке
Уж нашел бы что сказать.

В дом к соседке кот мой старый
Вместо свата бы пошел.
И оттуда бы в подарок
Медный мпе принес котел.

Я к огню тогда подсел бы.
Наварить бы уж сумел
Я сор-сера.¹ И поел бы
Столько, сколько бы хотел.

1909

с. Христиановское

¹ Сор-сера — национальное блюдо из кукурузной муки и сливочного масла.

* ГУРУСХÆ

Нæ, нæма 'ууæндун иерæнгæ,
Нæй, мæ зæрдæ нæй æнгъæл,
Æвеппайди гиризгæнгæ
Ду сийевдзи уай мæнбæл.
Æримисæ устур десæн,
Хебæраги, цид, æнцад
Ци дзурдтонцæ кæрæдзэмæн
Нæ цæститæ хаттæй-хатт...
Фал æ зæрдæ уотæ 'нционæй
Кæд сийевуй силæстæг,
Уо, ме 'нгарæ, æдемонаæй
Уарзт ма хонæ уæд сугъдæг.
Уалæ стъалутæ зæгъунцæ,
Уарзт мед адæм мæнгæ ке 'й,—
Фудæнæнги ке гæлдзунцæ
Дууæ зæрди кæрæдзей...

1914

* СОМНЕНИЕ

Нет, поверить я не в силах,
Что ко мне пришла беда,
Что меня ты разлюбила,
Отвернулась навсегда.
Вспомни, вспомни, как бывало
Ты, со мной наедине
Сидя, песни напевала
И в глаза глядела мне.
Если сердце так жестоко
И, не ведая стыда,
Ранил друга так глубоко,
Что же есть любовь тогда?
Я гляжу в и очи на звезды,
В золотящийся туман.
Много видевшие звезды
Говорят: «Любовь — обман».

1914

¶

* ЦЪИФÆ
РÆСТАÆГИ

Цъифæ бони æппун неци
Æз мæхемæ æркæсун,
'Ма нæ фендеун мæ десн
Уалæ арвмæ искаæсун.

Мæ кæрдзин æма мæ цæнхæ
Æз феууелун уæд зиндæр,—
Фæккæсуй мæмæ нæ зæнхæ
Мисти къахæй ниллæгдæр.

Нæлтæ, силтæ, уо мæгуртæ,
Над нæмунцæ золкъитау...
Иехх, ку уайдæ мæ базуртæ,—
Фæттæхинæ цæргæсay.

1915

* В НЕНАСТЬЕ

Дождик шумом мёртвым, тёшным
Черную наводит грусть
На меня. Таким ничтожным
В этот миг себе кажусь.

Мой чурек черствей и горше,
Соль — сиротская слеза.
И у мыши лапка больше,
Чем, мне кажется, земля.

В муках жалкого бессилья
Гибнут люди. Если б крылья!
Взмыл бы в небо, как орел,
Счастье в небесах обрел.

1915

* Г О Б И

Цәмән фәдтән әз фур гоби,—
Ко дә цирти, уо, мә мадә!
Цәмән дән, цума, мә доги
Æз ме 'игарти 'хсән әгадә?..
Мә кавди радә мед гъаздә
Цәмән байзайый иронхи,
Нә зингә ләгтән — гъәйт-мардзә —
Цәмән нә цәүн сә тонхи?..
Цәмән фаунцә әноси
Мән гобий номај фәсевәд?
Кай ме 'рвадә мә фалдоси,
Кәмән гъарон мә тәргъәд!..
Ку найес мәнән фәндәндтә,
Хәрсәнау косун хәдзари,
Мә зин сагъәстә, мә сәнттә
Некәд ракәнүн мә зари...

1916

* Н Е М О Й

Горько, горько мне на свете.
Мама, плачь в своей могиле.
Не порвать мне горя сети —
Руки-ноги мне обвили.
Тесно в мире мне, как в келье.
Грусть-тоска мне сердце точит.
Выйду я на круг веселья —
Замечать никто не хочет.
Все глумятся надо мною.
Душат горло мне рыданья.
С кем я сердце успокою?
Схороню свои страданья?
Видно, счастья в поднебесной
Никогда мне не сыскать.
Думы горестные в песне
Никогда не рассказать.

1916

* Ф Е Д О Г

Рохсмæ, фæсевæд, тундзетæ,
Рохсмæ цæуетæ æнгом,
Нифс, лæгдзийнадæ уарзетæ,
Скæнтæ муггагмæ стур ном.
Арвмæ мæсуг амайетæ,
Хормæ скæнетæ фæндаг,
Гъæйтт, зæрдиуагæй уайетæ,
Догъи ма уотæ фæстаг!
Тари цæфсæд сæребарæ,
Мегъи сорæд æ тунтæй,
Цард мабал уæд гъезæмарæ,
Зæнхæ райзол уæд рунтæй.
Рохсмæ, фæсевæд, тундзетæ,
Рохсмæ цæуетæ æнгом,
Нифс, лæгдзийнадæ уарзетæ,
Скæнтæ муггагмæ стур ном.

1919

* ГЛАШАТАЙ

Дружно к свободе идите,
Громко зовите ее.
Честь и отвагу любите.
Имя прославьте свое!
Путь никому не закрыт.
Пойте, чтоб легче шагалось.
Прочь отгоняйте усталость.
Жалобы — прочь. Пусть горит
В высях небесного свода
Верной защитой от бед
Солнце вселенной — свобода,
Жизнь нам дарующий свет.
Дружно к свободе идите,
Громко зовите ее.
Честь и отвагу любите.
Имя прославьте свое.

1919

* АЛХҮЙН АЕ

Ци кæнуй, цума, ме 'лхуйнæ,
Ку пæбал зелуй дзæбæх?
Мæ цæститæбл уайунцæ
Сау нимæт æма сау бæх.

Нæ уæлиндзæбл æзинæ
Æз сундакъæ æлвистон,
Мæхенимæр нидæн заргæ
Æз цидæртæ имистон.

Нæ дæлпазбуни еу бæхгин
Фæццæйзиидтæй уæд æваст.
Мæ фидбилизæн æ хæццæ
Цæмæн фæдтæн æз æнгаст?

Æ мæд-ходæ æрттивтонцæ
Дууæ цæсти сурх зингау.
Мæ зæрдæ мин басугътонцæ,
Ду ме 'вдесæн уо, хуцау!

Базир-зир кодта мæ зæрдæ,
Разилдæй мæбæл мæ сæр,
Æрискъудæй мæ сундакъæ,
Æрбадудæгътæ 'й куддæр.

Нури уæнгæ дæр мæ кеми
Æз нæма 'рдæн дзæбæх ма,
Цæведтонгæ ма мæ зæрди
Сагъд байзадæй сау хъæма.

* ВЕРЕТЕНО

Что случилось? Не кружится,
Не пост веретено.
Бурка черная мне снится,
Черный конь глядит в окно.

На высокой, плоской крыше,
В час, когда закат горит,
Пряла я вчера. Вдруг слышу —
По дороге стук копыт.

И зачем со жгучим взглядом
Взгляд мой встретился на миг?
Смертоносным, острым ядом
Взгляд тот в грудь мою проник.

Над собою потеряла
Я в одно мгновенье власть.
Жарко грудь затрепетала.
Нитка пряжи порвалась.

Не приду никак в себя я.
Кто-то больно сердце сжал.
Будто в нем, меня терзая,
Стынет всаженный кинжал.

Ци къенуй, цума, ме 'лхуйнæ,
Ку нæбал зелуй дзæбæх?
Мæ цæститæбел гъазунца
Сау нимæт æма сау бæх.

1921

Не играет, не кружится,
Не поет воротено.
Бурка черная мне снится.
Черный конь глядит в окно.

1921

4

* КИЗГИ ЗАР

Ци мин фәцәнцә
Мә кизгон бәнттә,
Уох, байвадәнцә
Мә деденгутә.

Неке гъәунцә
Мә сау әрфугта,
Неке гъәунцә
Мә цәстисугтә.

Æстуггин әфсоргъ,
Тәходуй, нана,
Хуцауи дзурдәй
Нур ку фестинә.

Уәд багоринә
Æз фәсденгизтә
Мә сугъәринә,
Мә кизгон әнзтә.

Ци мин фәцайтә,
Уо, ме 'взонг бәнттә?
Уох, байвадәнцә
Мә деденгутә...

1922

* ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

За какой горой
Схоронился ты,
День весенний мой —
Красные цветы?

Для кого мои
Брови черные?
Для кого мои
Слезы горькие?

Черный день настал.
Мой удел жесток.
Если б крылья дал
Мне всесильный бог —

Все леса, поля
И морскую гладь
Облетела б я,
Чтоб найти-сыскать,

За какой горой,
У какой черты
День счастливый мой,
Красные цветы.

1922

* КАСАЛГДЗАУКИЗГӘ

(Г е й н е й ә й)

Цәй, рæсугъд кизгæ, æрбайсæ
Ду билгонмæ дæ цолахъ
'Ма жаменсæбæл мæ цори
Æриннцайæ æнаæ хахъ.

Барагснæй, цæй, мæ реумæ
Æркъолæ кæнæ дæ сæр,—
Дæ цолахъæн ду уæлденгиз
Ку нæ тæрсис æппундæр.

Мæн зæрди дæр ес бурдæнтæ,
Мæн зæрдæ дæр денгиз æй,—
Денгизау йе дæр, æууæндæ,
Налхъут-налтæй гъæздуг æй.

1922

* ДЕВУШКА-РЫБАЧКА

(Из Гейне)

Ходят волны в белых бликах.
Сеть свою среди камней
Ты, рыбачка, расстели-ка.
А сама присядь ко мне.

Беззаботно и бездумно
Головой склонись на грудь.
Сеть твоя не в море шумном —
За нее спокойна будь.

Это сердце — тоже море.
Там, в безмерной глубине,
Сквозь безмолвие немое
Жемчуг светится на дне.

1922

* МÆТИКИС

Гъæуагæ,
Кæуагæ,—
Мæ хæццæ мед къона цæруй.
Ие стонги,
Ие 'рвонги
Æ дортæ, æ къолтæ хуæруй.
Ие 'фесæй
Фур десæй,
Фур цинæй аргъæуттæ кæнуй.
Ие 'хæвти,
Ие сæвди
Фуд фунтæ, зин фунтæ уинуй.

1923

* М О Й К О Т

Голодный,
Сердтый —
Царапает ножки стола.
Лоснящийся,
Сытый —
Беспечно глядит из угла.

Пригретый
Лучами,
Заводит он песнь старины.
Глухими
Ночами
Он смотрит кошмарные сны.

1923

Адтæй рæсугъл догæ
Мæнæн мæ уалдзæг,—
Хистон аз мæ дзогæ
Уæл-фахс игъялдзæг.

Дзингатæ зијдæнцæ
Мæ сæргын ад гъæр,
Худтонцæ сæ хæцæ
Гъазунмæ мæн дæр.

Фиудзилитæ павзи
Зардтонцæ дзæбæх,
Зæлдæбæл мæ рази
Хистæй, цид, мæ бæх.

Нур мæбæл ци 'рциудæй,—
Уæууау, мæ фудгол —
Фунау ку фæссурдæй
Рохс уалдзæг изол.

Фиудзилитæн павзи
Не гъосун сæ гъæр,
Дзингатæ сæ таси
Фæцæнцæ цидæр.

Нæ кæти, æ гъостæ
Æруадзгæ лæмæгъ,
Кæуй æнæ бостæ
Ие 'стонгбæл мæ бæх.

Струилась прохлада,
Все пело кругом.
Я пас свое стадо
На склоне крутом.

Над солнечным склоном
Зеленой горы
С настойчивым звоном
Вились комары.

И конь мой усталый
Бродил по траве,
Как облако малое
По синеве.

Но что же такое
Случилось со мной?
Расстался давно я
С той дальней весной.

Безмолвны долины,
И травы, и лес.
И рой комариный
Куда-то исчез.

И конь мой голодный
В забытом хлеву
Высокую, гордую
Клонит главу.

* ДЗИДДЗИЛ

I

Рацәйцудәй нихәсмә
Федоги фурт Дзиддзил,
Цәрмин ходә фур фәрсмә,
Æ кәрцә фур дивил.

— Фәңәй уе 'хсән мә фидә
Дәс аңзи федеуәг,
Дзиллән ләтъуз нә уидә,
Федауцә мәгур ләг...

Уә хәццә нур нихәси
Дзубанди нә бәттүй,
Сәйгәй ләүүй нә къәси,
Нәтүй, мәгур, нәтүй.

Уой куст есун мәхемә,
Не 'содзәнән нихъог,
Райсетә мә уәхемә,
Ниссагътә мә федог!..

— Куста дзәбәх дә фидә,—
Зәгъүй ин уәд әмбурд,—
Ду ма нерән минги дә,
Не 'содзәнәй дә дзурд!

Дзиддзил, мәгур, никъардәй,
Нийвадәй гетенau,
Дор ин цума нинвардәй
Æ зәрди фур уәззау...

* ДЗИДДЗИЛ

Надел бешмет свой рваный,
Папаху — набекрень,
И на нихас, как равный,
Пришел Дзиддзил в тот день.

— Глашатаем немало
Отец мой пробыл лет.
Но вот не слышно стало
Его речей, бесед.

Слова его иссякли.
Небросит клича он.
Больной, лежит он в сакле.
Ни слова — только стон.

Служил добру и правде
До нынешнего дня
Отец. Теперь поставьте
Глашатаем — меня!

В ответ ему собранье:
— Отец твой понимал,
Ценил свое призванье.
Но ты-то — слишком мал.

Пропала вмиг отвага
У парня. Загрустил,
Ссугулился бедняга,
Обиженный Дзиддзил.

Цъæхгои зиний æрдозæ,
 Цæстæн рæвдуд дæдтуй...
 Борæмæлгъæ мед къозæ
 Алли 'взагæй цæгъдуй...

Федзулдæнцæ хонсартæ,
 Фстингдæр æй и бои,
 Мед къеозмæрæй гъе уартæ
 Ферттевуй дзæкълон...

Иес ма метæй гæппæлтæ,
 Уадусмæ сæ æхснуй.
 Хумзæнхитæй хускъæлтæ
 Мæгур цъигъин хæссуй.

Цæттæ кæнүй хумæмæ
 Алке дæр æ дзубур.
 Дзидздзил кæсүй зæнхæмæ
 Фæсвæди зæрдмæгур...

Зæрди буни зин хъурмæ
 Мæти хæццæ тухсуй,
 Иес ин, бæргæ, еу хумæ,
 Низгелун æй гъæуий...

Ка ратдзæнæй æ галтæ,
 Ка ратдзæнæй дзубур?
 Ходунцæ йбæл и хъалтæ:
 — Мæгур æма мæгур!

Гремят, грохочут чаши
На тысячи ладов.
И зеленью блестящей
Покрылась гладь лугов.

Восходят струи к небу.
И ветер все теплей.
Несет мальчишка репу
Со вспаханных полей.

Синеет свод высокий,
День набирает сил.
Готовят всюду сохи.
Стоит, молчит Дзиддзил.

Стоит он тихий, грустный.
Пред ним земли клочок.
Как будто камень грузный
Ему на сердце лег.

На ясный день уныло
Глядит он — как во тьму.
Кто даст соху Дзиддзилу?
Кто даст быков ему?

* Д З У Л Е
(А д æ м и з а р т æ й)

Нæй Дзулей зæрдаæ æнцойнæ,
Ие æ фагæ нæ хуссуй,—
Æд æхсæвæ, æд-æ-бонæ
И мæсугæй фæлгæсуй.

Цæбаæл æй цума æ хъурмæ,
Ци æрцудæй, ци кæнуй?
Æ бæгъатæр лæг мæсугмæ
Æртæ бони нæ зиннуй.

Уæй Дзуле, Дзуле, ниттонæ
Дæ дзиккотæ æмхицæй,—
Дæ бæгъатæр лæг, де 'нцойнæ,
Издин фатæй мард фæцæй.

Нур цъæх нæуæбæл уæлгоммæ
Ие мед-арæхъ ку лæуүй,
Фид мондагæй йæ комкоммæ
Хой æ сæргъи ку зелуй.

1923

■

* ДЗУЛЕ

(Из народных песен)

Ветер воет одинокий.
Нет покоя на земле.
День и ночь на путь далекий
Из окна глядит Дзуле.

Ветер ей беду пророчит.
Свищет, долог и уныл.
Муж ее три дня, три ночи
В башню к ней не восходил.

О Дзуле, отныне в башню
Не взойдет ни разу он.
Твой любимый, твой отважный
Меткой пулею сражеи.

В глубине далеких гор он
На траве один лежит.
Ненасытный черный ворон
В небесах над им кружит.

1923

■

* С К Ъ А В Д'И Г Ъ А Р А Е Н Г А Е

Цъæх зæлдæбæл сау бæхгингтæ,
Еугурæй дæр арцæгингтæ —
 Уох, æна, ци кæнон...
Фæххæссунцæ мæн фæрбунай,
Ци унгæт дæн, ци, ме 'рхунæй,—
 Уох, æна, ци кæнон...
Нанамæ мин ка бауайа,
Бабай цирт мин ка бахуайа? —
 Уох, æна, ци кæнон...
И цъалай буни ме 'рвадæ,—
Мæ бони радæ, мæ радæ,
 Уох, æна, ци кæнон...
Мæ киндзхонтæ нæ къæсæрмæ
Ку нæ зиннунцæ мæ гъæрмæ,—
 Уох, æна, ци кæнон...
Мæ фæрдгутæ нæ сиребæл
Ку фæуугътон æнæдзебæл,—
 Уох, æна, ци кæнон...
Мæ болат кæрдæн ѡетени,
Мæ болат æрций гетени,—
 Уох, æна, ци кæнон...
Уони хæццæ мæ судзинæ,
Нæ уæлкъурту мæ уфтинæ,—
 Уох, æна, ци кæнон...
Нур мæ 'ной, мæ 'ной æнгартæ
Куд кæндзæнæнцæ мæ зарта,—
 Уох, æна, ци кæнон...
Мæ нийерæги дзæгъæлти
Ку ниуугътон æнæнгъæлти,—

* ПЛАЧ ПОХИЩЕННОЙ

Кони скачут вороные.

Копья — острые, стальные.

Ох, Ана, что мне делать...

Ветер бьет в лицо с размаха,

Замираю вся от страха.

Ох, Ана, что мне делать...

Кто расскажет маме милой,

Постучит отцу в могилу?

Ох, Ана, что мне делать...

Брат лежит в траве убитый,

Кровь моя, моя защита.

Ох, Ана, что мне делать...

Где вы, сваты? На пороге

Не встают на крик тревоги.

Ох, Ана, что мне делать...

Рядом кони скачут, скалясь...

Бусы на крыльце остались.

Ох, Ана, что мне делать...

Чувяки лежат без дела.

Их дошить я не успела.

Ох, Ана, что мне делать...

Как там без меня подруги

Будут коротать досуги?

Ох, Ана, что мне делать...

Дом оставила свой милый,

Мать свою осиротила.

Ох, Ана, что мне делать...

Уох, жна, ци кёнөн...
Ци кәндәенен, ци, ме 'икъарди,
Мә нийерәтгәй идарді,—
Уох, жна, ци кёнөн...
Цъаҳ зәлдабәя сай бәхгитә,
Еүгурәй дәр арцәгитә,—
Уох, жна, ци кёнөн...

1924

Гуләр

От печали цепенею.

Что мне, что мне делать с нею?

Ох, Ана, что мне делать...

Кони скачут вороные.

Копья—острые, стальные.

Ох, Ана, что мне делать...

1924

Г у л а р

5

* БУНДОРИ КАТАЙ

Æмбес æхсæви мæйрохсмæ
Ку æрхуссуй гъæу æнцад,
Бакæнуй, цид, æрхунбадæ
Нæ зæронд бундор уæлнад...

Гъæйда-гъа, кæун нийдайуй,
Нæ уорамуй цæстисуг:
— Рацæйевгъудæй мæ догæ,
Ницæйкалдæй мæ мæсуг.

Нур сийивтонцæ дзамантæ,
Æристадæй æндæр цард,
Нур феронх æнцæ бундортæ,
Фæттæргай æнцæ идард...

Исфæлхаттæй нур дзилагæ,
Неке хонуй мæн хуцау,
Нурмиккон мæмæ зæнхонтæй
Неке бал æй æнгъæлдзау...

Нецибал дæн æз мед адæм,
Нецибал æй мæ амонд,
Нæбал ерун фæтки адæ,
Кувд, мипасæ 'ма нивонд...

Ка нæ зонуй мæн гузавæ,—
Ку лæдæридæ мæна...
Тæходуй æма и зæнхæ
Ку ниттонидæ фæлтау!

* ПЕЧАЛЬ ДОМОВОГО

Над аулом месяц всходит.
Утихает шум дневной.
Песню горькую заводит
У дороги домовой:

— Жизнь моя, ты — день вчерашний.
Тяжело мне, тяжело.
Обвалились камни башни.
Все уходит. Все ушло.

Времена пришли другие.
Стал другим весь белый свет.
Позабыты домовые.
На земле им места нет.

Стала жизнь совсем иною.
Да-а... Не то теперь, не то...
Кто считается со мною —
С домовым? Никто, никто...

Сколько жертвоприношений
Мне, бывало... А сейчас?
Ни пиров, ни угощений.
Горький, невеселый час.

Вот сижу один под елью.
И никто моим словам
Не внимает. Чтоб сквозь землю,
Люди, провалиться вам!

Нæ зэронд бүндор мэйрохсмæ,
Ку архуссуй гъæу æнцад,
Гъе уотæ кæүб æноси
Далæ коми и уæлнад.

1927

**Серебрит дорогу дальнюю
Месяц. Мирно спит аул.
Домовой свою печальную
Снова песню затянул.**

1927

* ДЗИРАСГЭ

Сур-сур кэнуй Дзирасгэ
Зэнхи бунжэй рэсог.
Гъэйдэ, бэлцон, ниуазгэ,
Фетинг кэнэ дэ тог!..
Æгас дуне нисгарэ,—
Амэн аэмбал нэйис.
Ниуазэ, цэй, ме 'нгарэ,
Фесафдээнэй дэ нез...
Цэргэс тэхий уялтегъэ,
Нискъотт кэнуй фийай.
Кирбадт кэнуй уорс мегъэ
Уялхуэнхтэ бэмпэгау...
Фэйнердигэй цъететэ
Зиннунцэ цэндэвард,
Уял цөнгитэй аскъетэ
Кэсунцэ фур энкъард...
Цума кэнуй мед къозэ
Хори хэццэ аянуст,
Уйайа зинний ардоэ,
Дидингутэй фэлуст.
Дэентти гъэрэй зумэргътэн
Не гъосун сэ удзэл.
Мэ сэнттэ ку нэ фэдтэн,
Нэ дэн уяддэр мэтъэл...
Сур-сур кэнуй Дзирасгэ
Зэнхи бунэй рэсог.
Гъэйдэ, бэлцон, ниуазгэ,
Фетинг кэнэ дэ тог!

* ДЗИРАСГА

Бежит, журчит Дзирасга.
Певучие лады.
Стеснительная пляска
Застенчивой воды.
Звенит волна. И скалы
Кропит пыльцой своей.
Измученный, усталый,
Склонись, воды испей.
Вершины цепью мерной,
Как облака, летят.
С вершин высоких серны
Печально вниз глядят.
Как солнце средь тумана,
В темнеющем лесу
Зеленая поляна
Виднеется внизу.
Летит по небу птица...
Мечта давнишних лет
Не пожелала сбыться.
Но грусти в сердце нет.
Бежит, журчит Дзирасга —
Колеблющийся свет.
Застенчивая ласка.
Стеснительный привет.

1927

Тæходуй, æна,
Маргъ ку фестинæ,
Мæ унгæг къумæй
Фæцæйтæхинæ.
А дуйнетæбл
Æрцæйзелинæ,—
Кæми ци дессаг,—
Уой басгаринæ...

Тæходуй, æна,
Ацæмæзау дин
Æз ку фестинæ
Дессаг фæндургин:
Хъазбеги цъонгмæ
Исцæйцæуинæ,
Дессагон зартæ
Æрцæйцæгъдинæ...

Уæд еугур дуйне
Æримбурд ундæ,
Мæ цæгъдтæлтæмæ
Æригъосидæ,
Кæми ци седзæр,
Кæми ци мæгур,—
Бауарзионцæ
Мæ дессаг фæндур...

И фарии тунæ
Æрфелауидæ,—

Если бы стала я
Птицей легкою,
Я умчалась бы
В даль далекую.
Все края земли
Облетела бы.
Весь широкий мир
Оглядела бы.

Если б я могла
Литься в глубь сердец,
Как прославленный
Ацамаз-певец,
На Казбек взошла б,
Протрубила б всласть,
Песня вольная
Широко б неслась.

Вся земля тогда
И весь род людской
Вдруг услышали б
Сильный голос мой.
Звонкий голос мой
Стал бы слушать всяк:
И богатый князь,
И пастух-бедняк.

Үарzonдzийнадæ
Æрфедар уидæ.
Үæд алли адæм,
Үæд алли бæстæ
Æркалионцæ
Сæ тохæн гæрзтæ.

Фал ку не 'ууæндун
Æз, мæгур кизгай,
Ку наэ рохс кæнуй
Мæ кизгон зæрдæ.
И дуйней сæргьи
И тугъдон мæгътæ
Æрцаёйдарунцæ
Сæ тогин тегътæ.

1934

М о с т и з д æ х

И вверху орел,
И внизу аул...
И для всех тогда б
Фарна луч блеснул.
Лейся, дружбы песнь.
Песнь любви, звучи.
Все б откинули
Прочь свои мечи.

Как не вычерпать
Всей воды морей,
Так не сбыться ввек
И мечте моей.
Грозный звон мечей
Слышел там и тут
Тучи черные
Над землей плывут.

1934

М о с т издах

* ГЪОНГÆСИ ФУРТ
MÆGUR MÆХÆМÆТ

I

Цæй, байгъосетæ мæ кадæнгæмæ,
Мæ кадæнгæмæ, нæ рæсугъд ахил!
Фидтæлти доги нæ бæрzonд хуæнхти
Ку исцæй кодта æнæуаг æстонг.
Нæ цъæх хонсæрттæ, нæ цъæх будуртæ
И хори тъæпmæ ку ниссугъдæнцæ.
Æнæ хуаллагæй нæ фонси мортæ
Уæд райдæдтонцæ цæгъдуни кæнун.
Нæ раз-рæбунти, нæ къозæ гъæдти
Ку нæбал цудæй мæлхъи зарунгъэр.

II

Ку рацæйцудæй уæд даргъ гъæунгти
И гъонгæси фурт мæгур Mæхæмæт,
Ку рацайцудæй къолæ бæрзæйтæй,
Æ пихцил ходи бæгънæг арæстæй.
Æ рапхез къохи æ фийай-лæдзæг,
Æ галеу фарсæй æ сай кæрдбадзæ,
Æ еу суйнæбæл æ медгæрз-ронæ,
Æ дуккаг зæрдæ — æ зарæн хæтæл,

* СЫН ПАСТУХА БЕДНЫЙ МАХАМАТ

Вы послушайте, люди добрые,
Слово горькое, мой старинный сказ.
В годы давние на родиой наш край
Набрела беда — страшный мор и глад.
Все поля, луга, травы сочные —
Все безжалостный выжег солнца луч.
Все повысухил, все огнем спалил.
Скот от голода погибал в горах.
Помертвели все чащи рощ, лесов —
Пенья птичьего в них не слышалось.

II

Проходил тогда длинной улицей
Сын пастушеский бедный Махамат.
На плечах его рвань, тряпье висит.
Голова его вниз опущена.
Посох свой он держит в правой руке.
Ножны черные — на левом боку.
На бедре его — кожаный ремень,
Верная свирель, друг испытанный.

III

Ку əрхæцæ үй устур нихæсмæ,
Устур нихæси и зæронд адæм
Сæ гeyгæ бадти ку егаунцæ,
Ку егаунцæ мæгур фæлгæлæс.
— Хуарз байрайтæ, уæ, фæрнгун адæм! —
Ислзоруй сæмæ мæгур Мæхæмæт.
— Əгас əрцæуай, уæ, лæппо-лæттай!
Кæцæй цæуæг дæ, ци хабар зæгъай?
— Ци хабар зæгъон? Мæ зæронд фиди
А мæгур доги цæмæй фæддарон,
Гъеуой амалæн нæ мæгур гъæуæй
Æз фесхъæтæг дæн куст агорунмæ.
Ку зæгъунцæ ин и зæронд адæм:
— Ауæхæн заман, ауæхæн доги
Неке бон бал æй ихуæрст бакæнун.
Фал цæуæ, нæ хор, и хани гъæумæ,
Кæдимайци дæ хан байхуæрсидæ.

IV

Æризæрмeltæ 'й, и мæргъти зарун
И гъæди медæг ку фæссабур æй,
Уæд гъолгæси фурт мæгур Мæхæмæт
Ку бахæцæ үй и хани гъæумæ.
И гъæугæрони бæргæ əрлæуий,
Бæргæ əрлæуий, æ даргъ хæтæлæй
Борæма лгъи зар бæргæ никкæнуй.
Ку фæдзæзоруй уæд хан коցутæмæ:
— Ци дессаг æй йе, ке зарун цæуий?
Ка уод iæнæй йе, ке зæрдæ зæгъуй

III

Вот идет пастух на большой нихас.
Седоглавые старцы там сидят.
От усталости клонят головы.
От усталости и от горести.
— Мир и счастье вам, люди добрые! —
Их приветствует бедный Махамат.
— Здравствуй, здравствуй же, добрый молодец.
Ты откуда сам? Что за весть принес?
— Что скажу я вам?.. Чтоб от голода
В этот страшный год не погиб отец —
Он уж стар совсем — я покинул дом.
Не наймусь ли где на работу я?..
— Трудный год пришел, тяжкая пора.
И едва ли кто возьмет работника.
Всяк не знает, чем и себя кормить.
У людей теперь — ни надежд, ни сил...
Но пойди, сынок, в ханское село.
Может, хан возьмет тебя в работники.

IV

Ночь сошла, лес затих, когда
Бедный Махамат, сын пастушеский,
Ханское село увидал в дали.
На окраине отдохнуть присел.
Отдохнуть присел, запел, заиграл
На свирели звонкой, переливчатой.
Слышит хан свирель голосистую.
Удивляется, кличет слуг своих:
— Это что за диво? Это кто такой?
Чье же сердце так могло возвыситься

А мæгур аизи хæтæлæй цæгъду?

Ракæсстæ 'ймæ, æрбакæнётæ 'й!

V

Æрбакæнунцæ уæд хани цормæ
И гъонгæси фурт мæгур Хæмæти.
Бæрзонд мæсугæй и хани кизгæ,
И хани кизгæ, Гиданиæ рæсугъд
Уæд ку ракастæй хæтæлдзæгъдæгмæ.
Мæхæмæт адтæй иуонггин лæхъуæн,
Урух цæститæ, бæзæрхуг арæст.
Æ фиццаг уиндæ, æ фиццаг бакаст
Гидани зæрдæ бæргæ ниццæвуй.
Ку æрфæрсүй хан мæгур Хæмæти:
— Кæцæй цæуæг дæ, кæмæй уодзæнæ?
Циуавæр хъал дæ, нур æстонг аизи
Хæтæлæй цæгъду ке зæрдæ зæгъу?<
Ку зæгъу Хæмæт уæд хестæр ханæн:
— Нецæмæй хъал дæн. Мæ фур гузавæй
Кæуни фæлтау хæтæлæй цæгъду.
Мæ зæронд фиди цæмæй фæддарон,
Гъеуой амалæн æз рацæйцудтæн
Нæ мæгур гъеуæй куст агорунмæ,
Дæн гъонгæси фурт мæгур Мæхæмæт.

VI

Бацудæй Хæмæт хани зæрдæмæ,
Æрæйуорамуй ихуæрсти номæй:
— Цæй, косæ мæмæ аизи нимæдзæй,
Дæ зæронд фиди цæмæй фæддарай,

Над страданьями, над горем стонущих?
Подозвать его, привести ко мне!

V

Вот подходит он к дому ханскому,
Сын пастушеский бедный Махамат.
Большеглаз, высок. И широк в плечах.
Ханская дочь из окна глядит.
Как увидела парня ханская дочь,
Что-то жгучее в сердце ей вошло.
Что-то жгучее, как стрела каленая,
Из натянутого лука пущенная.

— Ты откуда есть? — вопрошаet хан.—
Из какого ты роду-племени?
Ты, видать, богач. Кто бы мог еще
В этот горький год распевать, играть?
Отвечает так бедный Махамат:
— Не богат ничем. От большой тоски
Я свирель свою подношу к губам.
Вместо горького плача — песня моя.
Чтоб от голода в этот тяжкий год
Не погиб отец, я покинул дом.
Может, где-нибудь найдусь в работники,
Сын пастушеский бедный Махамат.

VI

Хану нравится добрый молодец.
Оставляет он его работником.
— Нанимаю тебя я на целый год,
Чтоб ты смог прокормить старого отца.

Гъе уой фагæ дин мизд ку ратдзæнæн!
Исарази æй мæгур Мæхæмæт
'Ма ку райдайуй и хани тургъи
Цæрун-хуæрунтаæ ихуæрсти номæй.

VII

Изæри усми æ даргъ хæтæлæй
Мæгур Мæхæмæт ку ниццаæгъдидæ,
Уæд хани кизгæ Гиданнæ рæсугъд
Бæрзонд мæсугæй сах нийгъосидæ.
Уарзт райгъял уидæ уæд йе 'взонг зæрди,
Хори тунау йин барохс кæнидаæ
Æ рæсугъд æнгæс, æ рæсугъд цæсгом.
Уотемæйти, цид, боневæнгæнгæ
И афонæ дæр куд нæ лигъдайдæ?

VIII

Ци 'й, ци згули йес и хани тургъи?
Тарст мулдзугутау раледз-баледзæ,
Гъуди зелæнтæ цæмæн кæнунцæ
И тургъи медæг хани косгутæ?
Рæсугъд Гиданнæ — хани кизгæмæ
Минæвæрттæ йес æлдари фуртæй.
Хан саразта син устур хинститæ,
Устур хинститæ, цинæдзинадæ.
Уалдзигон хорая ку идзуулунцæ,
Ку идзуулунцæ и минæвæрттæ.
Нæй идзуулд æрмæст рæсугъд Гиданнæ,
Нæ цинæ кæнуй бæрzonд мæсуги.
Уæд ферветуй йе æ хан фидæмæ,

Согласился на то бедный Махамат.
Начал новое он житье-бытье.
Стал работником на ханском дворе.

VII

Лишь погаснет день, бедный Махамат
Вновь берет свою длинную свирель.
Звонкую свирель жадно слушает
Хана дочь, Гиданна-красавица.
Юная любовь в сердце вспыхнула.
Будто солнца луч, осветила вдруг
Горделивый взор, ясное лицо.
Новый светлый день идет на смену дню.
Легокрылые, быстро дни летят.

VIII

Это что за шум на ханском дворе?
Отчего, как муравьи перепуганные,
Бегают по двору, полные забот,
Суетятся слуги хлопотливые?
К ханской дочери Гиданне-красавице
Сын алдара сватов прислал.
Хан устраивает им богатый пир.
Богатый пир, большое веселье.
Рады, веселы сваты захмелевши.
Рад гостям своим именитым хан.
Лишь одной Гиданне невесело.
Запечалилась Гиданна в башне своей.
За отцом своим посыпает она.
Посыпает она служанку-девушку.

Æ хан фидәмәе ә косәг кизги.
Ку радзоруй ин лигъстәе гъәләсәй:
— Мә уарzon фидә, ку наә мә фәндүй,
Ку наә мә фәндүй әлдари фуртмә,
Цәмән дәттис мә әнәбарвәндәй,
Æнәбарвәндәй, дә тухеуәгәй?

IX

Уәд дзоруй и хан йе 'взонг кизгәмәе:
— Кәд әлдари фурт наә бәzzүй дәүән,
Уәд бәzzон әдта ка ма уодзәнәй?
Ку дзоруй кизгай ә хан фидәмәе:
— Мә уарzon фидә, зәгъздәнән дин ай,
Мә кизгон зәрдәе хәстәгдәр кәмә 'й,
Кәд дәттис мин ду зәгъунн барә!
Æ кизги зәрдәе баләдәрунмә
Æнаә мәстхузәй хан исарази уй.

X

Уәд зәгъүй ханән Гиданиә рәсугъд:
— Иес еу адәймаг, мә кизгон зәрдә
Æхеңән әмбал, әхемә хәстәг
Ке бакәнидае барәвәндөнәй.
Ка уодзәнәй йе, зәгъздәнән дин ай:
И гъонгәси фурт мәгур Мәхәмәт.
Нирризтәй и хан ә мәдбунати,
Ненци исдаурдта дзәвгарә усмә,
Æрағиау ба мәстгүн гъәләсәй,
Къохәй әвзедгәе, нигъъәртә кәниүй:
— Уә гъәла кизгай, ду аци бонә

Говорит отцу упавшим голосом:
— Мой родной отец, не хочу идти,
Не хочу идти замуж за немилого.
Почему отдаешь против воли моей?
Не неволь меня, мой отец родной.

IX

Говорит тогда хан своей дочери:
— Сын алдара не мил, кто же мил тогда?
Где ж еще искать жениха достойнее?
Отвечает дочь отцу-повелителю:
— Выслушай меня, о родной отец.
Не неволь меня, не губи меня.
Повели сказать — я скажу тебе,
Кто милее сердцу девичьему.
— Говори,— молвил хан, пересилив гнев.

X

И сказала хану Гиданна-красавица:
— Есть один человек, сердц^у мил и люб.
Тот, кто мог бы стать другом близким мне.
Я открою тебе, назову, кто он —
Сын пастушеский, бедный Махамат.
Как услышал хан такие слова,
Так затрясся весь, побелел, как холст.
Слова в гневе не может выговорить.
Отошел немного — в буйной ярости
Стал рукой махать, криком стал кричать:
— О безумная! Что сказала ты?

Ку фæууиндзæнæ, куд фæууарзунцæ
Ханти кизгуттæ гъонгæсти фуртти!

XI

Ци 'й, ци згули йес и хани тургъи?
Тарст мулдзугутау катайтæгæнгæ
Цæбæл зелунцæ хани косгутæ,
Хани косгутæ и тургъи медæг?
Уæд ракæунцæ мæсуги цормæ
И гъонгæси фурт мæтур Хæмæти,
Циргъ фæрæтæй ин æ саудзикко сæр,
Æ саудзикко сæр ку ракъуæрунцæ.
Тогæйдзагæй æй циргъ мехи фийбæл,
Циргъ мехи фийбæл æрцæйкæнунцæ.
Уæд радзоруй хан и косгутæмæ:
— Базонетæ нур, куд фæууарзунцæ
Гъонгæсти фурттæ ханти кизгутти!

XII

Уотæ рæхги дин мæсуги хурфæй
И косæг кизгæ ку рацæйуадæй,
Кæун гъæлæстæй ку рацæйдзурдта:
— Уой, хани кизгæ Гиданиæ-рæсугъд
Болат кæрдæнæй ку парæхуста,
Ку парæхуста æ тæккæ зæрдæ...
Ку рауæлгоммæ 'й мæсуги хурфи,
Мæсуги хурфи тоги пурхæнти!
Къех райзадæнцæ уæд игъоցгутæ,
Цæвettонгæ ма сайди фæцæпцæ,
'Ма фестадæнцæ æмир цавддортæ.

Вот увидишь ты, как влюбляются
Хана дочери в сыновей пастухов!

XI

Что за шум стоит на ханском дворе?
Что шныряют слуги перепуганные?
Что толпятся все работники,
Все прислужники на ханском дворе?
Вот выводят Махамата, сына пастуха.
Под высокую башню ставят его.
Отрубают ему голову острым топором.
Окровавленную, на кол насаживают.
Обращается хан к своим работникам:
— Вот узнайте теперь, как влюбляются
Сыновья пастухов в ханских дочерей!

XII

Выбежала из башни служанка-девушка.
В страхе плачущим голосом рассказывает:
— Ханская дочь Гиданна-красавица
Сердце пронзила булатными ножницами.
Сердце пронзила ножницами булатными,
Посреди башни в крови лежит.

Мертвыми камнями застыли все,
Будто навеки обманутые.

* ДЗАНДЗИРАХЪ

I

Æримбурд әнцæ абори
Æвдæймаг сабат Къаматæ,
Ку æрбадунцæ тæрхони
Æд лæдзгутæ, æд хъæматæ...
Тумугъбатгæнгæ хестæртæ
Даргъ хæссунцæ сæ унаффæ.
Сах истунцæ и кæстæртæ,—
Игъосунцæ æд гузаввæ.
— Нæуæгдзуд киндзæй, фæсевæд,
Нæ силти хуæздæр, нæ кадæ —
Дзандзирахъ-рæсугъд фесавдæй,
Ие куд иæй махæн æгадæ?..
Фал ке лазæ, ке бæллах ай,
Кæбæл гъарæн нæ тæргъæд?
Ка хæссуй дзиллæн лиагъæ,
Базонетæ уой, фæсевæд...
Гъе уотæ сæ загъд хæссунцæ
Сæ хорбадæни Къаматæ.
Сæ фур мæстæй ниттелунцæ
И кæстæртæ сæ хъæматæ...

II

Уæд фийай биццеу бæрzonдæй
Гъær æмбурдмæ ку низзаруй,
Уой ниффæнзгæй и зæгъæн дор
Хуæнхтæ, гъæдтæ ниццарай:

* ДЗАНДЗИРАК

I

Вот седьмой уж раз в субботу
Собираются каматцы.
Острые кинжалы блещут.
Речи горестные делятся.
Друг за другом речи держат
Старцы важные, седые.
В холдеющей печали
Им внимают молодые.
— Дзандзирак, невестка наша...—
Скорбь, как тень, на лица пала.
— Лучшая из наших женщин
Где-то без вести пропала.
— Разыскать ее должны мы.
Чья вина? Чье злодеянье?
Кто за это все в ответе?
Кто приносит нам страданье?
Вот какие речи держат
На хорбадане¹ каматцы.
Острые клинки блестят.
Взоры гневные лучатся.

II

Чу! Несется звук далекий.
То пастух кричит с вершины.

¹ Хорбадан — место на солнечной стороне, где собирались, сидели люди

— Гъей, байгъосетæ, хуарз адæм,
Фæууидтон дессаг абони —
Сугъзæрина сурх дзиккотæ
Фелаунцæ далæ дони!..

III

Гур-гургæнгæ далæ фордмæ
Ниффæдес æнцæ Къаматæ.
Æристадæнцæ донгоми
Æд лæдзгутæ, æд хъæматæ.
Усмæй-усмæмæ дæлфинкæй
Цъæх ку ферттевуй фелауæн,
Фæззиннунцæ сугъзæрина
Сурх дзиккотæ уæд еу рауæн.
И фæлхъæзæнти æнцойнæ
Тæгтæ-тæгтæ фелаунцæ,—
Уалдзигон хорau сæ гъазти
Æнæ дауæ федаунцæ.
Ниггузавæ 'нцæ Къаматæ,
Арф хæссунцæ нур сæ ниндæ.
Багъудæй сæ æвеппайди
Мард хæссунмæ нур мæрсинтæ...

IV

Исæздахтæнцæ донгомæй
Сæ хорбадæнмæ Къаматæ,—
Даргъ хæссунцæ сæ унаффæ
Æд лæдзгутæ, æд хъæматæ...
Дæргъæй-дæргъæмæ уæлдзеген
Мард ку 'рхъан æй уопи цори.
— Ауæхæн дессаг нуронги
Некæд ма 'рцудæй Дигори...

Голос, повторенный эхом,
Жадно слушают мужчины.
— Вы послушайте, о люди! —
Им пастух кричит с утеса.—
Я сегодня чудо видел —
В волнах огненные косы.

III

Тесною гурьбой каматцы,
Как обвал, к реке сбежали.
Встали над водою быстрой.
Смотрят на воду в печали.
То скрываясь ненадолго,
То из глубины всплывая,
Сквозь клубящуюся пену
Прядь сверкает золотая.
С чистою водой сливаясь,
Повторяя волн движенье,
На воде горит лучисто,
Будто солнце отраженье.
Плеск воды бегущей слышен.
В сокрушенин каматцы
Молчаливою толпою
Над умершою теснятся.

IV

Вновь вернулись на хорбадан.
Гневные слова взлетают.
Огненные взгляды блещут.
Острые клинки сверкают.
Кто в содеянном повинен?
В голосах и гнев, и горе.

Ци кодта, цума, фæсевæд,
Дзандзирахъ-рæсугъд, нæ кадæ?
Ие ку байзайа асхъоди,
Уодзинан гъе уæд æгадæ...
Гъе уотæ сæ загъд хæссунцæ
Сæ хорбадæни хестæртæ,
Сæ хъæматæ ниттелунцæ
Сæ фурмæстæй и кæстæртæ...

V

Уæд рацæйцудæй æмбуrdæй
Дзандзирахън лæг еварсмæ:
— Ци кæнон, зæгъуй, хуарз адæм,
Авд къуæрей цæуй, уой разæй
Æз фесафтон Дзандзирахън
Есге ардуд, йесге лазæй...
Уой бавдистæй хуæзголдарбæл...
Мæ болат хъæма нинсадтон,—
Æ циргъ финдæй æнæхатир
Æз тækкæ зæрдæ ниргъавтон...
Куд ниххаудтæй мард и донмæ,
Уой æстъалутæ уидтонцæ...
Уой цæхъалтæ кæрæдземæн
Десæ-дзорæ фæккодтонцæ...
Æрцæйцæуæд и уæл мардмæ
Нур Къундзай-фурт, мæ ардауæг,
Кæд хонуй æхе мед адæм
Æнæ мегъæ, раст идауæг!

VI

Уæд Къундзай-фурт и уæл мардмæ
Æрцæйцудæй лækъундзастæй.

Кто же?.. Никогда такого
Не было еще в Диоре.
Труп распластан на циновке —
Неумолчный глас укора.
— Если тайны не откроем,
Нам вовек не смыть позора.
Вот слова звучат какие,
Вот какие длятся думы
Под суровое молчанье,
Под кинжалов блеск угрюмый.

V

И тогда на середину
Муж погибшей вдруг выходит.
Взгляд свой скорбный подымает.
Скорбным взглядом всех обводит.
— Я убил. По злому слову.
По навету. Мне сказали —
Дзандзирак мне изменяет...
В тяжком гневе и печали
Пережить позор не в силах,
Нож булатный наточил я.
И отточенное жало
Прямо в сердце ей вонзил я.
Как упало тело в реку,
Только звезды лишь видали...
Да катящиеся волны
Меж собой о том шептали...
Сын Куйдзая, подстрекатель,
Пусть же встанет у покойной.¹

¹ По обычаям горцев, слово, произнесенное у тела покойника, считалось правдой.

Фæгъгъэр кодта, цæвсттоңгæ
Æвеппайди топп февастæй:
— Берæ бонти Дзандзирахъи
Ку фæккодтон шимæхстуарзæ,
Æрæгиау исæмбалдæй
И мæгурбæл мæ фуд лазæ.
Æвдистон æй хуæзголдарбæл,
Æримистон мæнгæ дауæ,
Фæккæнинæ хебæраги
Хъамболати соцъардауæ,—
Кæд раrветидæ æ уоси
Сурди номæй æ цæгатмæ,
Æрхудтайнæ Дзандзирахъи
Уодæнбалæн уæд мæ уатмæ.
Гъе уотæ зæгъуй Къундзай-Фурт...
Сах кæсунцæ 'ймæ Къаматæ,
Никъкъех æнцæ сæ фур десæй
Æд лæдзгутæ, æд хъæматæ,
Хъамболат кæсуй зæнхæмæ,
Æхсæйвон мæйау нийвадæй,
Фицгæ донау тæвдæгæнгæ
Маст зæрди хурфи сирадæй...

VII

Хор фæсхуæнхтæ фæййаууон æй,
Мард байвардтонцæ Къаматæ,
Нур хæлеу кæнунцæ уигтн
Æд лæдзгутæ, æд хъæматæ...
Рацæйевгъудæй еу афæй.
Сæумигон гъæуæй идарди
Иссирдтонцæ и Къаматæ
Æвеппайди дууæ марди.

Пусть все снова повторит он,
Коль он человек достойный.

VI

И выходит, взгляд потупив,
Молчаливый сын Кундзая.
Вдруг, прорвавшись, крик раздался,
Будто выстрел, тиши пронзая:
— Много лет в глубокой тайне
Я любил ее, о люди.
Зло моих несчастных мыслей
Пусть же вам открыто будет.
Я любил ее, о люди...
Мукой мучаясь безмерной,
Я нарочно Касболату
Представлял ее неверной,—
Чтоб ее он, оскорбленный
Этой ложною виною,
В дом родительский отправил...
Я ж тогда — своей женою
В дом к себе ее привел бы.—
Речь такую сын Кундзая
Произнес. Стоят каматцы,
Что сказать в ответ не зная.
Смотрит неподвижно в землю
Касболат, склоняясь сутуло.
Боль обманутого сердца
Закружила, захлестнула.

VII

Мертвую похоронили...
Молчаливы и усталы,

Ису хүндтэй уонай Къундзай-Фурт,
Хъамболат ииней худтонца.
Асваацаган, и фэндагбэл
Фудамбэлэ фэскходтонца.

1927

По домам идут каматцы.
Солнце спряталось за скалы.
Год прошел... Однажды утром,
У ручья, на темных плитах,
В отдаленье от аула,
Увидали двух убитых.
Их одна свела дорога
В чистом поле, тьмой объятое.
Был один Кундзая сыном.
А другой был Касболатом.

1927

* ГУДЗУНА

I

Æ сæууон тунæ цъетемæ
Хор идзулгæ нивæндуй.
И сай хонхæн æ циргъ бекъæ
Сузгъаринæй фæлгъандуй.

Уалæ фахси, сурх тæмæнтæ
Кæми калуй бобона,¹
Фæццæй æскъæрүй æ дзогæ
Фæлвæрай-фурт Гудзуна.

Лæузæнгойнæ, сæппæркъегин,
Дивилдунтæ, лацамарз,—
Фæццæйгъузүй, цæвettонгæ,
Дзебæлгæнгæ гъунтъуз арс.

И гъæугони, зурзургæнгæ
Кæми ледзуй сайæдон,
Æристадæнцæ дондзаутæ
Æд къустелтæ сæумигон.

Гудзунабæл айуангæнгæ
Нихходунцæ къæл-къæлæй,
Фал не сдзоргæй, фæццæйцæүй
Фæлвæрай-фурт дзæндæлæй...

¹ Б о б о н а — бæласæ, ирæзуй хуæнхти.

* ГУДЗУНА

I

Мир проснувшийся зеленый
Солнце жжет лучом своим.
Гребень острый, ограненный
Щедро позолочен им.

Где подобная пожару,
Ярко рдеет бобона,¹
Гонит ввысь свою отару
Сын Фалвара Гудзуна.

Хмур, помят, в опорках ноги.
Черен — страшно поглядеть.
Будто вставший из берлоги
Раскосмаченный медведь.

Медленно идет тропою.
Свой привычный, давний труд
Начинает. За водою
Утром девушки идут.

Смех сейчас раздастся снова,
Будто зазвенит кувшин.
Но не скажет им ни слова
Гудзуна — Фалвара сын.

¹ Бобона — горное дерево.

Гъей уәүүәй, уәүүәй, фәлтауги
Цард фесәфәд, цәй, бунтон,—
И силтә дәр ма ходунцә
Гудзунабәл сә фәндөн...

II

Устур фәзәе ес еу рауән,
Кудзәфтауән йе хүннүй.
Æнә схъартгә и тегъәмә
Ие цәстәмә нә зиннүй.

Фал ку скастәуа уәлтегъәй,—
Фәзәе лигъз ама кәдзос,
Хуәнхтә, гъадтә хәләмүлтәй .
Æрзилдәнцә ә фалдзос.

Гудзунайән йе — ә хезнә...
Æ уодәнбал — ә хәтәл
Хебәраги ә уәлдзогә
Æривәрүй ә цъухәл.

Гъәйдә-гъа, цәгъудун нийдайүй,—
Æд хәтәл әдули наёй.
Уой, десгәнгә, ниффәнзунцә
Хуәнхтә, кәмттә әмбурдәй...

III

Æксәрдзауәни кизгайтә
Гъаст саразунцә фәстунд.
Нә син фәүүй сә цинаәмә
Гудзуна дәр әнә хунд.

Мысли горестные вьются.
Что за жизнь ему дана?
Даже девушки смеются
Над беднягой Гудзуной.

II

Средь обрывистых, ребристых
Скал — площадка есть одна
Ровная. Собачий выступ
Называется она.

Скрытый от людского взора,
Тихий уголок. Вокруг —
Горы, лес и снова горы.
Посреди — зеленый луг.

По зеленою глади луга
Ходит, бродит Гудзуя.
С ним свирель — его подруга.
Льнет к губам его она.

Он играет на свирели
Свету белому всему.
Лес и горы, и ущелье
Вторят весело ему.

III

Сбор орехов кончен. Пеньем,
Смехом даль оглашена.
На веселье приглашены
Не обходят Гудзуну.

Лæссеð æхсæрæй горентæ
Фæлкьеуунцæ зилдæгæй,
Қафгæ-кафгæ низзуурунцæ
Уони сæрти гæпгæнгæй...

Уопи æрдзæф æнæ фæнзгæ
И зæгъæп дор næ лæуүй,
Уони цинæй, уопи гъазтæй
Арв сæ сæргъи идзууий...

Фал ци 'нкъард æй Фæлвæрай-фурт,
Фæлвæрай-фурт Гудзуна?
Ие гъæуама и медгъазтæ
Æнгуулдæхтæ искæна...

Уæзбунгомау дзæндæл-кафæ
Æрцæйкæнуй næ фийай.
Бæргæ гъавуй гæпп кæнуунмæ
Ие горенбæл, фал уæууай!

Æризгъæлунцæ æхсæртæ,
Æрихæлуй и горен,—
Æвæцæгæн, цурдзинадæй
Фæлвæрай-фурт næй Кермен.

Гъæр ходунцæ и кизгайтæ:
— Да нийерæг, Гудзуна,
Дæ тæрегъæдæй ингæни
Æ дзиккотæ ниттона!

Гъей уæууæй, уæууæй, фæлтауги
Цард фесæфæд, цæй, бунтон,—
И кизгуттæ фæххудтæнцæ
Гудзунабæл сæ фæндон...

Сделав вкруг себя преграды
Из ореховых ветвей,
Девушки попрыгать рады
В легкой пляске. Кто ловчай?

Смехом полон луг зеленый...
Смех и звонкие слова
Повторяют изумленно
Камень, ветер и трава.

Что же смотрит так уныло
Сын Фалвара Гудзуна?
Взгляд пастущий — что затмило?
Дума горькая? Вина?

Не развеселит он взгляда.
Не поднимет головы.
Хочет в танце он преграду
Перепрыгнуть... Но — увы! —

Так невелики успехи.
Взяли ветки парня в плен.
Видно, в мастерстве потехи
Сын Фалвара — не Кермен.

Смех девичий раздается:
— Ну и парень — молодец!
Пусть в могиле встрепенется
От восторга твой отец.

Горестные думы вьются.
Что за жизнь ему дана?
Даже девушки смеются,
Как хотят, над Гудзуна.

IV

Гъазт фехалдæй... Сæ дзækъолтæ
Æхсæрдзагæй, уотемæй
Ниуурдуг унцæ кизгуттæ
Далæ гъæумæ авдемæй.

Æ лæдзæгбæл æ уæлдзогæ
Фæрсæнцойнæ æркæнгæй,
Къех истуй фийай уæлтегъæ
Уони фæсте фæлгæсгæй...

Æ зæрди бунæй гузавæ
Лækъунгæнгæ нгуруй,
Цæвettонгæ ма фæстегъæй
Таруг мегъæ исбуруй.

Цæмæн æй цума æгадæ
Ие фæсевæдн æхсæн?
Кæбæл гъара æ тæргъæд,
Ka 'й и дзилли æ лимæн?

Цæмæннæ зонуй æ радæ
Ие цийни усми мед гъазт?
Цæмæн римæхсуй кизгаййæй
Ие зæрди хурфи æ уарzt?

Цагъарау хæссуй æ догæ
Æнæтхалгæ, æвæндон...
Гъей уæууæй, уæууæй, фæлтаугн
Цард фесæфæд, цæй, бунтон!

Гъеуæddæр, мæгур, æ зæрда
Æ хæтæлмæ нæ лæууй,

IV

Вот и кончен час потехи.
Девушки домой, назад,
Захватив свои орехи
По тропинке вниз спешат.

Опершись на верный посох,
Гудзуна один стонет.
С молчаливого утеса
Долго-долго вслед глядит.

Дума, медленна и жгучая,
Все растет в душе, растет,
Будто грозовая туча
Из-за ближних гор встает.

Почему же, почему же
Он один несчастней всех?
Всех нескладней он, всех хуже.
Как обиден этот смех.

Почему так бесприютно,
Одиноко так ему?
И в любви признаться трудно
К черноокой — почему?

Годы быстрые несутся.
А на сердце — боль одна.
Мысли горестные вьются.
Что за жизнь ему дана?

Пусто, холодно... К свирели
Губы тянутся. Вдали —

Исәргъувүй уой ә цъухмæ,
Нэртон цæгъдæ никкæнүй...

Ниффæнзунцæ уой, десгæнгæ,
Хуæнхтæ, гъæтæ æмбурдæй,
Нигъæрзунцæ, цæвettонгæ
Фæттæрсунцæ лæбурдæй...

V

Йес еу рauэн и цæгати
Десæ-месæ сор лæгæт,
Гъеуой медæг фæйиу әпцæ
Гудзуна әма Бæбæт.

Цилпæ рехæ, гебенагин,
Уги хæццæ æмæнгæс,—
И зæронд Бæбæт берæ 'изти
Æрцæйхаттæй — æр сæгъгæс...

— Уо, зæронд лæг,— исцæйдзоруй
Фæлвæрай фурт Гудзуна,—
Æз корун ди, цæй байгъосæ,
Æхсицгон дин ку нæ уа,—

Гъеуæддæр мæ загъд аборни
Ду фегъосæ мæ цъухæй.
Нæ фæддæрдæнæн изолти,
Зæгъдæнæн дин цубурæй...

Идтæг рагæй мин дæ кизгæ
Æй мæ зæрди бæлдатгонд.
Гъей, зæронд лæг, мæн аборни
Ду ма схонæ әнамонд...

Чу! — запели, зазвенели.
Покатились, потекли...

Слушают дубы и липы,
Быстрая волна рески
Обжигающие всхлипы
Страха, маяты, тоски.

V

Есть пещера под скалою.
Глубока, суха она.
Встретились однажды двое
В ней — Бабат и Гудзуа.

С нелюдимым, хмурым взглядом,
Стар Бабат уже и сед.
По горам он с козьим стадом
Ходит много-много лет.

Нерешительно, несмелο
Начинает Гудзуа:
— Есть одно такое дело...
Дума жжет меня одна.

Может быть, тебе не мило
Будет то, что я скажу.
Только дальше ждать — нет силы.
Тяжкий груз давно ношу.

Мучаюсь уже давно я.
Встали на пути глаза.
Сердцу не дает покоя
Дочь твоя, старик, Гудза.

Ду абони барвændonæй
Банимайæ Гудзунай.
Агорун ди уодæмбалæн
Дæ еунæг кизги — Гудзай...

Ма мин кæсæ мæ мæгурмæ,
Кæд нæ дæн абони хъал,
Нифс хæссун уæддæр цæрунмæ,
Нæ уодзæнæн æн' амал...

Æрцæйдауй æ роцъотæ
Уæзбун къохæй нæ сæгъгæс,
Бæзгин хъурæй ницæйходуй:
— Мæнæ дес æма тæмæс!

Гудзунайæн, дан, дæ кизги
Исцæй кæнæ уодæнкъай!
Æвæццæгæн, иæ фæуүидæ
Уæд и гоби æнæ хай!..

Уæхæн лазæ, уæхæн незæй
Байергъæв кæнæд хуцау!
Мабал истæ, цæй, мæ цори,
Фæттæргай уо, цæй, фæлтау...

Æхсајвон мæйау нийвадæй
Фæлвæрай-Фурт Гудзуна.
Уотемæй истуй æнцойнæ.
Ци ма зæгъа, ци кæна?

Гъей уæуүæй, уæуүæй, æнгартæ,
Цард фесæфæд, цæй, фæлтау,
Фæцæйхудтæй Гудзунабæл
И сæгъгæс дæр æнæвгъяу...

Не смотри, что одеянье
Все — ложмость лишь одни.
Было б в сердце ожиданье,
Что наступят счастья дни.

— Гудзуна, да это ты ли? —
Козопас смеется. — Эк
Размечтался, простофилия!
Глупый же ты человек.

Вон куда хватил ты, паря.
Ну, спасибо. Молоде-ец!
Сам скажи — ну разве пара
Дочь тебе моя, глупец?

Горемыка некудышный!
Как ты смел?! Спаси вовек
От таких зятьев, всевышний.
Ох ты глупый человек.

Поперхиулся оробело
Сыи Фалвара Гудзуна.
И стоит, неподвижный, белый,
Как в диевных лучах луна.

Трудно, тяжко сердце бьется.
Что за жизнь ему дана?
Даже козопас смеется
Над несчастным Гудзуна.

VI

В небе ясном и незнойном
Тихая плывет луна.

VI

Арви стъалутæ цæфсунцæ,
Æй æхсæвæ ирд, кæдзос.
Мæйæ ленк кæнуй уæлхуæихтæ,
Рæдзæхсуй дуйнебæл рохс...

Фал æхсæви гъос ихалгæ
Форд не 'ицайй, гъær кæнуй...
Æ фур мæстæй æ цæхъалтæ
Ие бил-дорбæл ницæвуй.

Зуст фентъохуй æ пурфæнтæ,
Дортæ, къолтæ пурфæнгæй,
Цæветтонгæ, æ зин тохи
Ие унгæги исгъингæй...

И уæлайнæг и донгони,
Кæми зайуй цагъана,
Цæмæн бадуй æнафони
Фæлвæрай фурт Гудзуна?

Кæд сираðæй Гудзунаïйæн
Æ мæгур зæрди зин маst,
'Ма и донмæ багæлдзунмæ
'Хе гъавуй нур ба æваст?

На, не 'рхæсдзæнæй æ сæрмæ
Уæхæн фæндæ нæ мæгур.
Æндæр фæндæ, æндæр сагъæс
Уой тухсун кæнунцæ нур...

Ие гъæуама нур мед-адæм
Федис дарæг мабал уа,
И дуйней тохи æд кадæ
Ие фæлтаугн рамæла...

Светом медленным, спокойным
Вся земля озарена.

Звонким гулом нарушая
Дремлющую тишину,
Под горой река шальная
Гонит пенную волну.

Бешено дробит каменья,
Слепо в скалах путь себе
Ищет — будто бы терпенье
Все растратила в борьбе.

Над рекой бурлящей, грозной,
Где темнеет цагана,¹
Почему сидит так поздно
Сын Фалвара Гудзуна?

Может быть, вконец устал он
От насмешек и тоски?
И решился вниз со скал он
Броситься — в провал реки?

Нет, бесславною такою
Смертью пасть не хочет он.
Думой светлою, другою
Ум усталый окрылен.

Так умрет — душою слабый.
Средь родных своих теснин
Лучше умереть со славой,—
Думает Фалвара сын.

¹ Цагана — горное дерево.

VII

Æрбахъæртуй Диоргоммæ
Æвеппайди фуд хабар:
Æрбацæунцæ æфсæдтæ,
Сæ сæргъи цæуæг — Мулдар...

Рафæдес æнцæ Диорæ
Далæ коммæ æнгурфæй.
Æрцæистунцæ тæрхони
Далæ Морги æмбурдæй...

Ци кæнонцæ? Истохунмæ
Ку нæ бæззуй сæ фадат.
Ку нæйес сæмæ сæ фагæ
Тохæн гæрзтæ, тохæн фат!

И фæдесонтæй еуетæ
Æрхæссунцæ уæхæн загъд.
Фал мед æмбурдæй амонæ
Иeu рацæйцуðæй уайтагъд.

Æ уæл суйнæ æ кæрбадзæ,
Лæузæнгойнæ, сæппæркъе,
Топп йе рагъи, уотемæйти
Гъæр зæгъуй æмбурдæн йе:

— Гъей, хуарз адæм, гъей æнгартæ,
Цæй, ма 'рниллæг уæд нæ ком,—
Цæй, ма 'рбаудæн æлдари,
Байергъæв кæнæн нæ ком!

Нæ бæлстæнцæ æлдайрадæ
Нæ фидтæлтæ æппундæр,—

VII

Тягостное беспокойство.
Весть влетела, как удар:
Движется к ущелью войско,
Во главе его — Мулдар.

Грозный слух, неся волненье,
На большом нихасе Морг
Жаркие слова смятенья
Из людских сердец исторг.

— Трудная пора настала,—
Криками бурлит нихас.
— Ружей и патронов мало,—
Голос слышится,— у нас!

Вот решительно раздвинув
В кучу сбившийся народ
Твердым шагом на средину
Кто-то из толпы идет.

Взглядом всех обвел тревожным.
В резком солнечном луче
На боку сверкают ножны.
И винтовка на плече.

— Люди! Угол наш родимый
Никому не отдадим.
Отчий край — не предадим мы!
Встанем дружно, как один.

Одолеем силу силой.
Лучше умереть в бою,

Нур әлдарәй фәттәрсүнмә
Куд әрхәссән мах нае сәр?

Фәкъкъех әңцә сә фур десәй
Нә иғъосгутә күддәр,—
Кәцәй фәцәй Гудзунамә
Үәхән зәрдә, уәхән сәр?

VIII

Тох райгон әй Диоргоми
И дүккаг сәуми уайтагъд.
Әд — әхсәвә, әд—әбонә
Нә гъос кәнүй топпадзагъд...

Скъотт кәнүнцә фәдтә коми.
Уони гъәрмә гур-гурәй
Нийязәлунцә и хуәнхтә
Нигъгъәрзунцә әмбурдәй...

Далә коми ес хүггойнә,
Әй ә хурфә фур гъуна.
Гъе уордәмә бацәйбурдәй
Фәлвәрай-фурт Гудзуна...

Гъе уордиги фәрсәнцойнәй
Йе фудголмә фәлгәсүй,
Ницәйгъавүй и тумугъмә,
Фат не 'вгъаугәнгәй, әхсүй...

Әртә 'хсәви, әртә бони
Тох не 'ргъос әй әппундәр.
Бәзгин хъурәй әвеппайди
Фәгъгъәр киндәй кәцәйдәр:

Чем в неволе жить постылой.
Встанем же за честь свою!

Все замолкли. Что за чудо?
Как достойна, как умна
Речь горячая. Откуда
Это все у Гудзун?

VIII

Утром началось сраженье.
Грянул громом небосвод...
Целый день, ни на мгновенье
Не смолкая, бой идет.

Огненные свищут пули.
Эхо средь камней, лесов
Бьется в безысходном гуле
Тысячами голосов.

Есть нора в безлесных скалах.
Глубока, узка она.
Еле влез в нее усталый,
Запыленный Гудзун.

Из своей глухой засады
Наглого разит врага.
Не дает врагу пощады.
Меток глаз, верна рука.

Бьются третий день, четвертый...
Вдруг с отвесной вышины
Голос раздается твердый,
Четкие слова слышны:

— Гъей, фәссөвәд, ци фәцайтә,
Знаг әрбампурсуй, фәдес!
Знаг әрбампурсуй, әхсетә,
Нифс, әхсарә кәмә йес!..

Тох ситинг әй... Скъотт кәнунцә
Фәттә комы гув-гувәй...
Уони гъәрмә нигъгъәрзунцә
Хуәнхтә, гъәдтә әнгуфәй...

Уалә мегътә пъәстугәйттәй
Фәциәйледзунцә мед арв,—
Ә фуртәссәй әнәзмәлгә
Сирд нинцъулдәй хункъи арф.

Фал ци 'рцудәй? Ку фәгъгъос әй
Әвеппайди түгъд куддәр.
Гудзуна дәр и хуггойнәгәй
Әрцәйкәсүй дзинәгдәр.

Исцәйцәунцә бәхгинтә
Далә коми фәд-фәде.
Фал Дигорә ци фәцәнцә? —
Фәттә сәмә нәбал йе.

Гудзуна, мәгур, никъард әй...
Зәрдәдзәүгә нәй и хуәст.
Иеугурәй ма ә бәрцдони
Әртә фати йес әрмәст.

Әртә фати истохунмә
Нә бәэззунцә, фал уәддәр
И фудголәй фәттәрсүнмә
Е не 'рхәсдзәнәй ә сәр.

— Враг подтягивает силы!
Вон он там, на берегу.
Все, в ком сердце не остыло,
Бейте, бейте по врагу!

Огненные свищут пули.
Эхо средь камней, лесов
Бьется в безысходном гуле
Тысячами голосов.

В небе синем, беспредельном
Тучка белая летит.
В страхе притаись смертельном,
Зверь в расселине сидит.

Но внезапно над рекою
Все замолкло. Тишина...
На дорогу — что такое? —
Смотрит сверху Гудзун.

Катятся враги со скалона.
«Где дигорцы? Путь открыт...»
Кончились у них патроны.
Мягкий выстрел не гремит.

Копница рекою льется.
Бьется черная волна.
Три патрона остается
В газырях у Гудзуна.

Три патрона! О, как мало!
Крыльями шумит беда.
Трупная зора настала.
«Может, сдаться?.. Никогда!»

Гудзунабæл уотæ 'нционæй
Хаст не 'рцæудзæнæй фæндаг.
Топп ралхъевуй,— фæддæлваз æй
И бæхгингтæй сæ фиццаг.

Фæссидзмудз æнцæ бæхгингтæ,
Тох фезмæлдаïй нæуæгæй.
Скъott кæнуңцæ фæттæ коми,
Ком байдзаг æй сæ нæгæй...

IX

Фæльвæрай-фурт, æнæ равги
Ду ку скодтай хъазауат,
Фал тугъдон зинги симбалдæй.
Раст дæ зæрди издин фат...

Бацæйкалдæй æнагъом и
Дæхе барæй дæ зин цард.
Далæ коми и хүггоми
Нур лæууй, лæууй дæ мард.

Сах не 'ркалдзæнæй хебари
Кедæр кизгæ цæстисуг,—
Дæ фæсмæрдæ коми кадæн
Гъæу не сдасдзæнæй мæсуг.

Фал нæ дæ уæddæр æгадæ,
Уо, мæгурдæйраг фийай!
И дуйнæй хæсти æд гæрзтæ
Ду фесавдтæ сæрвæлтау.

Далæ коми, и къундæги
Ницæйсагъдæй сай къæйдор.

Ближе туча подступает...
«Просто так не взять меня!»
Целится, курок спускает --
Первый всадник прочь с коня.

Пятится в испуге кони.
Снова завязался бой.
В каменном колодце стонег
Воздух, взорванный пальбой.

IX

В час жестокий, сын Фалвара,
Смелый подвиг ты совершил.
Но от вражьего удара
Ты на землю пал без сил.

В дикой, сумрачной берлоге,
Там, где не проходит тиши,
Позабыв свои тревоги,
Мертвый ты теперь лежишь.

Девушка в уединенье
Слез не льет. И в честь твою
Ни в горах, ни у селенья
Башни нет в родном краю.

Но погиб ты не бесславно,
Бедный Гудзуна-пастух.
В битве огненной, неравной
Взгляд твой молодой потух.

По небу идут светила.
Синих гор полет высок.

Стæн зиннуй си и фецауæг,
Стæн кæсуй имæ и хор.

Ку фæззинуй æстæй-астмæ,—
Гъе уой фалдзоси лæгай,
Æринцайгæй и къæйдорбæл
Æримисуй Гудзунай.

Бæзгин хъурæй шиццæйзаруй,
Над игайгæ сунæгæй.
Уой сæ деси ниффæнзунцæ
Хуæнхтæ, гъæдтæ æмбурдæй.

Уалæ фахси сурх тæмæнтæ
Кæми кæнуй бобона,—
Нæбал æскъæруй æ дзогæ
Фæлвæрай-фурт Гудзуна.

И гъæугони, зурзургæнгæ
Кæми ледзуй сауæдон,—
Нæ ходунцæ Гудзунабæл
Нур дондзаутæ сæумигон.

1934

М о с т и з д æ х

Однокая могила...
Камень на могилу лег.

Стынет тишина глухая.
Пусто. Неподвижность сна.
Возле камня отдыхая,
Путник вспомнит Гудзуна.

Встанет. Снова в путь. По склону
Песнь летит, вольна, горда.
Вторят песни изумленно
Дерево, гранит, вода.

Где подобная пожару
Ярко рдеет бобона,
Не прогонит ввысь отару
Сын Фалвара Гудзуна.

Где по гальке воды льются,
Где искристая волна
Плещет, больше не смеются
Девушки над Гудзуна.

1934
Мостицах

* Т Е М У Р-А Л С А Хъ

ФЫЦЦАГ ХАЙ

I

Ледзгæй гъæди хурфи аууон,
Тундзуй Ирæфмæ Хæзнидон.
Пихсæй æхгæд æма æдзæр,
Дæттуй хæстæгмæ нидæн гъæр.
Хæтуй ханси медæг æдас
Хæстæг донгæннæмæ цъæх арс.
Иесгæд æд хуали бонигон
Кæд æвеппайди цауæйнон
Хæссүй и донмæ и над-над
Ие 'стонг, ие 'донуг, æ фæллад,
Рæубес донгæрони пихсæй
Æваст фе 'схъæтæг уй тæссæй...
Кæлуй Ирæфмæ Хæзнидон,—
Уомæн гæмæхи æ билгон,
Хæстæг гъæдбунмæ гъæу лæудтæй,—
Нур дæр зæгъунцæ,— Кет хундтæй.

II

Йеухатт хорбадæни и Кет
Студта уæлфингæ берекет.
Кодта хебари бæрæгбон,
Кодта мийнасæ æ фæндон.
Ивуулд бæгæни æд арахъхъ,
Цудæй æ цийнаæ идтæг сахъ.
Рæнгъæй уагътонцæ гагидау...
Уæд æвеппайди цавд дорау
Бæхгии сæ сæргъи фæссæгъдæй.

* ТЕМУР-АЛСАК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Катя по камням влажный звон,
Спешит к Ирафу Хазнидон.
Отвесны скалы, крут уклон.
И лес высокий с двух сторон.
К воде спустилась ветви плеть.
Бредет по берегу медведь.
Безлюдье, глушь. Лишь иногда
С добычей забредет сюда
Охотник — жажду уголить.
Косуля в страхе во всю прыть
Стрельнет — и канет без следа...
Летит по камням влажный звон.
Спешит к Ирафу Хазнидон.
Тому назад немало лет
Стояло здесь селенье — Кет.

II

Поляна. Высоко, до звезд,
Возносится за тостом тост.
Пирут Кет, и арака
Сегодня льется, как река.
Шумит большой, веселый круг.
За тостом тост — чредой.
Но вдруг
Как бы из-под земли возник
Нежданный всадник. Кто он? Вмиг

Æмбурд ѹе 'тингæй фæууæгъдæй.
— Корун, байгъосетæ мингий,—
Зæгъуй æмбурдæн Аузбий,—
Се 'лдар кæсæгæн Дзасболат
Истуй гъæугони æд æфсад.
Сумах — кетонти и æлдар
Хонуй аборни хъалондар.
Хъалон — æд рæвдзæ саргын бæх,
Кизгай — рæсугъд æма дзæбæх.
Кæд уой дæдтайтæ барвæндæй,
Уæд уодзинайтæ цох зинтæй.
Фал кæд нæ уайтæ коммæгæс,—
Зонетæ уой,— зæгъун уин æз,
Уæд гъæу ке 'ссердзæнæй æфхуард,
Унгæг ке суодзæнæй уæ цард.
Æнгъуд изæрмæ... Цæй, хуæрзбон,
Цæттæ кæнетæ уæ хъалон!
Дзуапп нæ райсгæй, фæддунд æй
Бæхгин уайтагъдæр и унгæй.
Ситинг æй уæд мед адæм загъд,—
Дзуапп гъæуй æлдарæн тагъд.
Æнцæ Дигорæ хецмæрез,
Æлдар хуннуй сæмæ стур пез.
Гъенур цийни усми æ кой
Уонæн ку 'йхалуй, ку се 'ицой...

III

Кæсуй и гъæумæ Дзасболат,
Зилдæй истуй ибæл æфсад.
Сæ бæхтæ хъал æма тæлтæг,
Хуррутт кæнуңцæ игъæлдзæг.
Идæнттæ, сæргътæ, думетонг
Æнцæ æвзестæй фур йефтонг.

Все смолкли.

— На краю села,
Там, где высокая скала,
Стоит могучий Дзасболат.
С ним воины его стоят.
Алдар сказать послал меня:
Вы дать должны ему коня,
Из самых быстрых, молодых,
И девушку, что всех других
Красивее. К исходу дня
Исполните его приказ —
Минует гнев суровый вас.
А не исполните — беда
Нагрянет на село тогда.
Он ждет. Он с войском там стоит...
И только пыль из-под копыт...

И спова над поляной гул.
Нежданный всадник всколыхнул
Покой, как камень — глад воды.
Смелы дигорцы и горды.
И встать готов за край свой — всяк.
Алдар — их давний страшный враг.
Шумит, бурлит селенье Кет.
Алдару нужно дать ответ.

III

Вдаль, нетерпением объят,
Глядит угрюмо Дзасболат.
Простолюдинов нет, одни
Пред ним гарциают уздени.
Насилие, разбой, грабеж —
На алчных лицах их прочтешь.

Нæййес уони 'хсæп мæгур лæг,
Æй си алке дæр тухгæнæг.
Уонæй алке дæр æй уæздан.
Лдтæй сæ догæ, сæ дзаман!
Уæд æристадæй æд лæдзæг
Уæлдор сæ размæ æрвист лæг.
Æ сæр сиргъувгæй фур бæрzonд,
Зæгъуй æлдарæн и зæронд.
— Æз дæн кетонтæй мийнæвар,
Нæ аи, зæгъунцæ, мах цагъар.
Хонæн нæ сæртæ нæ фæндон,
Æлдар ма 'горæд ни хъалон.
Мах нуазæгбæл æхцул аи.
Кæд нуазæг дæ — цæттæ аи
Дæуæн дæттумæ фусунау
Кæрдзин æд цæнхæ, æд æгъдау.
Кæд тухгæнæг дæхе хонай,
Уæд ду гъæуама уой зонай,
Ке аи кетонтæ æверхъау,
Мæлæт ке райсдзинан фæлтау.
Æлдар нийвадæй, зуст кæнуй,
Сиргъувуй йехс æма зæгъуй:
— Мæнæн мæ фæндæ, мæ тæрхон
Федар ку æнцæ, куд æндон.
Мæн дзурд æйиевгæ некæд æй,
Мæн Кет ма 'рветæд ревæдæй.
Хъалон — æд рæвдзæ саргъи баҳ,
Кизгай — рæсугъд æма дзæбæх.
Гъе уой кæд н 'айтæ дæттуйнаг,
Уæд мин уæ сæртæ додойнаг.
Æлдар, цит, йе 'хсæ ниттелуй,
Мæстæй æ билтæ æууелуй...
— Де 'взист ниууадзæ, уо, æлдар,—

Их кони — в блеске серебра.
Была когда-то их пора!..

Вот видят — на скале возник
Кетонец с палкою, старик.
На выступ над обрывом встав,
Сказал, спокоен, седоглав:
— Я — от людей селенья Кет.
У нас рабов в селенье — нет.
Свободен, волен наш народ.
И податей пускай не ждет
Алдар. Коль гость — входи, изволь.
Мы поднесем чурек и соль.
Готовы привечать гостей.
Но коль ты враг, то мы скорей
Умрем, чем примем вражий гнёт.
И враг пощады пусть не ждет.

Побагровел внезапно тут
Алдар. И вскинул резко кнут.
— Мое веление — закон! —
Кричит, пылая гневом, он.—
Я слов не изменю своих!
Должны вы свято слушать их!
Как сталь, слова мои тверды.
И коль не жаждете беды,—
Старик, ты слушаешь меня?—
Должны вы привести коня.
И девушку. К исходу дня!
Кусает губы и кругом
Зло смотрит, и грозит кнутом.

— Алдар, зачем весь этот крик?—
Спокойно говорит старик,—

Зæгъуй æнцойнæ мийнæвар,—
Хилæй федауџæ хуæздæр æй.
Де 'взист кетонтæн æгæр æй.
Уæд дин зæрдесгæ мæ лигъз дзурд,
Æлдар, ма саразæ лæбурд!
Зуст фæгъгъæр кодта Дзасболат:
— Ниууо, фæлтауги, цæй, æнцад!
Уæлдай ма дзорæ, уо, кеттаг,
Конд уа гъæуама мæ гъуддаг!
Æлдар ку 'ргазуй æ бæхбæл,
Зæнхæй фесхъеуий, цит, гæппæл.
Кеттаг и гъæумæ фæццæуий,—
Уой Кет ѹе 'мбурди ку хезуй.

IV

Хор фæййауон æй... Æрхæцæ 'й
Изæр уайтагъæдæр и хуæнхтæй.
Цæфсуй уæлгъæдæ сурх æхсед,—
Ие 'мбурд нæма йхалуй и Кет.
Уæд нигъгъæр кодта, ни, уосай:
— Уо, Кет, ку фæдтæ æнирай!
Æлдар йеу кизги фæххæссуй,—
Фæдес, знанбæл ка тухсуй!
Уо, ци фæцайтæ, уо, фæдес,
Кæд ма и Кети лæгтæ ѹес!
Æмбурд фегуппæг æй тухуаст,
Æрвдзавд фæцæй цума æваст.
Ка æ бунати късх истуй,
Ка и гъæунги фæлледзуй,
Æ топп æ къохи, уотемæй,—
Иеунаæг, æвæдзи, сæдемæй.
Ка си фе 'стадæй сонт тæрхъос,
Ниццаñ и къуми къуругъос.

Уйми воинственный свой жар.
Мир лучше ссоры, о алдар.
Твои угрозы ни к чему.
Впямай же слову моему,
Нетерпеливый человек.
Алдар, не соверши набег.
Войди в село как друг, как брат.
— Молчать! — воскликнул Дзасболат.—
Я от речей твоих устал.
Все будет так, как я сказал.

Конь пляшет. Комьями летит
Земля из-под его копыт.
Кетонец медленно идет
В село. Там ждет его народ.

IV

День кончился. Густая мгла
Из горных впадин поползла.
Зажегся в небе звездный свет.
Никто не спит в селенье Кет.
Нет нынче места мирным снам.
Все на ногах — и мал, и стар.
Вдруг женский вопль: — О, горе нам!
Похитил девушку алдар.
Мужчины Кета, где вы есть?
Вам дорога ли наша честь?

Как будто разразился гром.
Пришло в движенье все кругом,
Заволновалось. Там и тут
С винтовками в руках бегут.
Не выпустить, отнять, отбить...

Қа цурд фелвасуй ә хъәма,—
Гъәуама знаги бадәма!..

V

Фәсгъәу йеу рауән устур хард
Цудәй изолти кәрзәвард.
Зиндтәй хәрдәбәл унгәг над,—
Уобәл ку 'сраст әй Дзасболат.
Бәхбәл әд кизгә — әд хъалон,
Хицаг күд н' адтәй, күд, бәлцон!
Фәсте — уәздантә рәнгъитәй
Цудәңца харди бәхгингтәй.
Æлдар уәлхардмә исхәццә 'й,—
Æваст ә размә ләг фәцәй.
Æлдар фәрсүй әй: — Уо ләгай,
Ка дә, кәмәй дә — знаг ма уай?
— Аэз дән кетонтәй фәдесон,—
Қәсай дәхемә, уо кәсгон!
Фергъувд әй топп аәма цәфәй
Æлдар ку расхъиудтәй бәхәй.
Æваст фенсар әнцә әфсад,
Катай фестадәй син сә над.
Күуәрдгай фәцәнцә и уәлхард,
Ләудтәй сә размә ләги мард.
Кеттаг се 'схъәртмә фәддунд әй,
Кизгай и гъәумә фәллигъдәй.

VI

Уайтагъд әхсәвә әрхәццә 'й,
Æфсад фәндагбәл ниррәнгъә 'й.
Æлдар фәцәй син хәсгә мард,
Цәун гъәуй сә фур идард.

Их много — сотня, может быть.
Трус в дальний угол убежал.
А храбрый выхватил кинжал.
Честь для кетонца дорога.
Достойно встретит он врага!..

V

Есть за селом подъем крутой.
Тропа там вьется меж камней.
Спешит алдар тропою той
С живою ношею своей.
Летит во тьму он, горд и смел.
Завиден сильного удел.
За ним рядами уздени.
Довольны, веселы они
В кичливом торжестве своем.
Там, где кончается подъем,
Вдруг — человек.
— Ты кто такой?
Откуда? Может, недруг мой?
Эй ты!
— Я — из селенья Кет.
Тебе дороги дальше нет.—
Винтовку приподнял. Удар —
И, крикнуть не успев, алдар,
Сраженный, падает с коня.
Шум, суматоха: — «Западня!»
Во тьме исчез кетонец вмиг —
Внезапно так же, как возник,
Его как ветром унесло...
Бежала девушка в село.

Дүйнэ əнцойнæ сæ фалдзос,
Æнкъард кæсүй сæмæ мæйрохс.
Йеу дзурд, йеу хъипп си нæ цæүй...
Лидагъ, изоли уг кæүй...
Фал ка' й, фэндагбæл ка ледзуй?
Æнцой æ бæхи пæ уадзуй.
Æй ѹе Кæсæгмæ гъæргæнæг.
Исон фегъосдзæнæй Кæсæг
Æд цьеl, æд мелæ фуд хабар,—
Фæцæй Дигори мард се 'лдар...

ДУККАГ ХАИ

VII

Ду бафæрсай гъæуама мæн,
Ка' й, кæмæй адтæй и лæхъүæн,
Уæлхард ка скодта хъазауат,
Койлаг исцæй нин нур ке фат?..
Темур-Алсахъ худтонцæ уой,—
Цæрæд муггагмæ нур æ кой...
Мулкæй мæгур, нифсæй идзаг,
Худта алке дæр уой лæггаг.
Алсахъ,— йеу загъдæй, гъе уотæ 'й...
Адтæй и кизгæ Сеойтæй.
Рæсугъд, æвзонг æма гъæздуг,
Гурæй федауцæ 'ма индтуг,
Цæститæ ирд æма сæнт-сау,
Æрфбун зиндтæнцæ æксæвау...
Гъардта зæрдитæмæ тухуаст
Уонæн сæ уиндæ, сæ фækкаст.
Æй уæхæн силæ хецимæрез,—
Исуй фæстагмæ зæрди нез.

VI

Утих внезапный гул стрельбы.
Прохлада ночи входит в грудь.
Растянутое вдоль тропы,
Обратный войско держит путь.
С небес, печальна и бледна,
Внимательно глядит луна.
Чуть светится в ручье голыш.
Последний путь алдара... Тиши.
Умолкли крики и слова.
Лишь издали кричит сова.

Бежит вода, горит звезды.
Печальный вестник вдаль летит.
Услышит завтра Қабарда —
В Дигории алдар убит.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

VII

Вы спросите — а кто же тот,
О ком молва в горах идет,
Кто встал алдару на пути,
Не дал насильнику уйти —
И праведный совершил свой суд?
Темур-Алсак его зовут.
В карманах деньги не гремят,
Зато надеждами богат.
Родимых высей и теснин
Любимый и достойный сын.
Да не умрет он никогда!

VIII

Фæсгъæу кетонтæн йес æмбурд,—
Цæуй изолмæ сæ гъær дзурд...
Сæ йеу хестæртæй загъд хæссүй:
— Темур-Алсахъ,— нур анз цæуий,
Кæдæй Сеойти Дигизай
Ду æ зæронд фидæй курдтай.
Фал йе не 'скодта уæд аккаг
Дæу исесунмæ хæстæгтаг...
Худта мæгур, æвæдзи, дæу.
Уинис гъенур,— абори гъæу
Æмбурд æрцæнцæ дæу туххæй.
Кæнаен нæ арфæ æмдзухæй...
Дзиллæн сæ кадæ 'ма сæ нифс
Нур дæ тæрнихбæл ду хæссис.
Æлдар — фудгол æма æзнаг —
Фæцæй дæ фæрци исæфтдзаг...
Нæй хаст дæ фæрци Дигиза,
Нур дин гъæуама исбæзза
Ие уодæнбалæн барвæндæй...
Æ дзурд зæгъæд Сеой-фурт, цæй!
Уæлдорæй уæд фестадæй лæг,
Ку 'рсадзуй зæнхи æ лæдзæг,
Бунмæ æ закъæ æрсæрфуй,
Кæсүй Алсахъмæ 'ма зæгъуй:
— Кизгай хъалони хаст цудæй,
Алсахъ æ хъарæ, æ нифсæй
Байста фæстæмæ знагæй уой,—
Цæраæд гæд кадæ нур æ кой...
Фæууæд мæ кизгæ нур йе 'нкъай,
Донмæ 'й ку не 'нтъохун, уоххай!

Богата, молода, горда,
Была Сейти Дигиза.
Как ночь, черны ее глаза
И силу дивную таят.
Пронзителен, горяч их взгляд,
Огонь таких волшебных глаз
Причиной бед бывал не раз.

VIII

Кетонцы за своим селом
Сошлись. Как раз на месте том...
Один из старцев речь ведет:
— Темур-Алсак, прошел уж год,
Как ты посватал Дигиза
У старого ее отца.
Но ты тогда ни с чем ушел.
Тебя он недостойным счел.
А нынче — видишь? — все село
Приветствовать тебя пришло.
Мы все тебя благодарим.
Мы мужеством горды твоим.
Тебе любовь несем мы в дар.
Твоей рукой убит алдар.
И не в неволе Дигиза.
Лицо ее не жжет слеза.
Она тобою спасена.
И, видимо, должна она
Твоим стать другом, наконец.
Пусть говорит се отец.

Умолк. Встает старик другой.
По белой бороде рукой
Провел: «Темур-Алсак, ты сиас

Рæвдзæ 'й æмбурдæн æ зæгъддзаг,—
Исцæй Сеой-фурт арфиаг.
Ка ин æ къохмæ æвналуй,
Ка ин æ ходæ исесуй.
Уæд фæццæйгъос æй и булгъахъ,—
Дзоруй кетонтамæ Алсаҳъ:
— Цæуй нур анз фулдæр, гъай-гъай,
Курдтон Сеойти Дигизай.
Фал аргъ пе скиндæй уæд мæнæн.
Нур ма дзубанди æй цæмæн?
Алсаҳъ næ уайдæ уæд Алсаҳъ,
Нур ма ку райсидæ и халхъ.
Цæфстæй зæрди буни и уарзт,
Фехста изолмæ уой фуд маst.
Гъай-гъай, ниствальдæй нур æлдар,
Фал дæн цæй туххæй æз лæгмар?
Æз næ уодæнсун æлдайрад...
Цæттæ 'й дæдтунмæ мæ цурд фат
Нихкъурцц æлдартæн æдæрсгæй,—
Истæ цæгъдунцæ næ мæстæй,
Лækъун кæнуңцæ нин næ цард...
Зин æнæ бæрцæ æй се 'фхуард,—
Æз næ хæссун мæ сæрмæ уой.
Додой æлдартæн нур, додой!
Мæнбæл сийевдзи æй и хор,
Мæн маке хонæд нур уосгор...
Цæрæд æд фарнаæ Дигиза,—
Æдас, æнцойнæ ирæза.
Мæнæн ма кæнтæ уой лæвар,
Æз дæн æлдартæй нур тогдар...
Фæрсæй. кæсуй мæмæ адзal...
Æнцæ æрмæст мæнæн æмбал
Мæ топп, мæ кард æма мæ баҳ.

Мне дочь в тот черный, горький час.
Пусть имя славится твое!
И дочь моя — пусть будет так —
Женой к тебе, Темур-Алсак,
Придет... Не в року же се
Бросаю я...» И стар и млад —
Все старика благодарят,
Поступком тронуты таким.
Кто руку жмет, кто перед ним
Снимает молча шапку... Вдруг
Так тихо стало все вокруг,
И каждый чутко слух напряг.
Кетонцам говорят Алсак:
— Я сватал Дигиза. Отказ
Я получил. О чем сейчас,
Хотелось бы спросить мне вас,
Еще мы будем речь вести?
Назад отрезаны пути,
Их вновь не проложить никак.
Я не был бы тогда Алсак,
Коль взять решился б то, в чем раз
Уже я получил отказ.
Любовь в груди моей жила.
Ее обида обожгла.
Алдар теперь в земле лежит.
Но почему он мной убит?
Насильников жестоких я,
Их гнета — не могу терпеть,
И пуля верная моя
Готова их разить и впредь.
Желаю счастья Дигиза.
Какой теперь я вам жених?
Иных стремлений, дум иных
Огонь мне заглянул в глаза.

Зæнхæн æ сай, арвæп æ цъæх,—
Мæнæн игъауги нæбал йес,—
Æз дæн хæлхъой æма фæдес!
Темур-Алсахъ фæцæй æ дзурд.
Дзинæг кæсуй имæ æмбурд.
Адæм фæцæнцæ æвеллон.
Уомæн иеке сцæй дзуапигъон...

IX

Лигъдæй афонæ бон-бонгай.
Медгъæу кетонтæ сабургай
Сæ куст кодтонцæ, фал уæддæр
Æдас ку н'адтæй сæ къæсæр...
Гъонгæс гъæди хурфæй йеу бон
Уидта изолмæ сæумигон,—
Фæндаг байдзаг æй баҳгингтæй.
Тæрсунцæ мæргътæ сæ уиндæй.
Тумугъ цудæнцæ тар мегъау,
Сæ уинд нимæттæй æй сæнт-сай.
Ие Дзасболати фурт Ахъбад
Цæүй и Кетмæ æд æфсад.
Ахъбад йе 'фсадæн финддзæуæг.
Æ бæх бæрзонд æма тæлтæг.
Ку 'ргъазуй лигъзи хаттæй-хатт,
Ругæй райдзаг уй уæд и над.
Цæүй и Кетмæ тогагор.
Дзинæг кæсуй имæ и хор.

X

Рæфтæй йеу мингий фækкиудтæй.
Æфсад гъæугони æрлæудтæй.
Лæууй сæ размæ гъæу æнцад.
Музгъур кæсуй имæ Ахъбад.

Теперь алдаров кровник я.
И солнца свет — не для меня.
Отныне жизнь моя полна
Волнений грозных и тревог.
Дорога у меня одна.
Нет у меня других дорог.
Теперь друзьями я назвал
Коня, винтовку и кинжал.
В ночной тиши и в шуме дня
Выслеживает смерть меня.
Ее везде мне слышен шаг.—
Закончил речь Темур-Алсак.
Не зная, что сказать в ответ,
Молчит народ селенья Кет.

IX

Бежало время день за днем.
И ровным, тихим чередом
Тянулись мирные труды...
Но неминуемой беды
И днем и ночью ждал народ
Селенья малого. И вот
Пастух однажды поутру
Увидел — всадники летят.
И пыль клубится на ветру.
Они — как черный водопад,
Как туча черная, как ночь.
Шарагается птица прочь.
То Дзасболата сын Акбад
По склону всадников ведет.
В лучах рассвета, как в огне,
На длинноногом скакуне
Далеко вырвался вперед.
За кровь отца он мстить идет.

Медгъау йеу ӕстуф пæ цауи.
Лйдагъ куй си гъэр неуй,
Ӕ нифс тохунмæ наэ хæсгæй,
И гъау ӕд цъелæ фæллигъдæй.
Ахъбад а билтæ ӕгуелуй,
Роцъо зулуммæ ӕрдауй,
Кæнуи ӕститæй дзингало,
Скъæруй цума си сурх пеллон.
Ӕлдар ье 'фсадæн гъэр загъта:
— Фунук гъауама Кет феста!
Рæстæг ма 'йсафæн лæуунбæл,
Цæйтæ, ӕндзаргæ и гъæубæл!
Гъæдау фесхустæнцæ ӕваст
Бæхгингтæ лигъзи 'ма ӕмраст
Бацæнцæ гъæуммæ тумугъæй.
Ахъбад хонуй сæ мургъузæй.

XI

Цæфсуй и гъау, инод наруй,
Цирен пеллонтæ ӕскъæруй...
Фæздæг, ӕвзаргæ фурзин тох,
Кæнуи фæйнердæмæ зелдох,
Тундзуй цъæх арвмæ тузмæгæй...
Йеуварс ӕнцойнæ уæлбæхæй
Кæсуй сугъдæрдæмæ Ахъбад,
Зилдæй истуй ибæл ӕфсад...

XII

Йе ка 'й, йе ка 'й — бæхбæл мед арт,
Ӕргъувд а къохи ӕхсаргард,
Уадау бæхгингтæмæ тæхуй,—
Ӕхе ӕлдарбæл ницизевуй...
Гъе ӕвеппайди уотемæй

X

Лежит перед алдаром Кет.
В затихших саклях — жизни нет.
Ни звука ветер не принес.
Лишь воет одинокий пес...
Бессильной яростью объят,
Глядит перед собой Акбад.
С врагом принять не в силах бой,
Дома покинув, все село
В окрестные леса ушло,
Все звуки унесло с собой.
Кусает гневно ус Акбад.
Угрюмый, беспокойный взгляд
Его — зловещий мечет свет:
«Пусть в пепел превратится Кет!»
Кривится рот усмешкой злой:
«Предать огню! Сровнять с землей!
Чтоб даже след его исчез!»—
Как сдвинувшийся с места лес,
Рванулись всадники вперед.
Угрюмый их Акбад ведет.

XI

Горит селенье. Черный дым
Вздымается, плывет над ним.
Клубится тучей грозовой,
Как бы борясь с самим собой.
Все жарче пламя. В стороне,
Верхом на вероном коне,
Безмолвный, сумрачный Акбад.
Глаза его в огонь глядят.

Фасзард и цъеутæ къуаремæй
Пихсбун ку сбадунцæ цъæхбæл,
Цæргæс бæрzonдæй уонæбæл
Æхе зувгæнгæ ницæвуй,
Нихтæй йеуебæл æрцæфсуй.
Æнцæф фæцæнцæ дуумæй
Сæр фæххæцæн æй, уотемæй
Бæхæй ку фесхъиудта Ахъбад.
Алсахъ нæ фехалдта æ бадт.
Айдагъ фесхъиудтæй æ йеу гъос,
Тогæй нийгъæндæн æй æ рос...
Æ раз райдзаг æй бæхгингтæй,
Тохуй сæ хæцæ цъинггитæй.
И тох ситинг æй. Тог кæлуй.
Йеу къуар си тоги æвдулуй...
Зæлланг кæнуңцæ кæрдтæ карз,
Фал тагъд Алсахъмæ кедæр арц
Уæд фæрсауонæй æргъузтæй,—
Алсахъ ку 'рхаудтæй рæхустæй...

XIII

Хор ниннигулдæй. 'Хсед цæфсуй.
Иефстагмæ ирдгæ æрдумуй.
Хæссуй изолти сугъдæсмаг...
Не 'змæлуй гъæуи адæймаг...
Кæсæг авд марди йефхæсгæй,
Уайтагъд фезол æнцæ гъæуæй.
Айдагъ байзадæй ма йеу мард,
Мед къох федар ниндарг æй кафд.
Ие æй Алсахъ... Æнцад лæууй.
Æ тог аллирдигæй кæлуй.
Ие нæбал фестдзæнæй, нæбал,—
Хуссуй æносмæ æнигъал.

XII

Кто сквозь трескучий вал огня,
Пригнувшись, торопя коня,
На торжествующих врагов
Летит, безмолвен и супор?
Вот так же точно с высоты
На безмятежные кусты
Орел стремительный летит
И птицу средь ветвей когтит.
Лицо — в лицо. Алсак — Акбад.
Как будто сабли — взгляд на взгляд.
Их сабли быстрые звенят.
На землю падает Акбад.
Прочь отлетела голова...
Задетый саблею едва,
Алсак летит в толпу врагов.
Вот уже, ужে тесный круг.
К нему, в сверкании клинков,
Протянуты десятки рук.
Бой жаркий длится, смерть кружит.
И не один в крови лежит.
Не умолкает воронье...
Вот сзади острое копье
Подкралось, как коварный враг.
На землю падает Алсак.

XIII

Разносит ветер гарь в тиши.
На пепелище — ни души.
Заря вечерняя взошла.
Враги знакомою тропой
Спешат от мертвого села,

Æ тар будурти рæдзæхсгæй,
Æхсæвæ гъæумæ æрхæцæ 'й.
Гæлдзуй и мардмæ æ пæлæз,
Цума кæнуй ин тæфирифæс.

XIV

Йе ка 'й,— талинги ка цæуй,
Æррастæ мардмæ ка гъузуй?
Æ къах Алсахъмæ кæ хæсса?
Ие æй Сеойти Дигиза...
Абони тохмæ и гъæдæй
Дзинаæг и кизгæ фæлгæстæй...
Уæлмард талинги нур кæуй.
Тъинггай цæстисуг рæдæдзуй.
Стæй — астмæ марди æртохгæй,
Цæсгон дауй ин æ къохтæй.
Темур-Алсахъ, Темур-Алсахъ,
Нур дин и кизгæ æнæ хахъ
Уæлмард æргон кæнуй æ уарзт.
Фал цæмæн адтæ ду хеваст?
Ду фудæнæиги Дигизай
Фæсвæд ирохи ниууагътай...
Фал йе не 'сфæлхæттæй уæддæр,
Даруй гъæбеси нур дæу сæр.
Æнцæ зæрдитæ муггаггай,—
Цæй, гъаст ма 'рхæссæ, уо кизгай...

XV

Сæумæй кетонтæ дзæндæлæй
Цудæнцæ гъæумæ мæтъæлæй...
Фудгол ку рандæ 'й, ку, бæргæ,
Фал куд кæнонцæ ма цæргæ?

Семь трупов увезя с собой.
Шаги их смолкли вдалеке...
Один лишь — с саблею в руке —
Лежит ие шевелясь, пластом.
Свалила тяжкая страда.
Заснул он непробудным сном.
Не встанет больше никогда.
В усталой тишине густой
Сквозит прохлада. Тихий плач
Заводит ветер. Черный плащ
Ночь разворачивает свой...

XIV

Вот быстрые шаги слышны.
Кто средь кровавой тишины
Спешит к убитому? Она,
Сеойти Дигиза... Полна
Душа тоски. В ней боль и мрак.
Темур-Алсак, Темур-Алсак...
В безмолвие погружена,
Во тьме гнетущей, как в дыму,
Склоняется к нему она.
И гладит волосы ему.
Она верна любви своей.
Как горько, о как горько ей
Любовь сегодня открывать,
К губам холодным припадать...
Ты спишишь, Алсак. Твой сон глубок.
Ты горд был. Ты простить не мог
Обиды сердца своего.
Ты, девушка, прости его...

Сæ гъæу æд бунтæ ниссугъдæй,
Алсахъ — се 'харæ мард фæцæй...
Лæудтæй æ цори кизги мард,—
Рæсагъд æ реуи фийаугард.
Ие æй Сеойти Дигиза,
Хуæрзмæ 'й игъосæг имиса...
Лæууй уæлгоммаæ йе æнциад,
Цæсгон æнвæйнæ мæрдивад.
Мæрдтæн кетонтæ æмбурдæй
Рохсаг загътонцæ æмцъухæй...

XVI

Тундзуй Ирæфмæ Хæзнидон.
Уинуй фалдзоси и бæлцон
Иеу къуар уобайтæ гъенур дæр,—
Сæ йеу иннетæй æй хуæздæр.
Уой медæг арфи дууемæй,
Хæриæгъ æрцæнцæ, уотемæй
Нур Дигиза æма Алсахъ
Иеумæ лæуунцæ æнаæ халхъ.
Цæруй сæ хæццæ калм-зæрин
Цæрдæг, гъиггаг æма зæрдгин...
Иескæд хебари кæд тæрхъос,
Телгæй фæйнердæмæ æ гъос,
Хæстæг уобаймæ æрцæуй,—
Уæд калм фæдеси скъотт кæнуй.
Æваст нисхъæтæг уй и сирд,
Тæссæй нийдайуй йе лæуирд.

1934

М о с т и з д æ х

XV

В село вернулись — нет села.
Селенье сожжено дотла.
И ветер пепел разметал.
Алсак — надежда их — убит.
А рядом на земле лежит
Труп девушки. В груди — кинжал
Пастущий. Это Дигиза.
Закрылись ясные глаза.
Безмолвна, холодна, бледна.
В объятиях глухого сна...
Пусть имя гордое ее
Звездой горит среди высот.
Сиянье чистое свое
Сквозь дни и годы пронесет.

XVI

Не умолкает мягкий звон —
Бежит к Ирафу Хазнидон.
И камни точит на бегу...
Склеп видится на берегу.
В прохладном, темном склепе том
Алсак и Дигиза вдвоем
Лежат уж много, много лет.—
Обиды между ними нет...
И с ними долгие года
Змея среди камней живет,
Сверкающая, как вода.
И если зайца иногда
Тропинка к склепу подведет,
Змея встревоженно шипит —
И заяц в страхе прочь бежит.

1934

Мост из дах

* ДУУÆ ФИЙЙАУИ (Дигорон кадæнгæ)

Бæргæ ниццæгъдуй
И Уази фиййау
Æ даргъ хæтæлæй
Сay хонхи фиййаумæ:
— Уой, ку фесафтæн,
Ку исцæунцæ
И Биаслантæ
Дуудæсемæй!
Дуудæсемæй,
Тухæ кæнунмæ,
Тухæ кæнунмæ,—
Мæ фонс йессунмæ!
Бæргæ ниццæгъдуй
Сay хонхи фиййау
Уæд даргъ хæтæлæй
Уази фиййаумæ:
— Уой, ма тæрсæ, ма,
Мæ уарzon лимæн! —
Дæ дзоги æхсæн
Йес стур сay сæгъæ.
Дæ иузгутæн
Ду йеци сæгъæ,
Таведзæгæнгæ,

* ДВА ПАСТУХА

(Дигорская быль)

От горы к горе
Звук свирели мчит.
Звук свирели шлет
Пастуху пастух:
— Горе, горе мне!
Целой дюжиной
На меня идут
Биаслановы.
Целой дюжиной
На меня идут
Стадо у меня
Отобрать хотят.
От горы к горе
Звук свирели мчит.
Пастуху в ответ
Говорит пастух:
— Ой, не бойся ты
Ничего, мой друг.
В стаде у тебя
Черный есть козел.
Ты гостям своим
Заколи его.
Встреть приветливо

Ракосарт кæнæ.
Сæ хуæрди усми
Фæффæдес кæна
Дæ фонсмæ, цума
Сирд лæборæг йес.
Дæ рауди-ьеу
И баси агæ
Ду ракъуæрдзæнæ
Дæ галеу къахæй.
Уæд фесæфдзæнæй
Хуцаун фæндæй,
Хуцаун фæндæй
Дæ тухгин æзнаг!
Уæд ку схъæрттæнцæ
И Биаслантæ
Сæумæ рагиау
Уази фийнаумæ.
Ракосарт кæнуй
Æ иуазгутæн
Æ сай пæл сæгъæ
И Уази фийиау.
Сæ хуæрди усми
Фæффæдес кæнуй,
Æ фонсмæ цума
Æрбалæбурдæй.
Æ рауайунбæл
И баси аги
Æ галеу къахæй
Ку рацæй къуæрдта.
Ку рахæлеутæ 'й
И циуан'агæй
И сай зæнхæбæл
И тæвдæ басæ.
Уæд йе 'рбаздахтмæ

Ты гостей своих.
В час, как сядут есть,
Ты тревогу бей —
Будто зверь напал
На отару коз.
Невзначай ногой
Опрокинь котел.
И погибнет твой
Ненавистный враг.
Вот взошла заря,
И пришли они,
Биаслановы,
Целой дюжиной.
Словом ласковым
Встретил их пастух.
Он зарезал им
Черного козла.
В час, как стали есть,
Вдруг вскочил пастух,
Будто зверь напал
На отару коз.
И ногой котел
Опрокинул он.
И кипящий суп
По земле потек.
Возвращается —
Биаслановы
Все мертвые лежат.
Обварил их суп.
От горы к горе
Звук свирели мчит.
Звук свирели шлет
Пастуху пастух:
— Что же делать мне?

Уази фиййауæн
Æ нуазгутæ
Ниддæргъмитæ 'нцæ,
Ниддæргъмитæ 'нцæ
И зæнхи астæу,
Ра-сæбæл калдай
И тæвдæ басæ.
Бæргæ ницæгъдуй
Ү'а:д даргъ хæтæлæй
И Уази фиййау
Сау хонхи фиййаумæ:
— Тæрегъæд гыуддаг
Цæмæн бакодтай?
Фачцæгъдуни 'нцæ
Мæ нуазгутæ,
Нæ ниттайдзæнæй
Уони тæрегъæд,
Уони тæрегъæд,
Мæ уарzon лимæн.
И сау зæнхæ дин
Дæ мæд бунати
Ку ниitonдзæнæй
Хуцаун дэурдæй...
Ку ницæгъдуй уæд
Сау хонхи фиййау
Æ даргъ хæтæлæй
Уази фиййаумæ:
— Мæгур адæмæн
Тухгæнæт æ ка уа,
Ис де 'уазгутау
Фудфæп,иағ фæууа...
Нур йæңг исæфд
Фæди фæдмæ дæр
Нæ тухгæн утæн

Вышел страшный грех —
Гости на земле
Все мертвы лежат.
Как же быть, мой друг?
Злодеяние
Не простится мне.
Волей божией
Под тобой земля
Пусть провалится.
От горы к горе
Звук свирели мчит.
Говорит в ответ
Пастуху пастух:
— Тем, кто бедный люд
Притеснять идет,
От погибели
Не уйти вовек.
Смерть гостей твоих —
Всем насильникам
Недурной урок.
Пусть же эта весть
Далеко летит.
От таких вестей
Злая власть падет
Биаслановых.

1923

Джинжи байзай!
Нур уоши коймас
И Бласлантаң
Хауат бөлесау
Се инфс баскеттә!

1923

* УÆХАДÆГИ ФУРТ МИНГИЙ ГУЙМАН

(Дигорон кадæнгæ)

I

Устур Дигори
Устур пихæси
Æримбурд æнцæ
Дигори адæм.
Кæрæдзей фæргæ
Ку дес кæнунцæ:
— Ци 'й, цай гъартæ 'н'æ
Нæ уæлцьететæ?
Цитгин Хæреси
Уорс хонхи сæри
Цæбæл тохунцæ
Уорс йелиатæ?
Уорс йелиатæ
Нæ уодзæнæнцæ —
Уæхадæги фурт
Мингий Гуймани
Топпи гæрæхтæ
Ку уодзæнæнцæ.
Ка фæццæудзæна'й
Уорс хонхи сæрмæ?
Ка базондзæни'й,—
Ци гъартæ цæу?'
Уæд рагæппи кæну'й
И бадæн дорæй
Гуймани æрдхуард
Биати Хъасбол.
— Фæццæудзæнæн æз
Уорс хонхи сæрмæ,

* СЫН УАХАДАГА, МАЛЕНЬКИЙ ГУЙМАН

(Дигорская быль)

I

На большой пихас
Все идут, спешат.
Высоко в горах
Гулкий ходит гром.
Приумолкли все
В удивлении.
— Кто встревожил сон
Белых Ангелов?
Говорят внизу:
— То не кто иной —
Сын Уахадага,
Маленький Гуйман.
— Кто поднимется?
Кто расскажет нам,
Что за выстрелы
Там, вверху, гремят?
И вскочил тогда
С камня паренек:
— Я, Гуймана друг,
Касбол Биати.
Я взберусь туда.
Я узнать готов,
Что за выстрелы
Там, вверху, гремят.

Æрхæсдзæнæн уин
И гъæрти бæрæг.
Ку базондзæнæн
И гъæрти бæрæг,
И гъæрти бæрæг
Æз аци бонæ.

II

Цæвæдтонгæ ма
Фæдесон адтæй,—
Уорс хонхи сæрмæ
Ку исхæццæ уй
Уæхадæги фурт
Мингий Гуйманмæ
Биати Хъасбол,
Æ йеунæг æрдхуард.
— Уо, хуарз байрайай,
Ме 'рдхуард æнгарæ!
— Æгас æрцæуай,
Ме 'стур раст лимæн!
Ци хабар зæгъай,
Атæ рагиау
Фæдесон хузæй
Кæцæй фæцайсæ?
Уæд дзоруй имæ
Биати Хъасбол:
— Мæн парвистонцæ
Нихæси адæм
Бæрæг кæнуумæ,—
Ци гъæртæ цæуай
Уорс хонхи сæрмæ.
Бæргæ пихходуй
Уæхадæги фурт
И мингий Гуйман:

II

Будто поднятый
По тревоге, вмиг
Между скал исчез
Касбол Биати.
— Будь благословен,
О мой лучший друг,
Сын Уахадага,
Маленький Гуйман!
— Здравствуй, здравствуй, друг
Касбол Биати.
Что за весть принес
Ты в такую рань?
Говорит и ответ
Касбол Биати:
— Я пришел узнать,
Что за выстрелы
Здесь, в горах, гремят.
Засмеялся тут
Сын Уахадага,
Маленький Гуйман:
— Что за выстрелы?
Погляди сюда.

III

Глянул со скалы
Касбол Биати —
Туры там лежат
Грудой целою.
Зависть черная
Сердце жжет огнем.
— Подойди сюда.

— Ци гъэртæ цæүй? —

Ку никкæсисæ
Айнæги бунмæ...

III

Айнæги бунмæ
Бæргæ никкæсүй
Биати Хъасбол,
Гуймани æрхуард.
Æдтæгуæлæтæ
И дзæбодуртæ
Айнæги буни
Бæргæ лæуунцæ.
Басоцъа кæнуй
Гïаури зæрдæ.
Æрбалæуун кæнуй
Мингий Гуймани
Айнæги нихмæ.
Айнæги нихæй
Уой ку фенсонуй
Æ йеугур тухæй
И налат æлгъист.
Уæд ку рапахай
Айнæги бунмæ
Уæхадæги фурт
И мингий Гуйман.
И къæбуртæбæл
Ку пиммортæ уй,
Ку пиммортæ уй,
Тог пурхæнгæнгæ.

IV

Ку æрхæццæ уй
Æ цауæйнон куй,

Рядом встань со мной,
Вот сюда, на край...—
И толкает вдруг
Всею силою.
Полетел Гуйман
В пропасть темную.

IV

Прибежал Селон,
Пес охотничий,
К дому своему,
Воет жалобно.
Зарыдала мать:
— Мой очаг погас.
Где ж ты, где, мой сын,
Мой единственный?

V

Что случилось там?
Люди вверх идут.
Их ведет Селон,
Пес охотничий.
Вот до пропасти
Добираются.
Видят, мертв лежит
Сын Уахадага,
Маленький Гуйман.

VI

Что случилось там,
Высоко в горах?

Селони ка хундтэй,
Уәд хәдзарамæ.
Бәргә ниннеуїй
Зәрдæ унгæгæй
И бийнонтæмæ.
Уәд ку нимбохуй,
Ку нидзлзиназуй
И мади зәронд,
Æ киндзæ 'рдæмæ
Уәд ку февналуй:
— Мæ арти уазал,
Мæ йеунæг фуртбæл
Цидæр ку 'рцудæй!

V

Фæффæдес унцæ
Уәд гъæуон адæм,—
Селони фæдбæл
Исцæй цæунцæ
Айнæги бунмæ.
Айнæги бунæй
Бәргæ райсунцæ
Уæхадæги фурт
Мингий Гүймани.
Ку æрхæссунцæ 'й
Æ хæдзарæмæ,—
Намусти хæццæ 'й
Банигæнунцæ.

VI

Биайн фуртбæл,
Гъаур налатбæл
Уәд райдæдтонцæ
Гурусхæ кæпун.

И хистій болій
Уой ракәнүңцә
— Может, скажешь ты,
Касбол Биати?
В небо выстрелим.
Коль ты чист душой,
Пуля быстрая
Не найдет тебя.
Но коль есть вина,
Пуля, падая,
Прямо в голову
Поразит тебя.

VII

В небеса ушла
Пуля быстрая.
В ожидании
Замер весь народ.
Наземь падает
Касбол Биати.
Прямо в голову
Пуля врезалась.
Ясно стало всем,
Чьею злой рукой
Смерти предан был
Сын Уахадага,
Маленький Гуйман.

1923.

Тургын астæумæ:
— Топп ку фехсдзинан
Мах арвæрдæмæ.
Дæ фидбилизæй
Кæд неци 'рцудæй
Де 'рдхуард Гуйманбæл,
Уæд топпи фат дæр
Нæ багездзæнæй
Дæу йе 'рæздагъди.
Фал де 'стур лимæн
Дæу лази фærци
Кæд рацæй-хаудтæй
Айнаэги сæрæй,
Уæд топпи фат дæр,
Ку æрцæй-хауа.—
Дæ тækкæ сæри
Ку ниссæлдзæнæй.

VII

Топп ку фехсунцæ
Арвæрдæмæ...
Ку нигъюс унцæ
И хисти адæм.
Иеу усми фæсте
Фат ку 'ртъупп кæнуй,
Хъасболи сæри
Ку ниффедар уй.
Ку базонунцæ
Уæд гъæууон адæм,
Биати Хъасбол,
И гыйур налат
Ке рацæйгæлста
Лимæн-æууæнкæй
Уæхадæги фурт
Мингий Гуймани.

* ЦАУÆЙНОНТАË

Иеу архайди водевил

И ГЪАЗГУТÆ:

ПОЦО — 70-аңзиккон
ТОТАЙ — 45-аңзиккон
САЛАТ — 30-аңзиккон
ДУДАР — 70-аңзиккон, муддар
ФИРИАУ — 35-аңзиккон

} цауæйнæнттæ

* ОХОТНИКИ

Водевиль в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Попо — 70 лет
Тотай — 45 лет
Салат — 30 лет
Дулар — 70 лет, пасечник
Пастух — 35 лет

} охотники

(Гүәдгәрөн, зәронд уосонгәе, фәйимә цаунцә цауәйнәнттә —
Поцо. Тотай, Салат әд хурдзинтә 'ма әд топпитет.)

Тотай.

Цәй, рабадетә юңцад,
Исуадзетә уә фәллад.
Әртә бони нур дзәгъәли
Мах сирдти фәсте хәтән.
Әхсәвеят әркәнән,
Нә фалдзоси зад гәнгәли,
Йес кәрдзин юма арахъ,
Цәй, баңцайәд, уә булгъахъ.

Салат.

Әртә бони —
Мингий усмә сә нә хони.

Тотай (Поцомә).

Гъей, ци кәни, ци, Поцо?
Ку нә дауи дә роцъо,
Цәбәл жәрдә мәлдзой уг,
Цәбәл балхийәй де 'рфуг?
Цәй, радтә мин дә ниуазән,
Мах мәтъәлти ку нә гъазән.

Салат.

Гъа, февналә 'ймә, Поцо,
Ра-си толә дә роцъо.

Тотай.

Сирд нә равардта хуцау,
Әндәр хатмә әнгъәлдзау,—
Уәд ци 'йбәл кәни гузавә?
Бунтәй-бунтәмә никхәфә
Ду еци синон, Поцо,
'Ма радауә дә роцъо.

(На опушке леса старый шалаши. Подходят охотники Поцо, Тотай, Салат с винтовками и хурджинами.)

Тотай. Вот и старенький наш дом.
Здесь немного отдохнем.
Да-а, друзья, не повезло нам...
Третий день по этим склонам
Бродим, а удачи нет.
Сядем, с горя,— за обед.
Арака, чурек, прохлада —
Всё. Чего еще нам надо?

Салат. Прогуляли три денька.
Ну, беда невелика.

Тотай. Эй Поцо! Чего не сядешь?
Бороду чего не гладишь?
Что ты бродишь, сам не свой,
Смотришь хмурою совой?
Недоволен, что ль, привалом?
Подходи сюда с бокалом!

Салат. Вот возьми-ка араку.
Помогает старику.

Тотай. Не дал бог удачи. Что же,
Дай ее в другой раз, боже.
Что грустишь ты, старина?
Не печалься, пей до дна.
Наслаждайся аракою.
Бороду погладь рукою.

Поцо. Не о том я, не о том
Беспокоюсь. О другом...
Тут совсем иная штука.

П о ц о. Нэй сирдтэбэл мэ гузавэ,
Исэ.эндэр мэнмэ унаффэ.

Т о т а й. Ци унаффэ 'й, цэй, зэгъяй,
Кэд э кэнгэ мэнхэй ёй?

П о ц о. Исс ами хэстэг муддар,—
Мэ зэронд лимэн Дудар.
Æ сунэг кизгэх хэццэ,
Дзанахан рэсугъд сэтдзээдзэ.
Æл æхсæвæ, æд-æбонæ
Нæбал кæнун зæрдæнцойнæ,
Нæбал зонун уоди гъар,—
Фæммн цотæ мийнæвар.

Т о т а й. О, зэронд хэрэг Поцо,
Бæргæ дауи дæ роцьо,
Фал фур зæрæй нийнizгæй,
Уæд ци кæни ма кизгæй?

П о ц о. Гъей, дзæгъяэл дзорæг Тотай,
Рæстмæ зелæг макæд уай!
Æмбалæн мин ку нæ бæззи,
Мэ зэрондмæ мин ци кæси.
Цæппо — лæппо, фиййау лæппо,—
Мэ зæрдаэ ма æй лæппо.
Цæй фæлтауги ду бавзарæ
Дæ лæгдзинадæ, дæ хъаурæ,
Мэ унаффэ уæд хæлар,—
Фæммин цотæ мийнæвар.

С а л а т. Уæд аци гъуддаг хæлар,
Фæццæудзинан мийнæвар.

- Т о т а й.** А о чём же? Ну-ка, ну-ка...
- П о ц о.** Здесь недалеко живет
Друг мой, пасечник. Так вот...
Дочь его мне ум затмила.
Дзанахан!.. Мой ангел милый...
Без нес мне жить нельзя.
Будьте сватами, друзья!
- Т о т а й.** О Пoцo! Осёл ты старый.
Нет тебе достойной кары.
Борода твоя рыжая.
Всю се разъела ржа.
- П о ц о.** Эй, Тотай, болтаешь много.
Этим милости от бога
Не заслужишь никогда.
Что ты смотришь на года?
Спорить я могу с тобою —
Я любого парня стою.
- Чем болтать-то, паренек,
Лучше б другу ты помог.
Дружбой — вы ль не дорожите?
Ну, прошу. Не откажите!
- С а л а т.** Ладно. Порешим на том.
Мы согласны. Мы пойдем.
- Т о т а й.** Ладно. Я отвечу то же.
Другу не помочь — негоже.
Я за друга жизнь отдам.
Пусть же бог поможет нам.

Т о т а й.

Цæй, фæууæд æдта уæ загъд,—
Исарази дæн æз дæр.
Уæ сærвæлтау уæд мæ сæр,
Фал гъуддаг гъæуй ратагъд.

П о ц о (æд сийон.)

Уæ цæрæнбон берæ уа,
Мæлæт уин æшпун ма уа,
Æрцудæнцæ мæ рохс фунтæ.
Нур аци синон æд бунтæ
Ку ниуазун уæ туххæн,
Фал унаффæ бакæнæн,
Æнæ унаффæй гъуддаг —
Кæддæриддæр æскъуддзаг.

С а л а т.

Бахатир кæнтæ, кæстæр
Дæн уæ цори, фал уæддæр,
Æз корун уи дзурди барæ.
Нæ лæгдзинадæ, нæ хъаурæ
Мах бавзаруйнаг кæд ан,
Уæд гъæуама Дзанахан
Æрцæуа абони скъавд,—
Æнæмæлгæй уæд нæ гъавд.

Т о т а й.

Мæнмæ гæсгæ, нæ гъуддаг
Мах бавзарæн бал фиццаг
Исаразун мийнæварæй,—
Кæд не 'суа нин,— уæд не 'харæй.

И о ц о.

Æй дæ фæндæ рæвдзæдæр,
Хеваст миуæ нæй хуæздæр,
Æрветун уæ мийнæвари,
Бабæргæт кæнтæ Дудари,—
Агорун æй хæстæгæн

П о ц о (с рогом).

Пусть всем счастье улыбнется!
Пусть же смерть вас не коснется
Никогда! Ну, в добрый час!
Этот рог я пью за вас —
Чтоб победа увенчала
Наше дело! Но сначала...
Все обсудим, разберем.
Надо действовать с умом.

С а л а т.

Хоть средь вас я всех моложе,
Всех неопытней, но все же
Слово краткое сказать
Мне бы вам, друзья, хотелось:
Коль хотим мы испытать
Наше мужество и смелость —
Предложение мое:
Выкрасть мы должны ее!

Т о т а й.

Нет, скажу я. Поначалу
Мы посватаем, пожалуй.
А не выйдет — вот тогда
Мы ее похитим, да.

П о ц о.

Да, да, да. Вот так вернее.
Может, мирно сладим с нею.
Разгорайся в сердце, жар.
Сватов жди, старик Дудар!
Защищайся от удара,
Сердце старого Дудара.
Коль потребует калым —
Лошадь пусть берет, черт с ним.

Зэрдиуагæй мæхецæн.
Кæд баагора ми ирæд,—
Мæ къода бæх уой фæууæд.

Т о т а й.

Цæй, гъуддаг мин иур зунд æй,
Дзебæл дæр ма цæмæн æй?
Ду ами лæууæ, Поцо,
'Ма не 'рциудмæ дæ роцъо
Радаунсæ æнгъæлдзау,
Кæдимииди-ма хуцау,
Мæ уод ин фæууа нивонд,
Æринтъохидæ амонд.

П о ц о (æд ниуазæн).

Цæй, фæууотæ фæндарааст,
Гъей Уасгерги,— дæ фæдзахст!
Цæй, ниуазæнтæ — æнкъупп!

(Тотай ѿесүй авгæ.)

Гъей, Никкола, Тæтæртуши,
Рафæлгæсетæ бæрzonдæй,
Ма ниуугътæ æнамондæй
Мах аци бон. Нæ гъуддаг
Фæди-фæдмæ уæд цийнаг.

(Ниуазүй.)

(Тотай жма Салат истунцæ.)

Т о т а й.

Цæй, Уасгерги фækкæнæд
Мах абони фæндарааст.
Гъей, Никкола, дæ фæдзахст,—
Нæ гъуддаг уæ барæ уæд.

(Ниуазүй.)

Т о т а й.

Дело сделаем умело.
Что же медлим мы? За дело!
Ты, Поцо, пока присядь.
Бороду свою погладь.
Потерпи немножко. Богу
Помолись. А мы — в дорогу.
Где же ты, Салат? Вперед!
Может, нынче повезет.

П о ц о (с бокалом).

Выпьем, други, за удачу.

(*Тотай берет бокал.*)

От волненья чуть не плачу.
От любви совсем я глуп.
О Никола, Татартуп¹,
Помогите в нашем деле.
Скоро, скоро... Неужели?

(*Пьет, Тотай и Салат стоят.*)

Т о т а й.

Ну, мой друг, скорее в путь!
Укрепим отвагой грудь.
Пусть удача бог пошлет нам!

(*Пьет.*)

С а л а т.

Будет пусть сукио добротным!

(*Пьет.*)

Т о т а й.

Ну, Поцо, желай добра.
Отправляемся. Пора.
(*Уходят.*)

¹ Татартуп — один из святых.

С а л а т.

Үә кувдбәл фәүуәд мә кувд,
Үәд нә тунә фәрнгүн уфт!

(*Niyazuy.*)

Т о т а й.

Гъенур ду, Поцо, хуәрзбон,
Мах Дудармә — фәндарааст!
(*Raqydjanq.*)

П о ц о (*ходайстәй*).

Уо, ме скәнәг, дәу фәндөн
Уәд аци гъуддаг арәэт.

(*Æhemag ærkæstitæт kænuy æ roçðo dauy.*)

Мәтәй дин мәлүй Поцо,
Ку нә дауй æ роцъо.

Дәроцъо, дан, нийизгәй,
Ци ма, дан, кәни кизгәй.

Үә фесафайтә фәлтау
Үә гъәлай фәрци биндау,
Фәххәсдзәнәй си мә зәрдә,
Фәрресдзәнәнца мә 'гәртә.

(*Скъотт зарә кәнүй йеу усмә.*)

Фал, кай зонуй, нә муддар,
Мә зәронд лимән Дудар
Ци зәгъедзәнәй, куд уодзәнәй?
Æнгъәлдау дән, исодзәнәнәй
Æвәццәгән, мә гъуддаг.
Батар кодтон дууә уосн,—
Дзанахан мин æртиkkаг.

(*Скъотт зарә кәнүй. йеу усмә нийгъос уй.*)

Зарунгъәр цәүй мә гъоси.

Кәмидәр зарый фиййау
Үәртә пихси әндиау.

Поцо (сиял шапку).

Да, задумали мы смело...
Сердце радостью запело.

(Осмотривает себя, поглаживает бороду.)

А Поцо ведь не дурак.
Он умен. Да еще как.
Знает, знает, старый, дело.
Борода, мол, поржавела!
И любить, мол, не велит
Возраст — печень заболит!

(Некоторое время насвистывает что-то.)

Но, однако, кто ответит,
Как приятель сватов встретит
С предложением моим?
Что на то он скажет им?
Примет как? Но мне сдается,
Все как надо обойдется.
Пережил уже двух жен.
Третьей буду ублажен.

(Насвистывает, прислушивается.)

Чу! Прислушаюсь-ка. Где-то
Голос раздается. Это,
Видимо, пастух поет.
Дело хорошо пойдет.
Не отклонится от плана —
Вечером куплю барана.
Будет жареный шашлык.

(Насвистывает.)

Кæд сингъеза мæ гъулдаг,
Уæд фиййауæй косæртtag
Æрилхæндзæнæн изæри,
'Ма ахсæви а къæлдæри
ИсираКæздæнæй минасæ,—
Бор фезонæг, бор æлвасæ.

(Скъотт зарæ кæнуй ѹеу усмæ.)

Хинст хуæдтолгæ бæргæ уидæ,
Муди бæтман æркалидæ
Мæ зæронд кайес Дудар,—
Хумæтæги нæй муддар.
Бор фезонæг муди хæццæ,
Дзанахан рæсугъд сæддзæццæ...
Мæтæй дин мæлуй Поцо,
Ку нæ дауй æ роцъо.

(Скъотт зарæ кæнуй ѹеу усмæ.)

Æндæмæ бал ракæсон,
Гæнгæлитæ æрхæссон.

(Рацхуий æндæмæ скъотт заргæй, уосонгæ ѹеу дзæвгарæ лæууий ре-
вæдæй, уæдта фæззиннуий фиййау заргæ).

Ф и й я у.

Уой рирæ, рирæ,
Уой рирæ, рирау!
Æз дин ци уарзун,
Кизгайти-кизгай,—
Дæ ходгæ цæстæ,
Дæ къæлæт æрфуг.
Уой рирæ, рирæ,
Уой рирæ, рирау!

(Фенгаст æй авгæж æмæ сиүжæмæ, есуий авгæж. Кæсүй имæ æма дзоруий.)

Да, тут был бы пир вслик.
Вот бы было хорошо-то...
Тесть Дудар принес бы соты.
Непременно принесет!
Дзанахан! Шашлык! И мед!
А Поцо ведь не дурак.
Он умен, да еще как.

(Насвистывает опять.)

Эх, вы годы удалые!
Поищу-ка гангали¹ я.

(Насвистывая, уходит. Шалаш некоторое время пуст, потом появляется пастух.)

П а с т у х (поет).

Ой рира-рира,
Ой рира-рира!
Что люблю в тебе,
Моя милая,—
Это бровь дугой,
Это ясный взгляд.
Ой ри-ра-рира,
Ой ри-ра-рира!

(Вдруг увидел бутыль с аракой и рог, взял бутыль, смотрит на нее.)

Вот она, родная! Ну —
Всех покойных помяну.

(Наполняет рог, выпивает его до дна.)

Да... Недурно для начала.
Прямо к сердцу побежала.

(Снова наполняет рог, пьет.)

¹ Гангали — кервель.

Мæнæ, мæнæ и цъируйнаг,
Кедæр мæрдтæ имисуйнаг.

(Сиүх идзаг кæнүй æмæ ниуазүй.)

Уох, уох, уох! Цæй карз æй, цæй!
Раст зæрдæмæ ниххæцца 'й!

(Идзаг кæнүй сиүх æмæ ниуазүй.)

Æвеллон æма тæмæс,—
Ард хуæрун нуртæккæ æз,
Фудконд уоси уагъд ке нæй!

(Йеу ма дæр уадзүй æмæ ниуазүй.)

Уох, ку 'рцардтæн, ку, дæдæй,
Сæр йеу минги бабиндзæ 'й!

(Ивхруй авгæ æмæ сиүх. Заруй.)

Æз дин ци уарзун,
Кизгайти рæсугъд,—
Дæ нарæг астæу,
Дæ ходгæ билтæ,
Уой рирæ, рирæ,
Уой рирæ, рирау!
Дæ ходгæ билтæ,
Дæ нарæг астæу!

(Заргæ рацæуй уосонгæй. Йеу усми фæсте фæззинүй Поцо.)

П о ц о (Дудари раунгæй.)

Гъей, бунатмæ, нæ муддар,
Мæ зæронд лимæн, Дудар!

Д у д а р.

Үæ бунат дæр гириззаг,
Дæхуæдæг дæр гириззаг!

А искрится — как кристалл.
Кто варил, тот дело знал.

(Снова наполняет рог, пьет.)

**Чудодейственная влага!
Нет на свете выше блага!**

(Поэт.)

Что люблю в тебе,
Моя милая,—
Это тонкий стан,
Губы алые.
Ой рира-рира,
Ой рира-рира!
Это тонкий стан,
Губы алые.

(С песней выходит из шалаша. Через некоторое время появляется Дидар, потом Пон.)

П о ц о (увидев Дядара).

О Дудар! Друг старый мой!
Рад увидеться с тобой.

Дудар.

**Место ваше гадко. Гаже
И придумать трудно даже.**

Н о ц о.

**О Дудар, мой старый друг,
Не пойму я, что ты вдруг...
Ну, прошу, взгляни добре.**

Дудар.

Да не друг совсем тебе я.

П о ц о.

Үой ци хони, мæ хæлар,
Мæ зэронд лимсан, Дудар?

Д у д а р.

Мæн ма хонæ дæ хæлар,
Нæй æнкъай дæуæн Дудар.

П о ц о.

Цæбæл мæстгун дæ ме 'нгарæ,
Цæбæл кæнис дзурдæвзарæ?

Д у д а р.

Кæд н' агори фидбилиз,
Цæмæн кæни уæд гириз?

П о ц о.

Ци гириз æй, цитæ дзори?
Цæй æрбадæ ду мæ цори.
Нæ дзубанди уотемæй
Бакæндзинан дууемæй.

Д у д а р (лæдзæг телгæй).

Æвæццæгæн, æнгъæлис
Дудари сærбæл гириз
Бафедаудзæнæй де 'рдиги,
Фал, еунæг хуцау, ме 'рдиги,—
Æнæмæнгæ ку зæгъон,—
Фækкæндзæнæ фуд фæсмон!

П е ц о.

Æгæр устур æй дæ гъелæ,
Æгæр хъæбæр æй ма телæ,

П о ц о. Ты скажи мне, что с тобой?
Отчего ты злой такой?

Д у д а р. Что — шутить решил со мною?
Я сейчас тебе устрою...

П о ц о. Ну, о чем ты, друг, о чём?
Сядь-ка. Мы сейчас вдвоем
Дело не спеша обсудим...
Друг мой, ссориться не будем.

Д у д а р (*размахивая дубинкой*).

Издеваться надо мной!
Над мою сединой!
Не-ет, не знаешь ты Дудара.
Жди ответного удара.
А за что, ты знаешь сам.

П о ц о. Я совет хороший дам:
Волю не давай рукам!

Д у д а р (*угрожая палкой*).

Я сейчас свою дубину
Об твою сломаю спину!

П о ц о (*выхватывает пистолет*).
Опусти дубину, стоп!
Живо схватишь пулью в лоб.

(*Вдруг появляется пастух.*)

П а с т у х. Это что еще за штуки?
Ну-ка, опустите руки.

Ку дин фæссæтта æваст,
'Ма ку сæкседа дæ маст!

Дудар (æвзедуй гъелæй).

Маст нæ, фал дин дæ сæрбæл
Æрсæттун гъæуй а гъелæ!

Поцо (дамбаца фелвасуй).

Дæ лæдзæг мæнмæ ма телæ,
Кенæдта дин дæ реубæл
Ницæвдæнæн дамбаца!

Фийяу (фæззиндтæй æваст.— Поцо чæ).

Гъей, ци кæнтæ, гъей, инууадзæ!
Цæбæл цæуй уæ хьис-хьис?
Ма бакæнтæ фидбилиз!

Поцо.

Бахатир кæнæ, фийяу,
Фал бафæрсæ 'й, сонт сирдау
Сонт лæборæ ци кæнуй?

Фийяу.

'Ма фийяу дæр ци зонуй?

Дудар.

Гъей, зæронд хæрагт Поцо,
Ниггеруз æй дæ роцъо,
Робасау уæддæр, æвæдзи,
Дæ думæг телун нæ уадзи.
Нур дæхе фийяуæн раст
Æрбакодтай ду æваст.

Поцо.

Дæ хуарзæпхæй, о, Дудар,
Мабал дзорæ нур лæвар,
Цо, корæп ди, дæ бунат
Баагорæ æнæ над.

Поцо. Ты прости меня, пастух.
Что он скачет, как петух?

Пастух. Да нужны мне ваши свары!

Дудар. Эй, Поцо, осел ты старый.
Что там, как лиса, юлишь?
Праведник нашелся. Иши!

Поцо. Что же делать мне с Дударом?
Слов своих не трать ты даром.
К пчелам уходи своим,
Цел пока и невредим.

(Раздаются выстрелы.)

Пастух. Что за выстрелы? Тревога!
Да скорее! Ради бога.

(Выбегают все трое. Нéготорое время шалаши остается пустым, потом появляются Тотай и Салат с невестой. За ними появляется и Поцо. Остолбенев, он смогрит на невесту.)

Тотай. Что же онемел ты вдруг?
Принимай невесту, друг.
Потрудились мы как надо.
Вот она, твоя отрада.

Салат. Ох, счастливый ты, ей-ей.
Ну иди, иди же к ней.
Протяни смелее руки.

Поцо. Я глазам не верю, други.
Может, это все во сне?

(Аёваст топпи гъэртæ фæццудæй.)

Ф и й й а у.

Топпи гъэртæ игъусуй,
Гъей, фæдеси гъэр цæуй!

(Рауайунцæ æртемæй дæр. Иеу дэавгарæ уосонгæ ревадæй лæуүй, уæдта фæззинунцæ Тотай æма Салат киндзи хæццæ. Сæ фæсте фæззинуý Поцо дæр æма никækбæх уý.)

Т о т а й.

Ку никкъех дæ, ку, Поцо,
Цæй, радауæ дæ роцъо,
Нæ фæдзæгъæл æй нæ гъавд,
Дзанахан-рæсугъд — æскъавд!

С а л а т.

Æнамонд нæ дæ, Поцо,
Хæстæгдæр имæ бацо.

П о ц о.

Мæнæ дес æма тæмæс,
Фун уинун, æнгъæлдæн, æз!

Т о т а й.

Цæй, уадзæн сæ нур, Салат,
Нур ралæудтæй сæ сахат.

(Тотай æма Салат рацхунцæ.)

П о ц о.

Нур байзадан еунæгæй.
Дзанахан-рæсугъд, дæ хæццæ,
Уо, мæ уод æма мæ дзæццæ,
Рагæй дæмæ ку бæллун.
Нур ку сесисæ дæ хизæ,
Ходæзмолтæй ку зæгъисæ
Ду еу адгин дзурд мæнæн,
Уæд фурцинæй фур тæмæн
Искæнидае, ис, мæ зæрдæ.
Уæд зæгъинæ дин цидæртæ,

Тотай.

Ну, пора наедине
Жениху побить с невестой.

(*Тотай и Салат уходят.*)

Поцо.

Дзанахан! О, наконец-то!
Радость сердца, Дзанахан.
Я совсем от счастья пьян.
Сколько по тебе страдал я,
Сколько же ночей не спал я!
Если б ты сняла фату,
Улыбнулась бы глазами,
Сердце вспыхнуло б, как пламя.
Если знал бы, что любим,
Снова стал бы молодым.

(*Гладит свою бороду.*)

Что молчишь ты, дорогая?
Засверкай же, озаряя,
Все вокруг себя, звезда!
Стану сам звездой тогда.

(*Пытается снять фату, но невеста упорно сопротивляется. Поцо обнимает ее и старается отбросить фату.*)

Ну, сними фату, прошу я.
Губы жаждут поцелуя.
Хоть одним глазком взгляни.
Не стесняйся, мы одни.

(*С силой срывает фату, хватает невесту за талию, начинается борьба. Поцо оказался под невестой. Появляются Тотай и Салат, смеются. Невеста поставила на ноги Поцо, сняла фату. Это — пастух. Смотрят друг на друга. Пастух смеется. Поцо в гневе.*)

Уәд фесүшә әз әндәр,
'Ма фәүүнә ләхъуәндәр.

(Дауі әроцъо еу усмә.)

Куд неци дзори, мә цард,
Цәй, фертевә ма ме 'стъалу,
Дән нуртәккә әз әвзалу,
Фал фестдәнән цирен арт.

(Аевналуй хизә ыесунмә, фал әй киндәзә нә уадзуї. Арифтудта ибәл ә ционг 'ма 'й хъуритә кәнүй. Поцо бабәй ин ә хизәмә әвналуй.)

Цәй, дә хизә нур исесә,
Дә ходгә билтә равдесә,
Мә уоди уод, Дзанахан,
Иесгә рази ку нә ан.

(Хизә тух рәмодәзә кәнүй ысу усмә, уәдта фәгъүгъәбесәй унцә.
Поцо киндзи бунәй фәцәй. Фәззинунцә Тотай, Салат әжә ходун-
цә. Киндәзә исугәтта Поцой. Исиста хизә 'ма дин ые ба фиййау. Кә-
сунцә кәрәдземә — фиййау ходгәй, Поцо ләстгүнәй.)

Т о т а й. Гәсй, зәронд хәрәг, Поцо,
 Ку ниййизгә 'й дә роцъо!

С а л а т. Цәппо-ләппо, фий-ләппо,
 Ку нә разиндтә ләппо!

. Е М Б А Е Р З А Е Н

1921 аны, май.

Т о т а й.

**Отдыхай, не беспокойся.
Молодых заткнуть за нос
Вздумал, старый ты дурак!**

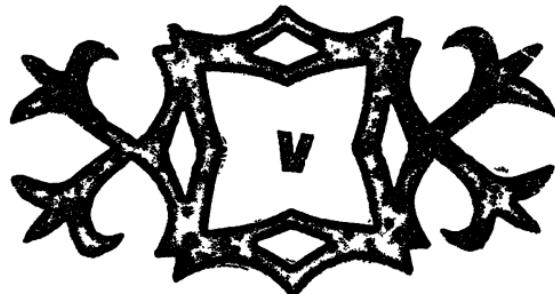
Салют.

И не вышло? Жалко как!

ЗАНДВЕС

1921.

12 Ираф

* ФЕДОГИ МÆЛÆТ

Гъæууон къæнцæлармæ бацудæй бæрзонд, ставд кæндтитæ лæг. Зæронд цæрмин пиҳцилтæ ходæ, зæронд æмпъузтитæ цохъа гæрзин ронаëй баст, фæсбунфий худи-халд дзабуртæ,— адтæнцæ æ дарæс. Йе адтæй гъæууон федог Дадо. Цудæй Дадобæл, æвæдзи, æртисæй анзи фулдæр, уотæ зæгъун æнгъизтæй, уой æнхъирттæ цæс-гон æма уорсалист закъæмæ кæсгæй.

Къæнцæлари стъоли сæргын бадтæнцæ йефтоңг лæ-хъæн-лæг, гъæуихецау, æма æд кæсæнцæститæ каргин уруссаг писир.

— Уæ райсом хуарз,— исдзурдта сæмæ Дадо.

— Арфæгоңд уо,— загътонцæ ин йетæ дæр.

Йеу усмæ, уæдта гъæуихецау курати дзиппæй уорс къохмæрзæн исиста æма 'й æ цæсгонбæл радаудта.

— Гъи, Дадо,— загъта йе æрæгиау,— гъигæ дин уодзæнæй æвæдзи, фал дæ цохвæндæ скодтан.

— Күйд цохвæндæ?— къех фæрсæ ракодта Дадо.

— Аңдæр федог ихуæрсæн,— загъта гъæуихецау.—

* СМЕРТЬ ГЛАШАТАЯ

В сельскую канцелярию вошел высокий сутуловатый старик. Старая лохматая шапка из овчины, ветхая, вся в заплатах черкеска, перехваченная в талии кожаным ремнем, на ногах — распоровшиеся чубяки из сыромятной кожи. Это был сельский глашатай Дадо. Наверное, Дадо было больше шестидесяти лет. Во всяком случае, так можно было подумать, смотря на его сморщенные щеки и поседевшую бороду.

В канцелярии за разными столами сидели подтянутый мужчина средних лет — старшина села и пожилой русский писарь в очках.

— Доброе утро,— приветствовал их Дадо.

— Доброе здоровье,— ответили ему.

Немного погодя, старшина села вынул из кармана своего бешмета белый платок, слегка обтер им свое лицо.

— Ну, Дадо,— наконец сказал он,— тебе, наверное, это будет неприятно, но мы решили уволить тебя с работы.

Ду аэрзәронд дә, дә хъүр сфаелмас тәй, әма федогән нәбал бәззис.

Әгүппәг цума фәцәй, уотә, йеу усмә Дадо дзорунгъон пәбал адтәй, ә бауәр диз-диз кодта; ә хузә нийвадәй, хеди тәф рагъардта йе 'ихъирттә тәгрин-хәй.

Дәс әма инсәй анзей бәрцә йе федогәй фәххаттәй гъәргәнгә устур дзилли гъәунгти. Дадо, цид, ку раңаудә гъәр кәнунмә, уәд гъәунгтә адәмәй байдзаг уи-уонцә, нихәси зәрәндтә сә дзубанди ниууадзиуонцә, силгоймәгтә къәрәзгитәй, каути цъәстәй нийгъосиуонцә; биццеутә уадәнцә, цид, ә размә. Уотемәй гъәунгәй гъәунгәмә, гъәуи йеу кәронәй иннемә, гъәргәнгә хаттәй зәронд федог Дадо.

Анз дууә-әртә хатти бегарай уәрдун әма къәбиси хәецә дзилләбәл әрзелидә ә мизд йесунмә.

Ләвардтонцә ин — ка әхца, ка мәниәуә, ка нартихуар, ка әндәр йести. Уотемәй, хуәздәр цардмә әнәбәлгәй, хаста зәронд Дадо әхе әма ә зәронд хәфцәстә уоси,— зәнәг ин нә адтәй. Ци ма кәна? Куд ма дара әхе, косән дзаумай имә ку неци йес?

— Ци дин кодтон? Цәмәп мә исафис?—кәунгъәләсәй батхалдта йе гъәуихецаумә.

— Неци мии кодтай,—загъыт гъәуихецау,—фал дин ку зәгъүи, базәронд дә әма федогән нәбал бәззис.

Дадо күддәр гъәла кәсәе шиккодта, гъәвта ма цидәртә зәгъүнмә, фал уоди уигәгдзинадә хъурмә схъәрттәй әма 'й дзорун нәбал уагъта.

— Как уволить? — побледнев, спросил Дадо.

— Нанимаем другого глашатая. Ты уже слишком стар. Голос твой ослаб. Не годишься уже ты в глашатай.

Ничего не смог выговорить Дадо. Потолок будто бы пошел вниз, голова закружилась.

Тридцать лет ходил он глашатаем, крича во весь голос, по длинным улицам, оповещая народ о каком-нибудь событии. Услышав привычный крик Дадо, люди торопливо выходили на улицу, старики на нихасе прерывали свой разговор, женщины из окон, из-за плетней прислушивались к нему, а мальчишки наперегонки бежали навстречу. Вот так, переходя с одной улицы на другую, из одного конца села в другой, долгие годы нес свою службу Дадо.

Раза два-три в год облезжал он на арбе дворы и собирал свою мзду. Кто давал деньги, кто пшеницу, кто кукурузу. К другой жизни Дадо не стремился. Кормил себя и больную жену. Детей у них не было.

— Что я тебе сделал? Почему губишь меня? — плачущим голосом обратился он к старшине.

— Ничего ты мне не сделал. Но говорю же, состарился ты.

Дадо хотел еще что-то сказать, но тяжелый ком подкатил к горлу.

— Иди во двор, не мешай нам,— встревоженным голосом сказал старшина.

Колени Дадо внезапно подогнулись. Ему показалось,

— Аңдәмә цо, ма нә ҳъор кәнә,— загъта ин еу усми фәсте гъәуихецау.

Дадо бадонзонуг ай, ә бәрзәй ин, цума, устур гъелгәй ииццавдәй, уотә имә фәккастәй, әма гүпгәнгә рапаудтәй уәлгоммә.

— Гъей, йесгетә рацәуәнтә медәмә,— радзурдта къәразгәй гъәунгәмә гъәуихецау,— мәнә зәрюнд федог Дадо рамардәй.

1915

■

что его со страшной силой ударили по шее дубинкой, и он грохнулся на пол.

— Гей, кто-нибудь, идите сюда! — крикнул из окна на улицу старшина. — Старый глашатай Дадо умер.

1915

* АХГӘД ЗӘРДӘ

Сах кастәй рәфтон тәвдәх хор. Әргъау әркүупхә 'ицә донбәл ама бонасадән кодтонцә. Дони биләбәл, әргъаумә хәстәг, доңхәреси буни бадтан аз әма зәронд гъонгәс Бидзих.

Цудәй мәи бәрцә, Бидзихи хәецца кәрәдзей кәдәй базудтан, уәдәй. Әз юеци сәрдә цардтән гъәдрәбун уотари, йә ба уоцирдәмә үе 'ргъау арәх скъәридә. Әргъау цалдән рәфтон уоләфт кәенионцә донбәл, уалинмә аз әма Бидзих дзубандибәл исбадианә доңхәреси буни, аууони.

Бидзих адтәй бәзәрхуг, ставдгомау ләг, а сау цәрмии ходә, а зәронд скъудтә цохъя әмбүд хәдоши әндеңгәй рагәй әййевуйнаг адтәнцә, фал ин, әвәдзи, цард уәхән равгә пә ләвардта. Гъунтъуз әрфгүти бунәй әнкъард ама дәлбүнкәсә кодтонцә уой фәлмән цәситтә. Бидзих әнае уосә ке 'рзәронд ай, уой зудтон, фал гъуддаг цәмән уотә 'рцудәй, үе ба мин бәлвурд нә адтәй.

— Хуарз нә 'й, Бидзих,— батхалдтон имә аз,— әнә уосәй ке 'рзәронд дә, үе.

— Ци киндәуа, мә хор,— загъта мин Бидзих гузавә хъурәй,— амонд агоргә нә 'й.

— Нә, Бидзих, аз уотә пә зәгъун.

— Мадта куд зәгъис?

* СКРЫТОЕ СЕРДЦЕ

Измученное зноем стадо вошло в воду, а мы, старый пастух Бидзих и я, сидели на берегу под ивой. Примерно с месяц мы знаем друг друга. Я в это лето жил при отаре у самого леса, а он в эту сторону часто пригонял свое стадо. Пока овцы утоляли жажду и отдыхали от жары в воде, мы с Бидзихом коротали время в разговорах.

Бидзих был коренастый, полный мужчина. Его черная папаха, рваная черкеска поверх черной рубашки давно нуждались в замене, но жизнь ему, видимо, не представляла такой возможности.

Из-под густых бровей мягко смотрели его глаза, всегда опущенные и, казалось, стесняющиеся посмотреть прямо, в упор.

Я знал, что Бидзих состарился неженатым, но причины этого я не знал.

— Нехорошо, Бидзих,— осторожно начал я.— Нехорошо, что без семьи ты состарился.

— Что поделаешь, мое солнце, — грустным голосом отзывался Бидзих.— За счастьем не охотятся.

— Нет, Бидзих, я думаю не так.

— А что же ты скажешь?

— Ты просто не искал своего счастья.

Что-то проскользнуло по губам Бидзиха — не то на-

— Амоид нэ агурдтай, ёндэра 'й иссердтайсæ.

Бидзих баходæзмолтæ 'й, фал неци исдзурдта йеу усмæ, уæдта равналдта æ галеу фарсмæ, сласта кæрдбадзæй кард æма æ лæдзæги сæр амайун райдæдта. Балæдæрдгæн, мæ дзубандий æздæх æ зæрдæмæ ке нæ бацуðæй, уой. Аэндæр ести дзубанди æркæнунмæ куд гъавтон, уотæ над æрдиги топпи гъæр фæццудæй. Фæкъкъех аи дууемæй дæр. Уалинмæ нади фездæхæни, урдугмæ æд нимæт, æд топп, гъазгæ æма сергæ фæззиндтæй бæхгни. Уой фæдбæл æрурдуг æй дууæ уæрдуни. Раззаги бадтæнцæ æртæ кизги, сæ еу хизæй æмбæрзт, æма лæхъуæн — бæхдзорæг. Кизгуттæй йеу цагъта фæндур, иннæ уæрдуни ба бадтæнцæ лæхъуæнтæ. Стур айдæнæ се 'хсæн æртевæнтæ кодта хормæ. Се 'гасæй фæсте заргæ цудæнцæ бæхгингтæ.

— Атæ киндзхонтæ 'ицæ,— сабургай исдзурдта Бидзих.

Донгони киндзхонтæ бæхтæн дондарунбæл йеу усмæ бадзебæл æнцæ. Донордæг ку фæцæнцæ, уæд зарун гъæр æма фæндuri цагъд нæуæгæй исигъустæнцæ. Дзæвгарæ, сæ фæййаууони уæнгæ, сæ фæсте кастан æз æма Бидзих донхæреси бунæй.

— Гъе, Бидзих,— загътон æз ходгæй,— юеци рæсугъди кæмæн фæххонунцæ, уомæ, цума, нæ хицæ кæнис?

Бидзих, зæнхæмæ кæсгæй, цидæр баҳъур-хъур кодта æхенимæр, уæдта сиргъувта æ цæститæ мæн æрдæмæ æма мæмæ листкæсæ никкодта; адтæй цидæр уæззау-

смешка, не то легкая улыбка. Он вытащил из ножен на левом боку нож с широким лезвием и начал сосредоточенно стругать конец своей палки. Я понял, что тема моего разговора не понравилась ему. Хотел спросить о чем-нибудь другом, как вдруг со стороны дороги раздались выстрелы.

На повороте, с винтовкой в руках, показался всадник в бурксе. За ним двигались две арбы. На первой сидели три девушки, невеста в белой шелковой шали и парень-возница. Одна из девушек играла на гармошке. На другой арбе, где сидели одни парни, сверкало большое зеркало. В конце, громко распевая песни, ехали всадники.

— Это сопровождающие невесту,— медленно произнес Бидзих.

У реки процессия ненадолго задержалась — поили лошадей. Потом снова раздались звуки гармошки, полилась песня.

— Вот видишь, Бидзих,— сказал я, смеясь.— Разве ты не завидуешь тому, кому везут эту красавицу?

Бидзих что-то пробормотал себе под нос, потом поднял голову и впервые прямо и пристально посмотрел на меня. Взгляд его теперь мне не казался мягким. Картина с невестой пробудила что-то давнее в его сердце.

— Ты говоришь, счастье надо искать. Но это не так,— прервал, наконец, молчанье Бидзих.— Я ведь тоже искал его. Но не нашел.

дзийнадаё йеци кости. Бæраг адтæй, киндзхонти уиндæмæ уой зæрди цидæр ке 'ригъал æй, ѿ.

— Амонд агорæ ѡма 'й иссердзæнæ, зæгъис, фал уотæ нæ 'й,— загъта мин Бидзих æргийа,— æз æй агурдтон ама 'й не 'ссердтон.

— Агорун дæр зонун гъæуї, Бидзих,— батхалдтон ба-бæй имæ æз, — амонд не 'ссерундзийнадæ, æвæдзи, дæхе лазæ адтæй.

— 'Ма уой туххæн дин æз æрхæсдзæнæн таус,— загъта мин Бидзих.— Мæ лæхъуæни доги, цудæй мæбæл, æвæдзи, фондз ѡма инсæй анзи, уæд æз адтæн лæскъдзæрæни йеу гъæздуг æссонмæ, худтонцæ 'й Иналдо. Кæми фиййау, кæми уотаргæс, уотемæй евгъудæнцæ бæннтæ. Уотармæ хаттæй-хатт фæззиннидæ, цид, Иналдой кизгæ Зулемæт. æхцул, таведзæгæнагæ адтæй йе мæнбæл. Хебæрагæй байзайгæй дзубанди, цид, раеудагъ уидæ не 'хсæн. Адгин гъарæ кодта мæ зæрдæмæ уой цъухи дзурд. Арви ирдæй рæсугъддæр адтæй æ цæстæнгас. Ме 'хснуйнаг, ме 'мпъозуийнаг, — гузавæ мæ нецæмæй уагъта, гъуд мæ кодта, мадæй райгургæ хуæрау. Кæми ниллæудтæй ме 'взонг зæрдæ, — фехсайдта Зулемæтмæ, фал ин мæ зæрдиаг ской кæнун ба нæ разæнгард кодтон.

Цудæнцæ бонтæ. Афæй мæбæл ку рацуудæй лæскъдзæрæни, уæд нæхемæ цæун фæндæ скодтон.

— Цæй, нур мæ ражецаñ кæнæ,— загътон æз еу бон мæ хецауæн, — афонæ мин æй нæхемæ.

— Барæ дæу,— загъта мин йе,— æз дæ нæ къулумпи кæнун, абоңи исбæрæг кæнæ дæ мизд, исон — фондараст.

— Надо уметь искать, Бидзих. Твоя вина, что ты его не нашел.

— Слушай, что я тебе расскажу, начал Бидзих. — В пору моей юности — мне было тогда лет двадцать пять — был я настухом у богатого хозяина. Звали его Иналдо. То ходил за стадом, то работал у него дома — так проходило мое время. К отаре приходила иногда дочь Иналдо — Зулемат. Была она ласкова, приветлива со мной. Как сладкая песня, до самого сердца доходило каждое ее слово. Яснее, чем синева этого неба, были ее глаза. Надо было — постирает, залатаает. Заботилась обо мне, как о маленьком ягненке.

Сердце парня, конечно, не могло удержаться, увлеклось оно Зулемат. Но сказать ей о чувстве своем не решался.

Истек мой срок — прошел год, как меня наняли пастухом, — и я стал собираться домой.

— Пришла пора, — сказал я хозяину. — Рассчитайся со мной.

— Воля твоя, — ответил тот. — Я не задерживаю тебя. Сегодня назови размер платы, завтра — прощай.

Сказав это, хозяин направился с топором в сторону леса — видимо, собирался делать ось для арбы. Я охранял отару. Был осенний туманный день, моросил мелкий дождь, не хотелось выходить из шалаша. Потрескивая, горел огонь.

— О чём задумался, Бидзих? — раздался вдруг над головой чей-то мягкий голос.

Үотә зәгъгәй, әссон гъәдәрдәмә исевгъудәй фәрәти хәеццә — әнгъәл дән, сәмәйнаг әй әркәнүп гъудәй. Йеци бон әз адтәп уотаргәс.

Сәумон гъудгонд ку фәйтән, уәд медосонгә арти фарсмә сагъәси бадт бакодтон. Адтәй фәззигон сәлфәг бол, әма мә размә сәлфәг бол, әндәмә не 'хайдта. Арт сугъдәй мә размә, пеллонтә скъярдта аллирдәмә.

— Ци сагъәс кәенис, Бидзих,— сдзурдәй мә фәсмәкъур фәлмән гъәләссай.

Ракастән — мә размә ләудтәй ходәзмолтә идзуллдзастәй Зулемәт.

— Әгас цо, Зулемәт,— загътон әз әма фестадтән арти фарсәй.

— Бадә, бадә, цәмән истис,— сдзурдта Зулемәт.

Фестәмә әрбадтән арти фарсмә. Зулемәт ба ләүгә байзадәй мә сәргъи.

— Әз цәунмә гъавун нәхемә исон, Зулемәт,— загътон әз йеу усми фәсте.

— Йеугур цуд, әви бәрәг кәнунмә? — бафарста мә Зулемәт.

— Йеугур цуд.

— Мадта де 'мпъозүйнәгтә әрдарә, әз ба дин сә барәвдзитә кәнон дә цәунмә,— загъта мин Зулемәт.

Әмпъозүйнаг мәмә берәт наә адтәй — әрмәст мә йеу дзабур йеу рауәп раҳудихалд әй, әма 'ймә уой рвардтон. Зулемәт әндәуосонгә къудуронбал әрбадтәй, әриста сәрбәттәниәй әрции әд бәхспуг әма дзабур әмпъозүп раїдәлтә.

Оглядываюсь — стоит возле меня, со смешинками в глазах, Зулемат.

— Здравствуй, Зулемат,— сказал я и встал с места.

— Сиди, сиди. Зачем встаешь?

Я снова сел возле огня, а Зулемат стояла надо мной.

-- Я завтра ухожу домой, Зулемат,— помолчав, сказал я.

— Насовсем или так, проведать?

— Насовсем.

— Тогда давай все, что надо починить. Приготовлю тебя в дорогу.

Чинить особенно было нечего. Только чувяк мой распоролся в одном месте, я подал его ей. Зулемат присела у выхода на чурбак, вынула из косынки большую иголку и кожаную нить.

«Настал мой час,— подумал я,— решусь, открою ей свое сердце. Будь, что будет.»

Меня охватила дрожь, но все же, стараясь не выдать своего волнения, я встал со своего места и подошел к Зулемат. Она как-то странно на меня посмотрела. Наверное, на мне лица не было.

— Зулемат!— испуганным голосом прошептал я.

— Что с тобой?

— Люблю тебя, люблю тебя,— повторил я дважды и застыл неподвижно, оглушенный собственными словами.

Зулемат вскочила с чурбака, отшвырнула в сторону мой недошибый чувяк. Чувяк лежал подошвой вверх на щепках, где я обычно рубил дрова.

— Нуур раләудтәй мә сахат,— фәндәе кодтон мәхенимәг,— райгон кәнон ин мә зәрдәе, ци фәйтән, уой фәдиәни.

Ме 'үәнгтәе куддәр базир-зир кодтонцәе, фал мәхебәл фәххуәстәи, фестадтәи арти фарсәй аема Зулемәти цормә раңдәтән. Зулемәт мәмә күддәр къех каст никкодта, әвәдзи, мә хузә мәхе кеми наәбал адтәй.

— Зулемәт!— исдзуртон аэз тәрсгә хъурәй.

— Ци кәенис?— бафарста мә йе, дзабур әмпъозун ниуудзгәй.

— Уарзун дә! Уарзун дә!— исдзурдтон аэз дууә хатти, уәдта, цума, цавддор фестадтән, уотә фегомуг дән.

Зулемәт рагәпп кодта къудуронәй, фехста мин еуварсмә мә дзабур. Дзабур бадәлгоммә 'й соггадәни листити 'хсән.

— Мәгурдәйраг,— загъята мин йе мәстхузәй,— аэз дин тәрегъәд кәнинә әмә дә әхциул таведзәгәнгә уомән гъуд кәнинә, ду ба әндәр зәрдитә дәхең байвардтай!

Уотә зәгъгәй, Зулемәт цидәр фәңәй мә цорәй. Зәнхә мәбәл разилдәй. Нецibal баләдәрдтән йеу усмә. Аэз әнгъәл нә адтән, Зулемәт мәнән уотә зәгъдәнәй, уой. Фехгәд ай мә зәрдәе әмә наәбал райгон ай уәдәй нурмә...

Бидзих нигъгъос ай. Аэз дәр имә нецибал исдзурдтон.

— Аергъау фезгули әнцә,— загъята Бидзих еу усми фәсте әма фестадәй донәхсинцый бунәй.

Фонс әңгәгәй сәхе йесун байдәдтонцә донәй.

— Несчастный! — презрительно сказала она. — Я просто жалела тебя и поэтому ухаживала за тобой. А ты уж бог весть что подумал!

Зулемат исчезла. Земля качалась подо мной. Некоторое время я ничего не понимал. Не верил, что Зулемат поступила со мной так жестоко. Закрылось тогда мое сердце и с тех пор больше не открывается.

Бидзих замолчал. Я тоже ничего не мог сказать.

— Стадо зашевелилось,— сказал Бидзих и встал.

Овцы начали выходить из воды.

Йеу сәрдәэ әз фәдтәен Диgorи. Ци гъәуи цардтәен, уой мәкъурмә ләудтәй устур, бәрzonд фахс. Фахси тәккә сәрәй ба гъәумә цъәх-цъәхид зиндтәй нәзи гъәдә. Фәсгъәдә әндид әма бәрzonд истонцә сәхе арвмә бекъәгүн сау хуәнхтә. Хонхәй, кенә ба гъәдәй фахсбәл урдугмә, хормә әрттевәнтәгәнгә, гъәуаәрдәмә уадәй йеу сауәдон. Йеу къуар къадай ибәл зилдәй гъәуи дәлләй. Мингий дәлдәр гъәүәй версти 'рдәги бәрцә коми хурфи әнсарә әма гъәргәнгә пурф кодта Ирәф. Йес Ирәфи сакъадәхтәбәл дәр къадатә, фал ку райвулуй, уәдта сә нимпурсуй әма сә фәлласүй. Ирәф гириз нә кәнуй. Хуәнхтә әма къәдзәхти хәццә тохун ин зин әй, әндәра мәгур хуәнхаг әхеңән цәмәйдәрти къада басадзуй, уой уомән фехалунмә ци гъәуй? Йеу бон әрцудәй устур уарун. Max әртә ләги — әз, мә фусунти ләхъуән әма нә синхон Мисирбий, зәронд уорсалист ләг, бадтан медхәдзари әма игон дуарәй кастән әндәмә. Нецибал бәрәг ахәста цәстә — арв, хуәнхтә, зәнхә, мегъә әма дон исхәләмүлә 'нцә йеугурәй дәр.

— Ирәф бабәй ивулдзәнәй,— загъта Мисирбий, ә рехә даугәй,— әма ласдзәнәй курәентти.

* О Б В А Л

I

Одно лето я провел в Дигории. Аул, где я жил, стоял у самого склона, крутого и высокого. Вверх по склону подымался сосновый лес, а далеко за лесом вонзались в небо черные, зубчато-острые скалы. Вниз, рассекая лес, бежал ручей.

За аулом он крутил жернова маленьких мельниц и, продолжая дальше свой путь, впадал в Ираф.

Однажды пошел ливень. Мы, трое мужчин,— я, хозяинский сын и паш сосед Мисирби, старик с поседевшей бородой,— сидели в сакле и через открытую дверь смотрели на улицу.

Глаз ничего не мог различить — небо, горы, земля, тучи и вода слились в одно.

— Ираф опять разольется,— поглаживая бороду, сказал Мисирби.— Унесет мельницы.

— Что бог пошлет, то и будет,— ответил хозяинский сын, спрятав руки в рукава.

— А что может послать бог,— снова заговорил Мисирби.— Люди обнаглели, друг друга ненавидят. Лучше бы он уничтожил их самих, а не мельницы.

— Но ведь люди есть хорошие и плохие,— проговорил хозяинский сын.— И разве это дело, если из-за плохих пострадают хорошие?

— Хуцау ци зэгъя, йе уодзәнәй,— исдзурдта не'инә 'мбал, а къохтæ а меддустæ, уотемæй.

— Хуцау дæр ци зэгъуйнаг ай,— райдæдта Мисирбий нæуæггæй дзорун,— адæм исналат æнцæ, кæрæдзей æфхуæрунцæ ама курæнттæ нæ, фал син сæхе ку феса-фидæ, уæддæр хуæздæр ай.

— Йес адæммæ хуæрзтæ дæр, лæгъузтæ дæр,— загъта ин не 'инә 'мбал,— ама хуæздæртæ лæгъути туххæй ку фесæфонцæ, уæд йе хуарз куд уодзæнæй?

Мисирбий неци исдзурдта. А рехæ радаудта а къоххæй, а бæзгин æрфгутæ æринцъултæ ама мургъузкæсæ кæнун байдыдта зæнхæмæ. Ци сагъæс кодта Мисирбий, ка 'й зонуй, фал мæнмæ ба уотæ фækкастæй, цума адæм ама уой ахсæн æрзадæй, кæрæдземæ сæ бацæун ка нæ уадзуй, уæхæн синдзин будур.

Æцæгдзийнадæй, куд мин дзурдтонцæ уой фæсте, уотемæй Мисирбий адæми нæ уарзта ама син ахуæдæг дæр уарзон нæ адтæй... Мулк ин а фидæй берæ байза-дæй, фал имæ нур ба еунæг тикис, еунæг хæрæг, хуми гæппæл ама игуæрдæнæй æндæр неци бал адтæй. Бинонтæй дæр рæвдзæ нæ фæнæй: еунæг фурт ин адтæй ама йе дæр сонт разиндтæй...

— Хуцау зонуй, кæмæн ци 'мбæлуй, уой,— дзурдтонцæ, Мисирбий ка нæ уарзтæ, йетæ. Мисирбий игъуста ама лæдæрдтæй йеци фаутæ ама дзубандитæ, иста сæ а зæрдæмæ, фал, цума, неци зудта æппундæр, ахе ба уотæ дардта.

Мисирби ничего не ответил. Провел рукой по бороде, нахмурил лохматые брови и угрюмо уставился в землю.

Кто знает, о чем он думал, но мне показалось в этот момент, что между ним и другими людьми простерлось заросшее терновником поле, которое никогда не пустит их друг к другу.

И действительно, как мне рассказывали потом, Мисирби не любил людей. Да и они не выказывали ему особого расположения...

От отца ему досталось большое наследство, но сейчас все его богатство составляли кот, осел, клочок пашни и небольшой луг. Семейное счастье обошло его. Был у него всего один сын, да и тот глуповатый.

— Бог-то знает, кому что надо, — говорили о нем в ауле.

Мисирби прекрасно понимал горький смысл этих слов, но делал вид, что ничего не слышит.

II

Ливень стал затихать. Тучи поднялись над скалами, и края небосвода посветлели. Снова открылись глазу земля, леса, склоны. На узких, маленьких улицах появились люди. Немного погодя, раздались тревожные крики. Что такое? Мы выбежали из сакли.

Ручей гремел, как гром. По его руслу со страшной быстротой катились камни. Один из самых крупных камней, как вестник беды, раньше других долетел до аула, ударился об угол сакли и полетел дальше. Вокруг

Уалинмæ уарун дæр гъос кæпун райдæдта. Мегътæ сæхе исистонцæ, æма аргæрæнттæ фæррохс æнцæ. Раргом æнцæ нæуæгæй хуæнхтæ, гъæдтæ æма зæнхæ. Гъæу-уон мингий æма парæг гъæунги фæззиндæнцæ адæм дæр. Мингий усмæ, уæдта æвеппайди гъæунги гъæр æма згули исцудæй. Ци 'й йе, зæгъгæ, мах рауадæн æндæмæ. Кæсæн æма, дин, уæлæ фахсбæл сауæдони дон-дон, арви нæрунау, гургургæнгæ, дортæ æ разæй тæргæ рацæүй хæрæ. Йеу устур дор тубудтæгæнгæ, фæдесони хузæн, раздæр æрхæцæ 'й, исцавта æхе йеу хæдзари сæрбæл, фесхъиуттæй æма раидæй дæлдæр... Ци гъæунги æр-цæүйнаг адтæй хæрæ, уой фæлдзос адæмæй райдзаг æй. Еугурей цæсгæннæтæ дæр адтæнцæ къех æма тарст-хуз.

— Гъеї!, гъеї! — цудæй адæми æхсæн гъæр, — гъæуай кæнæд алке æхе! Рацæүй, хæрæ рацæүй!..

Тарст æрахæста йегурей дæр, бустæги ба сæ хæ-дзæрттæ донгæрон кæмæн адтæнцæ, уони. Лæгтæ фонси йергъæфи фæцæнцæ. Уоститæ æма кизгуттæ ба хæдзай-рон листæг дзауматæ синхонтæмæ давтонцæ, уалинмæ хæрæ дæр гур-гур æма æрсæн-пурсæнтæгæнгæ гъæунги исмедæг æй. Гъæунгæ адтæй иддæг унгæг; йеугурæй æ фæтæ æйиафта дууæ сардзини, кенæ ба мингий фулдæр. Хæдзарæй-хæдзарæмæ æ фæйнæ фарсп адтæнцæ листæг хурæй тæссонд даст. Уæхæн мингий гъæунги уæхæн устур хæрæ фæндон над ие 'ссердта æма хæдзæртти се-

улицы, в которую должен был ударить обвал, собирались люди. Ошеломленные, бледные, смотрели они на склон.

— Гей, гей! — неслось со всех сторон. — Берегитесь! Обвал идет, обвал!

Мужчины бросились отгонять скот, женщины переносили к соседям все, что удавалось захватить.

Вот, бушуя и кидаясь в стороны, обвал прыгнул в улицу. Не найдя себе места в ее узком, аршина в два шириной, проходе, он с грохотом разрушал сакли и каменные ограды.

В людской суматохе, в глухом реве обвала я потерял Мисирби из виду. Наконец, я его заметил. Обняв, как ребенка, старый деревянный чемодан, он стоял у порога своей сакли. Хотел бежать, но обвал перекрыл ему дорогу. Куда теперь? Со стороны улицы — обвал. С других сторон — стены соседних саклей. Обвал уже разрушил угол его сакли, весь двор был занесен камнями.

— Бросай чемодан! — кричали люди Мисирби. — Взбирайся по стене на крышу!

Если бы Мисирби послушался совета, то через крышу соседней сакли легко можно было бы перейти на противоположную сторону. Но он не хотел расставаться с чемоданом, а с ним взбираться по стене было невозможно.

Вдруг Мисирби что-то крикнул и упал вниз лицом. Сакля зашаталась и рухнула. Мисирби с чемоданом исчез в каменном водовороте.

ратæ уæд, хурдаст уæд -- югураеï дæр сæ бурцитаëгæнгæ цудæй.

Адæми згули æма хæри æнсар гъэрмæ æз Мисирбийн нæбал æргъуди кодтон, æрæги-дурæги ба 'й æри-стæфтæн: йеу зæронд, уотит гъæдæй конд кирае æ гъæбеси, сувæллонау, шиттухта, уотемæй сæ медтургъæ истадæй. Æ зæрдæй кири хæцца адæммæ раледзуунмæ гъавта, фал æй хæрæй бон нæбал фæцæй æма къех лæугæ райзадæй æ медбунат. Кумæ ма лигъдайдæ? Гъæунгæрдиги--хæрæ, иниærдиги ба синхон хæдзæртти сератæ æрзилдæнцæ тургъæбæл. Тургъæ ба адтæй бустон мингий гæппæл. Хæрæ фицца Мисирбий хæдзари æндаг сера фехалдта, уæдта тургъæмæ кæлуни фæцæй. Гурухсаг нæ бал адтæй, хæдзарæ бүnton ихæлд ке ниц-цидæ, тургъæ ба хæрæй ке байдзаг адтайдæ, ѹе.

— Кирæ ниууадзæ!— гъær кодтоңцæ адæм Мисирбиймæ,— æма дæ уоци фарс хæдзари хурæбæл уæлин-дзæмæ исхезæ!..

Адæммæ ку байгъустайдæ Мисирбий, уæд уæлин-дзæй иниæ гъæунгмæ рæвдзæ ракезæн адтæй, фал æй æ кирæ ниууадзун нæ фæндадтæй, æд кирæ бабæй хурæбæл исхезун нæ бафæрастайдæ.

— Ме 'хца кæми исæфунцæ, уоми гъæуама мæхуæдæг дæр фесæфон!— исгъær кодта Мисирбий æмæ æд кирæ дæлгоммæ æрхаудтæй... Уалинмæ хæдзарæ дæр аллирдиги змæлуни æма кæлуни байдæдта; хæрæ тургъæмæ байвулдæй æма Мисирбийи æд кирæ æ буни ник-кодта...

— Аллах, аллах! — стонали люди. — Пропал человек, пропал.

III

Обвал сделал свое дело и пошел на убыль. Люди гурьбой вошли во двор Мисирби и вытащили из-под камней его тело. Все оно было побито, иссечено камнями, отовсюду сочилась кровь, ноздри, уши, рот были забиты песком и землей. Одна старушка дрожащим голосом запричитала, и люди заплакали. И в другие аулы послали вестников горя, и со всего ущелья стекался народ выражать соболезнование. На другой день Мисирби похоронили.

— Несчастным жил, несчастным и умер, — говорили многие. — А что, однако, за чемодан, из-за которого погиб Мисирби?

— Надо его открыть, — сказал кто-то из толпы.

Появился чемодан. Обступили его со всех сторон. Один парень обухом топора выбил замок.

Чемодан был полон денег. Люди молча уставились на них. Через некоторое время привели откуда-то сына Мисирби, глуповатого Баззе.

— Видишь, Баззе, — обратился к нему один из стариков, — сколько денег оставил тебе отец...

— Аэллах, аэллах! — дзинназтонцæ адæм,— фесавдæй лæг, фесавдæй!..

III

Хæрæ æ куст бакодта, уæдта æрсабур æй. Адæм æнгулфæй бацудæнцæ Мисирбийи тургъæмæ æмæ йин æ мард хæри бунæй исистонцæ. Бауæр йеугурæй ницъцъæ-рæмухститæ 'й; тог мизтæй аллирдæгæй, гъостæ, гъæлæс æма финдзи цъæстæ сигит æма зменсæй байдзаг æнцæ... Йеу зæронд уосæ резгæ хъурæй зæрддон гъарæнгæ никкодта, æма адæм никкудтæнцæ... Изолмæ игъустæй адæми кæунгъæр æма сауæнгæ зæрди бунмæ гъардта... Рæвистонцæ гъæргæнгутæ иинæ хуæнхаг гъæутæмæ, æма цудæнцæ уордиги дæр адæм хъонц æмæ тæфирифæс кæнуумæ...

Дуккаг бон Мисирбийи марди фæлуст исходтоицæ, иийæвардтонцæ наæуæг конд кири, исаргъудта ибæл саугин, æма 'й банигæдтоицæ...

— Аэнамонд адтæй æма æнамонди мард ракодта,— хъонц кодтоицæ беретæ,— фал цума циувæр кираЙæ адтæй, Мисирбий æхе кæбæл фесавста, йе?

— Райгон кæнун æй гъæуï,— исдзурдта адæмæй йсу.

КираЙæ фæззиндтæй, æма ибæл адæм æрзилдæнцæ фæйнердигæй. Йеу бæзæрхуг, сауцъарæ гæсгæ лæхъун ин фæрæти мækъурæй æ къума расаста. Йеу усмæ, уæдта кираЙæ, алли хузæп æхцатæй йе 'мбæр, уотемæй райгон æй...

Баззэ, схватившись за бока, вытаращил свои косые
глаза:

— Хе-хе-хе! Деньги, деньги! Хе-хе-хе!

Адæм æнæ хъинп, æнæ стуф æхцай кирæмæ сæ цæститæ ниццаутонцæ. Йеу дзæвгарæ фæллæудтæнцæ уотемæй, уæдта кæцæйдæр æркодтонцæ Мисирбийи сонт фурти, Баззей, кири сæргъæмæ.

— Уинис, Баззе,— загъта йин еу зæронд лæг,— дæ фидæ дин цæйбæрцæ æхцатæ ниууагъта æ фæсмæрдæ...

Баззе æ сунтæбæл фæххуæстæй, низзуулун кодта æхцатæрдæмæ æ дзангъир цæститæ æма ходунти фæцæй:

— Хе-хе-хе! Ахцатæ, æхцатæ! Хе-хе-хе!

ГОРСКИЕ МОТИВЫ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

* ПЕСНЯ ГОРЯНКИ

Помню я, как мать родная
Говорила мне всегда,
Что для каждого на небе
Богом создана звезда.

У окошка сакли бедной,
Тихо голову склоня,
Взор свой с грустью каждый вечер
Устремляю в небо я.

Ярко, радостно играют
Звезд блестящие стада,
Но звезды своей меж ними
Я не вижу никогда.

Где же ты, звезда родная,
Где, грустя, мерцаешь ты?
Покажись хоть раз единый
Ты с бездонной высоты.

1913

Над титанами Кавказа
Вновь плывет луна,
Душу бедную, больную
Ввысь зовет она.
Не зови, о месяц бледный,
Душу в ширь небес:
Скорбь царит и там — я знаю,—
Так же как и здесь...

1913

* * *

Волны Каспийские мне шептали
Сказку страдания, сказку печали,
Душу наполнили шумом глухим.
Спели мне песню борьбы и свободы,
В час, когда, выйдя на синие своды,
Грезили звезды мерцаньем своим.

1913

5

* СФИНКС

В стране седой, где вечный ропот Нила
Тревожит сон угрюмых пирамид,
Я знаю, Сфинкс — он сумрачно, уныло
Уж много дней в немую даль глядит.

В тиши ночных, когда меланхолично
На землю льется лунный полусвет,
Сквозь сумрак грез игриво, фантастично
Встают пред ним картины прежних лет.

Вот видит он любимый лик Изиды,
Прекрасный лик, как вешний день Колхиды,
Где Гангом дальним грезит кипарис.

Но только мглу рассеет луч востока,
Под шум дневной безмолвно, одиноко
В немую даль взирает снова Сфинкс.

1915

* ГОРЫ

Не скорбь ли мира там окаменела?
Иль, может быть, то полчище богов
В испуге диком вдруг оцепенело
Под темной шапкой хмурых облаков?
Среди тревог и темного смятенья,
Кипя в душе бессмысленной враждой,
Мы, люди-карлики, добычи тленья —
У ног их бродим жалкою толпой.
Ничтожества земного отраженье —
Мы их должны страшиться каждый час:
Один лишь взрыв — одно лишь извержение
Их скрытых сил — и вдруг не станет нас.

1913

* НЕВЕДОМЫЙ

За окном мосй темницы
Точно призрак роковой,
Осторожно, осторожно
Ходит кто-то в час ночной.

Лишь заслышу приближенье
Тихих сказочных шагов,
От тоски и сожаленья
Разрыдаться я готов.

Что-то близкое, родное
Уловлю в том госте я,
И встает тогда былое
В ярких красках для меня.

Но лишь к двери направляюсь,
Чтоб впустить скитальца в дом,
Он уходит, расплываясь
В тихом сумраке ночном.

Кто же он — мертвец воскресший,
Иль бездомный чародей,
Что блуждая, точно леший
По ночам страшит людей?

Ах, никто его не знает
И никого не скажет мне,
Отчего один блуждает
Он в полночной тишине.

* ПУТЕВАЯ ПЕСНЯ

По ущелью из чужбины
Я спешу в аул родной.
Злой Урух во мгле теснны
Воет, плачет подо мной.

Не мелодья звуков иежных,
Не чарующий напев —
Слышины в плаче волн мятежных
Возмущение и гнев.

Высоко над головою,
Над отвесами громад
Неподвижною толпою
Сосны гордые стоят.

И куда ни кину взоры,
Точио полчища богов,
На меня взирают горы
Из-под белых облаков.

Вот мелькнул аул мой бедный
Сквозь вечерний легкий дым,
Страж угрюмый многолетний —
Башня высится над ним.

Чу, раздалась песнь протяжно,
Песня дедов и отцов,
Вторит песне той отважной
Эхо дальнее лесов.

Но зачем теской сжимает
Грудь и сердце песня та?
Ширь ли поля в ней рыдает,
Гор ли плачет теснота?

1913

5

Мне вспомнилась песня родная:
Как в башне угрюмой, глухой
Горянка, в плену увядая,
Томилась сердечной тоской.
Однажды луч света случайно
Сквозь щель в эту башню проник.
Сверкнул вдруг надеждою тайной
У девы измученный лик.
Из дальней страны прилетела
Волшебная птица стрелой
И пленнице юной запела
Она о свободе святой.
И звуки той песни свободной
В душе пробуждали любовь.
Грудь билась, и страстью бесплодной
Кипела в ней юная кровь.
Но счастье недолго сияло,
Убили певичку стрелой,
И вновь все вокруг замолчало,
Угас и луч света златой.
И дева в печали сердечной
Увяла, как павший цветок,
Так шутит, губя нас беспечно,
Над нами бессмысленный рок.

1913

* МЕСТЬ

(Баллада)

Перед вдовицей молодою
Абрек суровый Измаил
Под вечер в сакельке с мольбою,
Недвижно стоя, говорил:
«Гиданна, юная Гиданна,
Послушай, милая, меня,—
Осталась ты вдовицей рано,
В душе немую скорбь тая.
Уж год прошел, как муж твой Гури
Под дубом позднею порой,
Под буйный рев осинней бури
Убит безвестною рукой.
Утрата тяжкая, конечно,
Источник горестей и мук,
Тебя жалею я сердечно,
Ведь Гури был мой лучший друг.
Его уж нет — то воля рока —
Но слушай, милая, меня:
Кликнусь святынями пророка —
Не меньше я люблю тебя.
Тебя я девой знал младою,
С тех пор таится в сердце жар.
О, будь теперь моей женою,
Прими любовь мою, как дар».
Вдруг на дворе, как злая кошка,
Осенний ветер заревел,
И вот в открытое окошко
Лист дуба в сакельку влетел
И лег, плач бури позабывши,

Он на полу ее сыром,
Три капли крови, уж остывши,
Виднелись, красные, на нем.
И вздрогнув телом и душою,
Смутился сумрачный абрек,
Обвел несмелою рукою
Бородку темную и рек:
«Велик аллах, всезрящим оком
Он мир свой зорко сторожит,
Свой суд в молчании глубоком
Нелицемерно он творит.
Убийца я — убийца Гури.
Дубовый лист свидетель в том.
Свершилось то под ропот бури,
Под дубом в сумраке ночном».
Сверкнул Гидаянин взор злорадно —
И глухо вскрикнул Измаил:
Дух мести черной беспощадно
Во грудь кинжал ему воизил.

1915

Дождь и ветер. В сакле тесной
И печально и темно.
Неприветливо, угрюмо
Смотрит ночь ко мне в окно.
Друг неведомый, далекий,
Друг мечты моей больной,
В этот час тоски бездонной,
Я б хотел побыть с тобой.
Я б на грудь твою родную
Тихо голову склоня,
Плакал, плакал безутешно
Точно малое дитя.
Слыша плач души пустынной,
Приютившись у окна,
Стихли б вдруг и дождь и ветер,
И настала б тишина...

1914

* К М Е С Я Ц У

Месяц бледный одинокий
Вновь, как другу лучших лет,
С высоты своей холодной
Шлет сердечный мне привет.

Светом набожным и тихим
Освещая все кругом,
Бродит странником безродным
Он в пространстве мировом.

Посреди тревог житейских,
Жизни темную межу,
Так и я, дитя печали,
Одиноко прохожу.

Будь же другом мне, о месяц,
Путь мой чаще освещай,
И лучом приветно-тихим
Мрак душевный отгоняй.

* СОСЕД

Есть у меня сосед печальный —
Случайный дар судьбы скупой.
Он дорог мне, как отклик дальний
Любви иль юности святой.
Как я, веселья избегая,
И он задумчив, нелюдим.
Без слов друг друга понимая,
Мы дружбу тайную храним.
И мнится мне в часы досуга,
Когда я думаю о нем,
Что звали мы еще друг друга
Не в мире здешнем, а в другом.

1915

* ДОЖДЬ

Громко капли дождевые
По листам стучат.
Тише капли — муки замиграют.
В сердце крепко свят.

1915

* ПЕСНЯ

Есть где-то счастья светлый ключ,
Под сенью лип он мирио льется.
Прекрасен он, как солнца луч,
При нем душе светлей живется.
О нем в вечерней тишине
Мать часто в детстве пела мне.

С тех пор прошло уж много лет,
Исчезло детство тенью легкой.
Во мгле земной — средь темных бед
Брожу один с тоской глубокой;
Под сенью лип, блестя как луч,
Не мне поет тот светлый ключ.

1915

* ФАТИМА

В сакле тесной Джан-Булата
Уж давно погас огонь,
Вышел месяц. На Фатиму
Сквозь окошко смотрит он.
Чарам грез любви отдавшись
Вся — и телом и душой,
Улыбается Фатима,
Озаренная луной.
Ах, не спится ей, не спится,
Страстью взор ее горит,
Бьется сердце молодое,
Кровь волнуется, кипит.
Вдруг из месяца выходит
Чудо — витязь молодой
И приветствует Фатиму
Он, кивая головой.
Лицо Фатимы черноокой
Стал бледнее полотна,
И в постель свою стыдливо
Прячет личинко она.

* ЦВЕТЫ ВЫСОТ

На высях гор, где вечный блещет лед,
Куда взглянуть не смеет наше око,
В тени вершин пустынно, одиноко
Растут цветы прекрасные высот.
Им солнца луч привет сердечный шлет
И в ранний час и в тихий ясный вечер,
Глядят на них с любовью синий глетчер,
И ветер юга песни им поет.
Увы, ни солнца луч, ни синий глетчер —
Ничто цветов высот не веселит.
И грустен их прекрасно-дикий вид.
Им грезится холодный дальний север,
Мятежных бурь тоскующий напев
И образы морских печальных дев.

1916

* ЖАЛОБА МЕРТВЕЦА

Ах, объят холодной мглою
Мой подземный каземат,
Суждено мне злой судьбою
В нем недвижно, вечно спать.

Я не злой — в душе ехидно
Не завидую живым,
Лишь одно, одно обидно —
Кто об этом скажет им?

Для чего они лишили
Лик мой мертвый блеска дня?
Для чего они зарыли
В землю темную меня?

Положили б гроб мой черный
Там, на сумрачной скале,
Чтобы солнце в час вечерний
Отражалось на челе;

Чтобы ветер бесприютный
В час полночный, при луне,
Точно голос девы чудной
Пел, играя, песни мне.

Но увы, не слышно звука
Здесь в могильной тишине,
Лишь одна глухая мука
Грудь во мгле терзает мне.
1916

* ИЗМЕНА

I

Уж луч погас последний
За дальнею горой,
Чернеет холм соседний,
Как джин во мгле ночной.
Гор мрачные ступени
Объяты тишиной,
Ночные реют тени
Над сумрачной землей.

II

Давно орел проворный
Спустился отдохнуть,
Вперед же, конь мой черный,
Опасен поздний путь.
Вот слышен лай собачий,
Уж близок мой аул.
Вот, вот как глаз кошачий,
Огонь вблизи сверкнул.

III

Но что-то не внушает
Доверья тот огонь,
То ярко заиграет,
То вновь погаснет он.
Не бойся, конь мой черный,

Ты этого огня,
Вперед шагай проворно,
Бесстрашие храня.

IV

Не бойся — то не очи
Шайтана там горят,
Что нам во мраке ночи
Так часто зло творят.
То — знаю я — мечтая,
Как дева, у окна
Ждет мужа молодая
И верная жена.

V

Но ты встревожен все же,
О друг мой, верный конь,
Тебя смущает тоже
Капризный тот огонь.
Иль, может, балц¹ трехдневный
Тебя так истомил,
Что шлешь мне храп свой гневный
Ты, выбившись из сил.

VI

Вперед же поплетемся,
Быстрее зашагай,
До сакли доберемся,

¹ Б а л ц — поход, путешествие.

А там уж отдыѣй.
Вот месяц, выплывая
Как лебедь, из-за туч
И сумрачно мерцая,
На саклю кинули луч.

VII

Уходит вот украдкой
Какой-то силюэт,
Шепнуло «что-то» сладко
«Она» ему восслед.
Коварная тигрница,
Измены я не ждал,
Но месть — ее сестрица,
Рассудит нас книжал.

1916

¶

* ПЕСНЯ АБРЕКА

Что каркаешь, злая вещунья,
В вечерней лесной тишине?
Пророчишь,— я знаю — колдунья,
Ты гибель нежданную мне.
Сестрица твоя ворожейка
Мне часто, смеясь, говорит,
Что скоро уж пуля-злодейка
Во мгле мою грудь поразит.
Под темным и сумрачным дубом
Без чувства я буду лежать,
И некому будет над трупом
Лить слезы и горько рыдать.
Лиши конь мой лихой и проворный,
Склонившись ко мне головой,
Зальется слезой непритворной,
Застынет в печали немой.
Смотри же, ворона-вещунья,
Ты слишком тогда не ликуй,
И с жадностью злой, о колдуниья,
Очей моих мертвых не клюй.

1916

Кину взгляд на юг родной и милый,
Что-то мыслю там я уловлю,
И лучом надежды легкокрылой
Дух свой павший снова оживлю.

Мощный луч святого вдохновенья
Сбросит с сердца гнет печали злой,
И в страну чудес и песнопенья
Виовь умчусь воскресшою душой.

Но не долог будет миг отрадный,
Светлый миг иллюзии пустой,
Он пройдет и вновь, смеясь злорадно,
Тени мрака встанут предо мной.

1916

* ПОД ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ

Сижу один печально
В полночной тишине,
И первый дождь приветно
В окно стучит ко мне.
О капли дождевые,
Предвестницы весны,
Рассейте мрак душевный
И сердца злые сны.

Тоскливым светом лампы
Стол письменный залит,
Печаль моя бездонна,
Грудь ноет и болит.
О капли дождевые,
Предвестницы весны,
Рассейте мрак душевный
И сердца злые сны.

Ничто мне жизнь не красит,
Ни дружба, ни любовь.
О чем-то невозможном
Тоскую вновь и вновь.
О капли дождевые,
Предвестницы весны,
Рассейте мрак душевный
И сердца злые сны.

* СТАНСЫ

Пускай неведомо мне счастье,
Пускай я в мире одинок,
И жизнь моя, так хочет рок,
Темна, как осени иенастье,
Я не хочу богов молить
Мои страданья облегчить.

Тому не страшины уж страданья,
Кто слишком много пережил,
Кто рано-рано склонил
Свои заветные мечтанья,
Как странник грустный, всем чужой,
Я жить умею сам с собой.

Порой мне снится образ девы,
Сия юной красотой,
И окрыляющей мечтой
Звучат в груди тогда напевы,
Но это только бред пустой
Души обманутой, больной.

Так иногда лучом восхода
Утес печальный озарен,
И хочет верить в счастье он,
Но только, только до ухода
Луча прекрасного,— потом
Мрак воцаряется кругом.

И туч угрюмой пеленою
Чело угрюмое обвив,

Глядят безмолвно они в залив,
Внизу бушующий волною,
Винтая плачу диких волн,
Утес нечали гордой полы.

1916

* ПАМЯТИ КОСТА

Тая в душе свои страданья,
О брате меньшем он скорбил,
И стих его — души сверканье —
Металлом плачущим звенел.
Поборник чаяний народа,
Он пел, что правда и любовь
И звезд сияние — свобода
Живут не там, где льется кровь,
Что в царство высшего сознанья
Нас может ввести не грубый меч,
А мысли творческой созданье,
Живая творческая речь.
Как облик мощного титана,
Сверкая льдами, как алмаз,
Внимал ему из-под тумана
Седой таинственный Кавказ.
Умолк,— но стих его певучий
В сердцах людей еще звенит,
И миру темному сквозь тучи
О солице вечном говорит.

1916

5

* УЗНИК

Ты знаешь, ворона, что завтра
На петле я буду висеть?
И так как свободы желанной
Мне больше — увы! — не узреть,
Хочу я к тебе обратиться
С последней тяжелой мольбой:
Слети, о вещунья, скорее
В аул мой далекий, родной.
Там в сакельке бедной и тесной
Живет мать-старушка одна,
И, сына с тоской вспоминая,
Скорбит ежечасно она.
Печально к ней с башни старинной
Прокаркай о казни моей,
Пусть слезы потоком горячим
Польются из дряхлых очей.
И пусть соберутся соседи
И весь мой аул дорогой,
Поплачут, посетуют сердцем;
Почтив мою память слезой.
Средь смуглых красавиц аула
Ты встретишь горянку мою,
Скажи ей, что я, умирая,
Привет свой последний ей шлю.

Ры

* ОРЕЛ-ПЛЕНИК

Для чего вы меня заключили
В эту клетку жестокой рукой,
Для чего так безбожно лишили
Вы меня моей воли святой?
Не для клетки железной и душной,
Не для гнета в тюремных стенах,—
Я рожден для свободы воздушной,
Я рожден, чтоб парить в небесах.
Там на лоне эфирных сияний,
В переливах воздушных лучей
Нет людских безрассудных страданий,
Нет гнетущих и черных цепей,
Отворите же клетку скорее,
Отпустите на волю меня,
Я умчусь, улечу, не робея,
К лучезарному солнцу бытъя.

* СИМД¹ НАРТОВ

(Из цикла Нартских сказаний)

I

Алым пламенем объятый,
Разгорается восток,
И с вершин седых Кавказа
Веет легкий ветерок.
Вот с высот скалистых Орпа
Сквозь предутренний туман
Показались вдруг мужчины:
Нарт Хамиц и Нарт Сослан,
Канца сын — Саой могучий,
Нарт Батраз — Хамица сын —
От Озы великий витязь,
От дигорских синих льдин.
Там, где ввысь Машук уходит
Белоснежною главой,
Нарты «симд» заводят шумный,
Бесподобный танец свой.
Льются песни их лихие,
Блещут взоры их огнем,
Вторит им, ликуя с ними,
Все живущее кругом.
Даже льдинки, улыбаясь,
Их приветствуют с вершин,
И цветы, целуясь с солнцем,
Им кивают из долин.

¹ Симд — осетинский хоровой танец.

В час, когда гонимый солнцем
Улетучился туман,
На коне своем могучем —
Под названием Арфан
Урузмаг седой, но мощный,
Вдруг пред Нартами предстал,
Точно призрак, что выходит
Из глубин безмолвных скал.
— Эй вы, Нарты — дети псовых,—
Молвил старец им седой,—
Что за радость, за веселье,
Что за танец удалой?
И в ответ от Нартов славных
Старцу слышатся слова:
— Акула — краса вселенной,
Так зовет ее молва,
Вне признанья чуждой власти,
Птицей вольной без оков,
Меж морями обитает
Близ тоамских берегов.
Каждый день она три раза
Облетает небосвод,
Здесь танцуем мы в надежде,
Что, свершая круг-полет,
Кинет взор на нас случайно
И, быть может, в этот час
Кто-нибудь — любимец рока —
Ей приглянется из нас.
— Эй вы, Нарты — дети псовых,—
Молвил старец им в ответ,—
Вы танцуете, но в этом,
Уверяю, пользы нет.
Лучше вы ответ мне дайте,
Что могу я ждать от вас,

Акулу-звезду к вам если
Приведу я сей же час?
— Дам тебе я — верь — за это
Быстроногого коня.
— Меткострел-ружье в награду
Ты получишь от меня.
— Верь, тебе я преподнес бы
Саблю — сказочный булат,—
На вопрос седого старца
Вот такой полился град.
После всех промолвил слово
Младший витязь — Нарт Батраз:
— Если ты такое чудо
Совершил бы вдруг для нас —
Акулу — красу вселенной,
К нам привел бы, Урузмаг,
Я бы дал тебе за это
Меткострельный сагадак.¹

II

Быстро мчится на Арфане,
Точно ястреб, Урузмаг —
Ведь не трин такой подарок,
Как Батразов сагадак.
Вот прорезал он, чернея,
Глубь синеющих степей,
Вот уж виден замок медный —
Замок — чудо двух морей.
Урузмагов конь разумный
Понимал язык людской.
Слышил он веленья Нарта,

¹ Сагадак — лук с тетивой.

Слышит голос он такой:
— Близок замок уж заветный,
Близ ворот остановись,
И, словам моим послушный,
Хромоногим притворись.
Стану бить тебя я плетью —
Оставайся глух и нем,
Будто выбился из мочи
На дороге ты совсем.

III

Из окна высокой башни
Вниз смотрела Акула,
Но понять, что там творилось,
Как ни билась, не могла.
Наконец она прислугу
К незнакомцу в поле шлет:
— Ты пойди к седому старцу,
Что коня там глупо бьет.
Он иль пьян, иль скорбь большую
Носит в старческой груди,
Иль измятая изменой,
Сбилась жизнь его с пути.
Пригласи его ты в замок
Мы дадим ему приют,
Конь его устал, как видно,
Продолжать не может путь.
Дева — юная прислуга —
Очнулась быстро там,
Где Арфан терпел притворно
Боль ударов по бокам.
Но, отвергнув приглашенье,
Старец деве говорит:

— Там, где с ветром вечно споря,
Море черное шумит,
А Урген-Агез с войсками
Занял берег, он войдет
В этот вечер в то селенье,
Где сестра моя живет.
Тороплюсь туда, хоть поздно,
Я сестру свою спасать.
Где уж мне, о крошка-дева,
В вашем замке ночевать?
Весть тревожную услыша
От прислуги молодой,
Акула сама выходит
К Нарту с просьбою такой:
— Оставайся в замке, всадник,
До рассвета там побудь —
Ведь устал твой конь — не может
Продолжать он дальше путь.

IV

Чуть рассветный луч восхода
Осветил вершины гор,
Из окна высокой башни
Старец к морю кинул взор.
И встревоженный притворно
Говорит такую речь:
— Вижу полчища Агеза,
Разжигая всюду сечь,
Точно темных туч громады,
К нам направившись, ползут.
Оставайтесь, — я пускаюсь,
Как ни жаль, в обратный путь.
Слышиа речь такую гостя,

Побледнела Акула —
Ведь она такому старцу
Не поверить не могла,
И взмолилась перед Нартом:
— Не оставь меня одну,
Разреши с тобою ехать
В вашу дальнюю страну.

V

Запряженные в карету
Шесть отборных лошадей
Мчались быстро и игриво
Средь бегущих вдаль полей.
Акула — краса вселенной,
Жемчуг — сказка двух морей,
Говорит седому Нарту,
Что в карете рядом с ней:
— Что-то темное мелькает,
Там, где высится Машук?
— Чтоб не сделать нападенье
Аурген-Агезу вдруг,—
Нарты выслали, наверно,
Соглядатаев своих,—
Так ответил старец хитрый,
Славя Нартов удалых.

VI

Вот подъехала карета
Быстро к месту, где толпой
Нарты, все еще ликуя,
Продолжали танец свой.
Из окна кареты смотрит

Акула-звезда на них,
Отражают удивленье
В шуме танцев лица их.
Нарт Сослан не воздержался
И, танцуя, молвил ей:
— Акула — краса вселенной,
Чудо — гордость двух морей,
Много дней тебя мы ждали,
Совершая симд лихой,
Будь добра, станцуй сегодня,
Ты, красавица, со мной.
— Я б с тобою станцевала,—
Отвечает Акула,—
Но боюсь, мне это может
Причинить немало зла:
Если я в твоих аркетах¹
Не потравлю их траву,
Ты как горец с буйным сердцем
Вдруг сорвешь с меня главу.
Ах, таким ответом девы
Был ужален Нарт лихой,
И с поникшою главою
Продолжал он танец свой.
Урузмаг седой то слыша,
Плечи старые трясет
И, смеясь, к себе на танец
Он красавицу зовет.
Но, увы, от девы гордой
Гордый слышится ответ:
— Не станцую я с тобою,
Ты уж так же полусед,
Как весною ранней зелень,

¹ Аркета — обувь из сырой маттовой кожи.

Слившись с высохшей травой.
Опустил главу угрюмо,
Сын Нарт седой.
Канца сын Саой стал тоже
Акулу на танец звать:
— Может быть, тогда со мною
Ты захочешь станцевать?
— Я б с тобою станцевала,
Но боязнь меня берет —
Кто-нибудь — большой мужчина —
Руку вдруг твою сожмет,
За мою ее считая,
И раздавится она.
Так ответила Саю
Дева, гордости полна.
После всех промолвил слово
Младший витязь — Нарт Батраз:
— Не станцуешь ли со мною
Дева — двух морей алмаз?
— Согласилась бы, конечно,
Станцевать с тобою я —
Ведь за лучшего считают
Все меж Нартами тебя,
Но за Онскими горами
Дед твой дряхлый и седой
Уж давно в плену томится,
Проклиная рок глухой.
Семиглавым великаном
Он туда похищен был,
И с тех пор седому старцу
Белый мир уже не мил.
В старой маленькой шубенке
Он — табунщик вековой —
Переносит зимний холод,

Переносит летний зной.
Совершить ты должен подвиг,
Подвиг славный, роковой,
Старца вынести из плена
Вот тогда-то, Нарт лихой,
Я с тобою и станцую.
А теперь прощай, Батраз.
И, закрыв окно кареты,
Дева быстро скрылась с глаз.
На коня вскочил наш витязь
И понесся он домой,
Чтоб скорей оружье деда,
Взять от матери родной.

VII

— Дальний балц свершить сегодня
Нарты славные хотят,
Может, дедовские вещи
Где-нибудь хранила, мать?
Сабля старая, седло ли,
Укажи мне место их,
Чтоб не быть последним в балцах,
В балцах Нартов удалых.
— Лишь бы ты, о сын мой милый,
Говорит Батразу мать,—
Рос на славу мне и мог бы
Балцы дальние свершать,
А оружие и вещи
Я найду тебе всегда.
Есть сундук железный в гойне,
Ты иди сейчас туда,
Молви там по-хатиагски
Что-нибудь из беглых фраз,

И сундук с певучим звоном
Сам отворится сейчас.
Сделал так — с певучим звоном
Вдруг открылся сам сундук,
И Батраз вооружился —
Взял он панцырь, меч и лук.
— Как идут мне эти вещи? —
Витязь мать спросил в упор.
— Панцырь твой, как луч восхода
Над зеленою цепью гор.
Как роса траве весенней,
Меч идет тебе, дитя.
Так ответила родная,
Улыбаясь и шутя.
— Не осталось ли, родная,—
Молвил витязь молодой,—
Что-нибудь еще такое,
Что я мог бы взять с собой?
— Есть еще седло с уздечкой,—
Отвечает Нарту мать,—
На стенах купацкой деда
С давних пор они висят,
В темный лес отправясь с ними
И с древесной вышины,
Крикнув голосом призывающим,
Ты уздечкою махни,—
Вдруг услышишь конский топот,
Ржанье, шум, как бури вой,
И предстанет, как виденье,
Деда конь перед тобой.
Лишь тогда твоим он будет,
Если ты, о витязь мой,
Осадить его сумеешь
С молниеносной быстротой.

VIII

Бог льши ведает, уж сколько
Ехал всадник молодой.
Наконец его тревожно
Вопрошаet конь лихой:
— В чью страну мы едем, витязь,
Сколько дней уж, торопясь?
— Едем в ту страну чужую,—
Отвечает Нарт Батраз,—
Где в плена позорно гибнет
Дед мой дряхлый и седой.
Уж давно забыл он, бедный,
Дни свободы удалой.
Совершить я еду подвиг,
Подвиг трудный — роковой —
Старца вынести из плена,
Вызвать чудище на бой.
Отвечает конь: — О, если б
Этот подвиг ты совершил,
Дивный светоч славы вечной,
Верь, тебя бы озарил,
Но, увы, поведать должен
Я тебе, о Нарт Батраз,
Ведь за это дело брался
И отец твой уж не раз.
Ничего, однако, сделать
С великаном он не мог —
Знать, не милостив, не склонен
Был к нему суровый рок,
Знай — у входа к великому,
На укор седой судьбе,
УстраниТЬ большую трудность
Предстоит, о Нарт, тебе:

Отбегая друг от друга
И сходясь в ударе вновь,
Ратоборствуют две горы,
Сыплют пыль — утесов кровь,
Вмиг, когда две эти горы
Разойдутся, плетью мне
Дай такие три удара,
Чтоб я дрогнул, весь в огне,
Чтоб от кожи отскочили
За ударами куски
И чтоб брызнула струею
Кровь невольно из руки.

IX

Вот Батраз уже у входа
В великанов край чужой,
Духу храбрости поддался
Он и телом и душой.
Дышит конь его отвагой,
И готовый встретить бой,
Рвется он вперед на подвиг,
Подвиг славный роковой.
В миг, когда две горы быстро
Пасть открыли, расходясь,
Белой лошади наносит
Три удара Нарт Батраз.
Точно молния, глазами
Конь испытанный сверкнул
И, несясь быстрее пули,
Гордо ринулся в ханхул.¹
Не сошлися еще две горы .

¹ Ханхул — пасть ущелья.

В злом ударе, как Батраз
Очутился уж в равнине,
Где старик табун «свой» пас.
— Бог на помощь, старец добрый,
Да умножится твой скот.
— И тебе скота, о витязь,
Много пусть господь дает.
На привет Батраза-внука
Так ответил дед седой.
Осмотрел потом Арфана
И залился вдруг слезой.
— Что с тобою, старец добрый? —
Вопрошает Нарт Батраз,—
Отчего обильно слезы
Потекли из хилых глаз?
— Вспомнил я невольно годы,
Годы лучшие, когда
На таком же вот Арфане
Балц свершался мой всегда.
Оттого-то слезы льются
Из очей моих теперь.
Нарт Батраз ответил старцу:
— Это твой Арфан, поверь,
Я твой внук, тебе безвестный,
Сын Хамица, Нарт Батраз,
Прискакал я в край враждебный,
Чтоб тебя от рабства спасти.
Молвил старец: — Дай ощупать
Мне тебя моей рукой,
И по членам я узнаю,—
Нарт ли ты, или другой?
И, ощупав Нарт Батраза
Престарелою рукой,
Старец вновь заплакал горько,

Отуманив взер слезой:

— Не довольно ли, что сгинул
Сай в неволе черной я,
Да еще при мне зарубит
Злос чудище тебя?

Отвечает витязь гордо:

— Ты не плачь, мой старый дед,
Укажи мне дом, где ныне
Отдыхает людоед.

В дом указанный сейчас же
Смело входит Нарт Батраз,
Видит: пламя выпускает
Спящий враг его из глаз.

А у ног сидят две девы —
Солнца дочь и дочь луны.
И, склонясь главой друг другу,
Плачут, бедные, они.
Льются слезы их на землю,
Точно в зернышках алмаз.

— Что вы плачете, о девы? —
Вопрошают их Батраз.

Отвечают девы Нарту:

— Проклял нас великий бог —
Каждый день злодей, проснувшись,
Кровь сосет из наших ног.

Отвечает девам витязь:

— Сестры-девы, может быть,
Тайну смерти великана
Вы мне сможете открыть?
— В доме есть сундук железный,
В нем большой хранится меч,
Лишь в его ударе может
Он найти себе конец.
Витязь-Нарт, услыша это,

Обернулся к двери, вдруг,
Громко он, по-хатыгски
Молвил слово, и сундук,
Издавая звон трескучий,
Отворился сам собой,
Вынул Нарт-Батраз оттуда
Меч Булатный роковой.
Над титаном семиглавым
Засверкал булатный меч —
Шесть голов его в испуге
Отлетели быстро с плеч.
И с одной главой оставшись,
Молвил Нарту исполин:
— Трогать спящего нечестно,
Нарт Батраз Хамица сын,
Но чтоб умер я скорее,
Мук не видеть наяву,
Повтори удар булатный
В уцелевшую главу.
— Я подобен громовержцу,—
Отвечает Нарт Батраз,—
Мой удар, не повторяясь,
Совершает дело враз.
Оттого тебя в час сонный
Умертвить я поспешил,
Что в плену позорном старца
Слишком долго ты томил.
Девы, радостью сияя,
Стали Нарту говорить:
— В доме чудища лихого
Есть лысянное чудо — нить.
Вещи, связанные ею,
Могут легче пуха стать.
Есть еще одна подметка —

Может мир в себе вмешать,
Крылья злого великаны
Могут тоже чудом быть —
Все, что в них ни положить,
Могут вынести через горы.
Молоко за рощей близкой
Белым озером стоит.
Если б в нем скупаться старцу
Может снова юный быть.
Вот Батраз седого деда
В белом озере скупал,
Видит он: свершилось чудо —
Старец снова юным стал.
Молоком потом наполнил
Сын Хамица свой сапог —
Быть во всех делах разумным —
Знать — сулил ему сам бог.
Все имущество титана
На подметке поместил
И, связав их чудо-нитью,
Сел на двойке чудо-крыл.
И понесся над горами
Быстролетным он орлом,
А когда на степь спустился
Нарт со всем своим добром,
Отоспал седого деда
На коне его домой,
Дев же юных он оставил
Скот насти в стенах с собой.

X

Через год Батраз явился
К месту, где еще толпой

Нарты славные, ликуя,
Предолгали танец свой.
Акула — краса вселенной,
Жемчуг — скэзка двух морей,
Что в карете ожидала
Нарт Батраза столько дней,
Платье новое герою
Поднесла своей рукой —
И таким подарком девы
Был счастлив и горд герой.
Подозвав к себе Хамица,
В молоке его скупал,
Видят взоры Нартов чудо:
Юным снова старец стал.
Разыграли в день три свадьбы
Нарты, «симд» танцуя свой:
Свадьбу юного Батраза
С юной девой Акулой;
Свадьбу славного Хамица
С солнца дочерью младой;
Свадьбу Саоя с Мисирханом,
С лунной дочерью-звездой.

1922

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

* ЦÆХЪАЛ

Фæлорс мæйæ — арви кизгæ,
Тунтæ нивæндгæй,
Исцудæй бæрзонд, æрттевгæ,
Хонхмæ баходгæй...
Гъулæг неуй дæлбун коми
Æхсæйвон цæхъал,
Цæвуй æхе æмир къуми
Дорин къæдзæхбæл...
Ие неуй æма зин хъурми
Гъэр кæнуй æнкъард:
«Мах, цæхъалтæ, мæнæ коми
Хæссæн лæги мард...
Тар æфцæгбæл тар изæрæй
Ие, цæугæй бæхбæл,
Лбурæги циргъ хъæмайæй
Райста йæ адзал.
Донæй инод уой мард гъостæ,
Инод æ гъæлæс;
Баймирæнцæ уой цæститæ
Байритæй ие 'нгæс...
Пурф кæнунцæ сæ фурмæстæй
Листæг тъинггитæ,
Цума хауй йесге цæстæй

Ирд цэсти сугтæ».
Уотæ кудтай уазал хъурми
Төрки зуст цæхъял,
Цæтгай æхе æмир къуми
Дорин къæдзæхбæл...
Фæлорс мæйæ — æрвти кизгæ,
Тунтæ нивæндгæй,
Исцудæй бæрzonд, æрттевгæ,
Хоихмæ баходгæй.

1907

* МЕЖДУ ПРОЧИМ

В чудный храм науки славной
Бедный отрок постучал...
Вышел жрец походкой плавной
И торжественно сказал:
«Если деньги есть в кармане,
Если знатен и богат,
То зайди — тебе в сем храме
Будет место, юный брат...
Если ж денег нет, мой милый,—
Убирайся поскорей.
Голь для нас — что враг постылый,
Да и места нет, ей, ей!..»
«Брат», удел свой горемычный
Проклиная, вышел вон...
А меж тем игрой обычной
Все звучит со всех сторон...
Солнце весело смеется,
Миру счастье шлет с небес...
Песня птичек раздается,
Этой песне вторит лес.
Лишь у стен святого «храма»
Песен звонких не слыхать.
Для чего вся эта драма?
Отзовись, наука-мать!

1909

* ВОЗВРАЩЕНИЕ

Над хребтом Кавказа гаснет летний вечер,
Смолк в ущелье мрачном дикий крик орлов.
Лишь в траве порою шевельнется ветер
И загихнет снова, будто скорбный зов...
Юности обитель, милая, родная —
Вот мелькнул аул мой сквозь вечерний дым.
Словно страж застывший, башня вековая,
Молча и угрюмо высится над ним...
Отчего — не знаю, но в душе разбитой
О мечтах погибших пессия-стон встает.
И слеза печали, уж давно забытой,
Словно пламя злое, вновь мис сердце жжет...
Приюти ж скитальца, уголок родимый,
Облегчи приветом грудь больную мис...
Изнемог, устал я, роком злым гонимый,
Средь людей мне чужды, в дальней стороне.
Истомили душу долгие скитанья,'
Нет во мне уж больше грежнего огня...
Как цветы увяли сердца унованья —
Загубил их рано холод бытия.

* * *

Ты с тоскою сердечной взираешь
На кровавую бойню людей,—
И в душе, сожалея, теряешь
Веру в царство заветных идей...
Нет... Не бойся, мой друг благородный...
Не печалься, не сетуй, что мы
Вновь окутаны мглою холодной:
Свет сильней угрожающей тьмы.

■

* МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

Когда гремит война над миром,—
Поэт испуганно молчит.

(Из старой тетради)

Что опустили вы скорбно так очи
В эти кровавые смутные дни?
Стало вам страшно, что в сумраке ночи
Снова исчезли святые огни...
Пусть же царит еще мрак беспросветный,
Сея повсюду и смути и гнет.
Будем мы верить, что разум победный
Светочем дивным над миром взойдет.
Сгинет вражда и на голос свободы,
Сливши все лучшие чувства свои,
Выйдут из темного царства народы,
Выйдут навстречу заветной любви.

* Ц В Е Т Ы И Л Ь Д И Н К И

Виды чудные повсюду
Уловлю взором жадным,
Здесь громады скал угрюмых,
Дальше дремлет лес сосновый.
Шум мягких водопадов,
Оглушая всю окрестность,
Будит дух борьбы великой,
Наполняет грудь протестом.
И угрюмой красотой
Поражают взор контрастом,
Что на диво человеку
Создаются здесь природой.
Взглянешь вверх — блестят на солнце
Льдинки сказочным алмазом,
А внизу цветет, пестрея,
Луг с душистыми цветами,
И, кивая головой,
Шепчут юные цветочки:
«Ах, как блещут, как красивы
Эти сказочные льдинки.
Если б были мы с крыльями,
То давно бы к ним взлетели,
Чтоб любя их, восхищаться
Их лазурной красотой.
Ближе были бы и к солнцу,
Да и воздух там свежее,
Чище, легче и прозрачней,
Если б крылья мы имели,
То давно бы к ним взлетели,

Чем в долине этой жаркой...»
Но и льдинкам также скучно,
И, глядя на луг цветущий
С высоты своей холодной,
Мыслят с тайною досадой:
«Хорошо бы вниз скатиться
К вешним аленьким цветочкам
И, целуясь с ними нежно,
Так сиять на солнце вечном.
Здесь же холодно и скучно,
Одиноки мы и бедны,—
Светит солнце и смеется,
Но не греет нас любовью».
Слыша речь цветов и льдинок,
Ветер вольный, ветер буйный,
Колыхая травку нежно,
Распевает песнь такую:
«Не расти цветам душистым
На высоких синих льдинах,
Сгинут бедные, увянут
Там от холода и стужи».

* ХÆХХОН ЗАРÆГ

Арвыл æрттивынц нæ хæхтæ,
Цъититæй дæттæ кæлынц;
Дардæй нæ урссæр къæдзæхтæ
Махмæ бæрzonдæй кæсынц.

Цардмæ бæрzonдæй кæсгæйæ,
Се 'знæгтæн федтой фыдбои,
Федтой бæллицаг сæрибар,
Баст цардæн федтой кæрон.

Нал хъуысы дардмæ сæ хъарæг,
Сау фæнык нал кæнынц ныр,
Атыдтой фидар рæхыстæ,—
Зары фырцинæй быдыр.

Райстой сæ бартæ нæ адæм,
Скодтой сæхицæн фæндаг.
Маял ку, маял, нæ бæстæ,
Не 'знæгтæн фестæм сæ фаг.

Цæй-ма, нæ Иры фæсивæд,
Тохмæ æрбалæуу хъæддых,
Де 'знаг куы фезмæла ноджы,—
Равдис та ноджы дæ тых!..

Арвыл æрттивынц нæ хæхтæ,
Цъититæй дæттæ кæлынц;
Дардæй нæ урссæр къæдзæхтæ,
Махмæ бæрzonдæй кæсынц.

1919

* ФИЦЦАГ МÆЛГЪÆ

ЗÆНХКОСÆГ:

Фусун кæнуй цæгати
Мартъний мæгъæ нурма:
Æстонг цæргæс мæгати
Нæма стæфуй, нæма...

Зиннуңцæ ма уорс мæттæ
Æндзæрти тæлмитæй,—
Лæуунцæ ма йех-хедтæ
Уæлдæнтæ рæнгъитæй...

Нурма гъизүй уæл рагътæ
Фуд уадæ әнæвгъау,
Уæд ду, мæлгъæ, ци 'ртахтæ
Нæ хонхмæ рагацу!

Ци 'римистай дæ 'нкъарди,
Фæсденгизтæ цæргæй?
Не 'ронх кæнуй цæгати
Фидон бæстæ, 'цæгæй...

Алли 'взагæй абони
Уæл назу ду цæгъдис,—
Дæлкъæбурмæ — донгони
Фийауи исæрхис...

Нæ тæрси ду адзалæй,
Тæрсун дин æз уæддæр:

Æстонг ёма уазалæй
Ку фесæфа дæ сæр.

МÆЛГЪÆ:

Уазал ёма æстонгæй
Ма тæрсæ, мæ хæлар,—
Рохс уалдзæг хуæрзефтонгæй
Хæссүй дин нур мæ зар...

Кæд ма тъизуй и мартъи,
Кæд ма тъифсуй и бон,
Хæссун уæддæр мæ зарди
Зуймон гъизтæн кæрон!..

* ПАУК

(Рассказ сумасшедшего)

— Когда я проснулся в новой своей квартирке в первый день после перехода туда, — так начал свой рассказ сумасшедший,— было уже ровно девять часов. Взглянув на потолок, я увидел такую картину: в широко и причудливо расставленной паутине, свернувшись в неподвижную желтую точку, величиною в три раза больше кукурузного зерна, прямо над моей головой висел паук. Признаться, какое-то крайне неприметное ощущение пробежало по всем моим нервам при виде этого маленького кровопийцы. Невольно отвернувшись в сторону, я стал поспешно одеваться. Вдруг что-то тревожно зажужжало в комнате. Это была обыкновенная черная муха: попав в паутину и запутавшись в ней, она лихорадочно силясь вырваться на свободу.

Не успел я сделать и шага, чтобы спасти несчастную муху, как вдруг паук, накинувшись на нее, стал опутывать ее нитями паутины и затем убил ее с помощью своего смертоносного яда. Спустя минуту, паук, поднявшись вершком на два повыше, снова свернулся в желтую неподвижную точку, а муха уже безжизненным трупом всела под ним в воздухе.

Я был возмущен. У меня даже появилось неудержимое желание одним ударом уничтожить того, кто так

безжалостно на моих глазах умертвил живую тварь в угоду своего ненасытного чрева. Я схватил со стены грязное полотенце и ударил им по паутине. Она разорвалась и превратилась в разрозненные висячие нити, но паук остался цел и невредим. Упав на пол, он быстро спрятался за койкой. Я, конечно, мог бы разыскать и убить его... но произошло нечто неожиданное: во мне зашевелилось чувство жалости.

«Паук уничтожил муху, а я хочу уничтожить паука... Как смешно и глупо это, — подумал я невольно, и мне стало жаль не только паука, но и самого себя. И в самом деле — разве одни только пауки живут этой хищнической жизнью? — Так живут все: и звери, и птицы, и люди. История человечества говорит о том, что богатство и имущество одних народностей создавались путем «поглощения» ими других.

Стоны и рыдания побежденных заглушаются диким гулом пиршства победителей и теперь... Где же правда здесь?»

При этих словах сумасшедший поднялся со скамьи, вытер платком выступивший на лбу горячий пот, раздраженно стал расхаживать по комнате.

— А скажите нам, — обратился к нему доктор Эльсен, который с особым вниманием слушал его рассказ, — пришлось ли вам видеть еще этого паука после того, как вы уничтожили его паутину?

Сумасшедший быстро повернулся в сторону доктора.

— Что вы сказали, доктор? — проговорил он как-то нервно и растерянно.

Тот повторил свой вопрос.

— Видите ли, господин доктор, — ответил сумасшедший, — боясь смерти со стороны паука, я на второй день покинул свою квартиру. Но это не спасло меня. Паук до сих пор продолжает мстить мне.

— В чем же выражается эта месть? — удивленно спросил доктор Эльсен.

— А вот в чем, — последовал ответ, — часто мне снится комната с уничтоженной в ней паутиной. Из-под койки выползает паук и большими печальными глазами долго и пристально смотрит на меня. О, этот взгляд огнем упрека жжет мне душу. Но чаще всего бывает так: паук превращается в какое-то страшное чудовище с пылающей пастью и яростно набрасывается на меня. Вот, г. доктор, в этом выражается месть паука.

Сказав это, сумасшедший умолк и снова быстро и нервно стал расхаживать по комнате.

— Болезнь его неизлечима, — сказал доктор после некоторого молчания и, поднявшись со скамьи, направился к двери.

Мы все, за исключением сумасшедшего, последовали за ним.

Дней через несколько после этого я проходил по главной улице города. Было тепло и солнечно. Под неугомонный шум трамваев, фаэтонов, автомобилей там и сям пестрели кучки нарядно одетых людей. Одни гу-

ляли, другие, сидя или стоя, читали свежие телеграммы о военных действиях.

Вдруг мое внимание было привлечено человеком, без шапки и в одной рубашке, бежавшим по мостовой с диким, душу раздирающим криком: «Паук!», «Паук!».

Два городовых, загородив ему дорогу, задержали его. Минута — и задержанный был уже окружен тесной и плотной толпой любопытных.

— Несчастный, несчастный! — раздавались голоса. — Надо отвезти его в больницу...

В несчастном я узнал сумасшедшего, рассказавшего нам в присутствии доктора Эльсена историю про паука.

* ГЕОРГИЙ МАЛИЕВ

X. H. Арасенов

Георгий Малиев — один из лучших осетинских лириков — принадлежит к старшему поколению советских писателей Осетии. Первое его стихотворение «Цæхъал» («Волна») напечатано в 1907 году¹.

Георгий Малиев писал на двух языках — на осетинском (дигорском диалекте) и русском. Г. Малиев, главным образом, лиро-эпический поэт, но он писал и новеллы, которые по своей художественной выразительности можно отнести к лучшим образцам осетинской прозы дооктябрьского периода.

1

Георгий Гадоевич Малиев родился в селении Христиновском в семье безземельного крестьянина. Его родители были из «временнопроживающих». В поисках клочка земли им приходилось кочевать по селениям Осетии. Георгий Гадоевич окончил сельскую двухклассную школу. В 1904 году был принят в Ардонскую духовную семинарию, но окончить ее так и не дали ему, в 1907 году он был исключен.

В одном из своих стихотворений — «Между прочим» (1909 год), носящем автобиографический характер, поэт писал:

*В чудный храм науки славной
Бедный отрок постучал.
Вышел жрец походкой плавной*

¹ Геомал, «Цæхъал» (газ. «Ног цард», № 19, 1907).

*И торжественно сказал:
«Если деньги есть в кармане,
Если знатен и богат,
То зайди,— тебе в сем храме
Будет место, юный брат.
Если же денег нет, мой милый,
Убирайся поскорей,
Голь для нас, что враг постылый,
Да и места нет, ей-сей!»¹*

Исключенный из семинарии, Г. Малиев пытался поступить в какое-нибудь другое учебное заведение. Он побывал в Баку, в Москве, но ни в одно учебное заведение царской России он не смог поступить.

Вернувшись в Осетию, Г. Малиев начал работать учителем начальных классов в горной Дигории и одновременно занимался литературной деятельностью: писал стихи, рассказы, корреспонденции разного рода. В 1917 году Георгий Малиев — в рядах революционно-демократической партии «Кермен». Он принимал активное участие в борьбе за упрочение Советской власти в Северной Осетии. Им была подписана приветственная телеграмма, направленная партией «Кермен» В. И. Ленину. В телеграмме, в частности, говорилось, что «сыны Осетии жаждут осуществления лозунгов третьей революции».²

С самого начала установления Советской власти в Северной Осетии он работал учителем в разных селениях.

Произведения Георгия Малиева печатались в периодической печати.

Первый сборник его стихотворений, написанных на русском языке, вышел в 1924 году под пазванием «Горские мо-

¹ Газета «Хабар», № 8, от 12 мая 1909 года.

² Газета «Правда», № 193, от 1 декабря 1917 года,

тивы». Сборник его осетинских произведений «Ираф» издан в 1935 году в г. Орджоникидзе.¹

2

Как говорилось выше, Г. Малиев свое первое стихотворение «Цæхъал» («Волна») опубликовал в 1907 году. Оно отличается глубоким лиризмом, четким рисунком родного осетинского пейзажа, яркими метафорами и эпитетами. Если луна, поэтически названная дочерью неба, несмотря на свою бледность, весело плывет в небесных просторах, сияя и улыбаясь горам, то на земле ночные волны Терека, теснимые гранитными скалами, воют и стонут. Их брызги поэт сравнивает с чистыми слезами, льющимися из скорбных глаз.

Образ горного потока, бьющегося о гранитные скалы в ночной мгле, это символический образ трудового горца, стремящегося к свободе, к новой жизни.

Любовь к простым людям, к обездоленным горцам — ведущий мотив дореволюционной лирики Г. Малиева. Глубокими симпатиями к бедному горцу пронизано стихотворение «Дзиддзил». Малолетний Дзиддзил просит сельское общество дать ему должность глашатая, которую занимал заболевший его отец. Ему отказывают в просьбе. Все готовятся к севу, но что делать бедняге, когда у него нет ни сохи, ни быков? Кто ему поможет? Г. Малиев с сердечным сочувствием к обездоленному заканчивает стихотворение:

*Ка ратдзæнæй æ галтæ,
Ка ратдзæнæй дзубур,
Ходунцæ йбæл и хъалтæ:
— Мæгур æма мæгур!*

¹ Второе издание сборника «Ираф» осуществлено Книжным издательством СО АССР в 1957 году.

*Кто уступит ему свои воды,
Кто отдаст ему сохи.
Смеются над ним чванливые:
— Бедняк есть бедняк!*

(Подстрочный перевод.)

В этом и в некоторых других дореволюционных произведениях Г. Малиева мотивы социального неравноправия принимают конкретно-историческое содержание. С чувством искреннего сострадания поэт пишет о тяжелой жизни, о душевных переживаниях бедноты, о несчастной любви неимущих. Иногда черты лирического героя Малиева бывают слишком приземленными, их стремление к свободе не напоминает ни бурный горный поток, ни полет горного орла, что отмечалось нами в стихотворении «Волна».

Лирический герой небольшого стихотворения «Цъифæ рæстæг» («В пору ненастную») говорит, что он боится даже взглянуть наверх, обреченно ждет свой черствый чурек, посыпанный солью. В ненастную погоду земля ему кажется ниже мышиной лапки. Другой лирический герой (стихотворение «Гурусхæ»—«Сомнение»), обманутый в своих надеждах, подвергает сомнению само чувство любви:

*Уалæ стъалутæ зæгъунцæ,
Уарзт мед адæм мæнгæ ке 'й,—
Фудæнæнги ке гæлдзунцæ
Дууæ зæрди кæрæдзей...*

*Вон и звезды говорят,
Что любовь меж людьми — обман,
Что нарочно покидают
Два сердца друг друга...*

(Подстрочный перевод.)

А герой стихотворения «Зар» («Песня», 1909) не может высказать свои чувства девушке, которую любит. Если бы знал, говорит он, сердце моей соседки, я бы послал к ней сватом свою киску... она принесла бы в мой дом медный котел с надочажной цепью..

Таковы, в основном, темы и мотивы дореволюционных осетинских стихов Г. Малиева. Но хочется сказать еще об одном стихотворении, датированном 1916 годом. Это «Гоби» («Немой»). Оно, являясь как бы исповедью поэта, может служить ключом для раскрытия некоторых особенностей творчества Г. Малиева. Вот подстрочный перевод стихотворения.

*Почему я немой,—
Плачь в своей могиле, моя мать!
Почему я в наше время
Среди товарищай бесславен?
Почему меня обходят,
Когда на танцах очередь доходит до мечя?
Почему я смело не иду (не вступаю в бой)
Вместе с нашими знатными людьми?..
Почему вечно меня упрекает молодежь,
Что я немой?
Кто мне брат из окружающих,
Кому поведать свое горе?
Нет же у меня желанной свободы,
Работаю, как вычурный;
О своих тяжелых мечтах и чаяниях
Я никогда не говорю в своих песнях.*

О чем говорят эти стихи? Нет ли здесь осознания поэтом (или даже в данном случае пусть лирическим героем) своего одиночества и бессилия? Безусловно, есть. Поэт горюет о том, что не стоит в одном ряду с лучшими людьми своей эпохи, что он остается немым и бесславным. Конечно, не во

всем можно согласиться с поэтом. Если он о горе и страданиях трудового народа, о его борьбе за свободу пишет не так проникновенно, как ему самому хотелось бы, все же он любит свой народ, страдает за него, показывает его чаяния.

Говоря о лирических стихах Малиева, написанных на русском языке, следует отметить, что русские стихотворения Г. Малиева в идеально-тематическом отношении мало чем отличаются от его стихотворений на осетинском языке. И здесь те же мрачные картины, те же гневные напевы волн, и скорбные переживания людей.

В песне Г. Малиева природа вся оживает, она полна живых образов. Волны Каспия поэту нашептали «сказки страдания, сказки печали» спели ему «песню борьбы и свободы»¹.

И гнев народа поэт передает в образах, явлениях природы. В стихотворении «Путевая песня» он пишет:

*Злой Урух во мгле теснины
Воет, плачет подо мной.
Не мелодья звуков нежных,
Не чарующий напев —
Слышины в плаче волн мятежных
Возмущение и гнев.*

Лирический герой этого стихотворения слышит протяжную песню дедов и отцов, которой вторит «эхо дальнее лесов». Тоска, выраженная в этой песне, сжимает грудь и сердце героя и самого поэта. Только не поймет:

*Ширь ли поля в ней рыдаст,
Гор ли плачет теснога?*

Немалое место занимает в поэзии Г. Малиева мотив свободолюбия, стремления к свободе. Это чувство поэт выражает

¹ Сборник «Горские мотивы».

при помощи разных художественных средств. У Г. Малиева и мертвец жалуется на то, что его зарыли в землю и лишили блеска солнечного дня:

*Положили б гроб мой черный
Там на сумрачной скале,
Чтобы солнце в час вечерний
Отражалось на челе;
Чтобы ветер бесприютный
В час полночный, при луне,
Точно голос девы чудной
Пел, играя, песни мне.*

(«Жалобы мертвца»)

Стремление к свободе хорошо выражена и в стихотворении «Орел-пленик». В образе наступающей весны, предвестницами которой являются дождевые капли, стучащие в окно, Г. Малиев говорит о новой эре, к которой обращается с призывом рассеять мрак его души и «сердца злые сны» (стихотворение «Под первый дождь», стр. 28). Лирический герой Г. Малиева в минуты душевного подъема готов умчаться «в страну чудес и песнопенья» («Кину взгляд на юг родной и милый»).

Однако понятие свободы у Г. Малиева посит весьма абстрактный характер. В его ранней поэзии мы не находим конкретного воплощения идеи свободы. Если поэт пишет о свободе как о чем-то желанном, то он не достигает социальной глубины. Поэт не может мприться с тогдашней действительностью, она безрадостна, полна скорби и печали. Лирический герой его стремится вырваться из ненавистного для него мира угнетения, уйти от него куда-нибудь, но не знает, куда именно. Его душу манит к себе в высь луна, плывущая «пад титанами Кавказа». Но если в стихотворении «Волна»

луна показана сияющей и улыбающейся, то в рассматриваемом стихотворении звучит скорбь. Поэт пишет:

*Скорбь царит и там, я знаю,
Так же, как и здесь...*

Поэт не верит в преобразующую силу человека, его пугают громады гор («Горы»), он везде ощущает себя одиноким. В стихотворении «К месяцу» Г. Малиев сравнивает себя с месяцем, который бледным и одиноким «бродит странником безродным».

В поэзии Г. Малиева есть что-то от раннего Александра Блока, от его «Стихов о прекрасной Даме», от символической неопределенности его исканий в молодые годы. Он описывает, например, такую картину: за окном его темницы, точно призрак —

*Осторожно, осторожно
Ходит кто-то в час ночной.*

Поэт жаждет встречи с незнакомым гостем:

*Но лишь к двери направляюсь,
Чтоб впустить скитальца в дом,
Он уходит, расплываясь,
В тихом сумраке ночном.*

(«Неведомый»)

Влияние ранней поэзии А. Блока чувствуется не только в данном стихотворении Г. Малиева, но и в других¹.

Малиев — лирический поэт большой силы. Его стихи полны

¹ Сравним хотя бы приведение стихотворение со стихотворением А. Блока «Ты отходишь в сумрак алый» и др.

Эмоций, они хорошо передают настроение лирического героя. В небольших по размеру стихотворениях поэт создает яркие, зrimые картины жизни и природы. Читатель видит, как бедная горянка, которой родная мать сказала, «что для каждого на небе богом создана звезда», устремила свой взор в небо,ща свою звезду (стихотворение «Песня горянки»). Поэт красочно, правда, несколько сентиментально, описывает переживания влюбленной девушки Фатимы, с надеждой устремившей свой взор на месяц:

*Вдруг из месяца выходит
Чудо-витязь молодой
И приветствует Фатиму
Он, кивая головой.
Лик Фатимы черноокой
Стал бледнее полотна,
И в постель своюстыдливо
Прячет личико она.*

(«Фатима»)

И в осетинских и русских стихах Г. Малиева мы ощущаем страдание и горе народа, его возмущение и гнев, любовь к свободе, первые радости влюбленного сердца, его сомнения и переживания. И все это написано с подлинно лирической взволнованностью. Поэт широко пользуется народно-фольклорными художественно-изобразительными средствами. Его образы, его язык тесно связаны с поэтикой народных песен.

Поэт ненавидел социальное неравноправие и глубоко сочувствовал бедноте. Но по своим идеально-эстетическим взглядам дальше сочувствия и желания свободы не шел. У поэта еще не было ясного понимания путей к свободе, в его лирике говорится только о предчувствии надвигающейся социальной бури.

Октябрьская революция вывела Г. Малиева, как и многих других поэтов, из того тупика, откуда он сам не мог вырваться. Если раньше в его поэтическом восприятии свобода была понятием абстрактным, без социальной окраски, то в 1919 году в стихотворении «Федог» («Глашатай») он призывает молодежь быть смелой и мужественной в борьбе. Стремление вперед, к свободе — таково художественное осмысление поэтом новой жизни. Обращаясь к молодежи в дни гражданской войны, он писал:

*Возведите башни до неба,
Постройте к солнцу дорогу.
Стремитесь вперед к огонькам,
В скачках не будьте последними!
Пусть свобода осветит темноту,
Пусть своими лучами разгонит тучи!*

(Подстрочны й перевод)

Поэзия Г. Малиева в советский период приобрела новые черты, она стала в социальном отношении более острой, особенно в тридцатых годах. Однако, говоря об этом, надо отметить, что его поэзия всегда несколько отставала от жизни.

В самом начале двадцатых годов Г. Малиев выступил с несколькими лирическими стихотворениями. Главной его темой остается любовь. Раскрытию любовных переживаний молодой девушки посвящено стихотворение «Æлхуйнæ» («Веретено»). Сидя на плоской крыше горской сакли, девушка прядла. Ее глаза встречаются с глазами всадника проскаивающего мимо нее. И сердце ее затрепетало, закружила голова, оборвалась ниточка, которую она прядла. Девушка потеряла

покой и всегда ей мерещится всадник в черной бурке на черном коне.

Любовная лирика Г. Малиева отличается особенной теплотой, большой эмоциональной взволнованностью.

Замечательно его стихотворение «Клизги зар» («Песня девушки»), героя которого жаждет вернуть свои девичьи годы, увядшую юность. Она желает обрести крылья, чтобы полететь и где-то за морями найти свою молодость.

4

В 1922 году по мотивам осетинских народных сказаний Г. Малиев написал поэму на русском языке «Симд нартов» («Пляска нартов»), где яркими красками нарисованы образы прославленных нартов — Урузмага, Сослана, Хамица и др. Главный герой поэмы, бесстрашный витязь Батрада, воочию предстоит перед читателями во всем величии своих подвигов.

Поэма «Симд нартов» проникнута светлыми идеями и хотя сюжет и события взяты из далекого прошлого, она по своему идеально-эстетическому содержанию близка нашей современности. Борьба против поработителей — основной ее мотив.

Однако в 1922—1924 гг. в поэзии Г. Малиева снова появились мотивы грусти и тоски, обусловленные непониманием эпохи. Такими стихами являются «Адтәй рæссугъд догæ» («Была пора прекрасная»), «Дзуле» и др., вошедшие в сборник «Ираф».

Но при всем этом, рассматривая творчество Г. Малиева в его идеально-художественном единстве, надо отметить, что оно развивалось по восходящей линии. Подтверждением этого могут служить его поэмы «Сын пастуха бедный Махамат», «Темур-Алсак», «Гудзуна» и др.

В ранний период творчества попытки Г. Малиева создать образ положительного героя всегда кончались крахом потому, что идеал поэта не был связан с реальной действительностью,

его герой был каким-то символом, облеченный в мистическую оболочку («Сосед», «Неведомый» и др.). Только на последнем этапе творческого развития поэт по-новому решает проблему положительного героя, который теперь выступает в конкретных исторических условиях, храбро борется против угнетателей народа.

К таким положительным героям относятся Темур-Алсак и Гудзуна из одноименных поэм. Основное содержание поэмы «Темур-Алсак»—борьба народа за свою свободу против феодального гнета. Сюжет поэмы не сложен. Жители селения Кета собрались на пиршество. Но вдруг к ним является всадник, который сообщает, что феодал Дзасболат со своим войском идет на Кет взымать дань оседланными конями и девушками-красавицами.

Кетцы отказались платить дань. Но не успели еще завершить свое пиршество, как одна женщина криком возвестила о том, что алдар уже похитил девушку. Кетцы растерялись и Дзасболат направляется домой. Его догоняет только один Темур-Алсак. Между ним и Дзасболатом произошел такой разговор:

*Алдар говорит: «Эй ты, мужчина,
Кто ты, из какого рода, не враг ли ты мне?»
— Я из кетцев, прибывший сюда по тревоге,—
Берегись же теперь князь!*

(Подстрочниый перевод.)

Убив князя, Темур-Алсак отпустил девушку домой.

На следующий день кетцы собрались и решили выдать эту девушку замуж за Темур-Алсака. Темур-Алсак любил Дигизу (так звали девушку, которую он освободил), и год назад просил ее руки. Но теперь отказывается от нее.

— Пусть счастливо живет Дигиза,— говорит он,— но я не могу на ней жениться, потому что я отныне преследуем врагом, меня могут убить.

Темур-Алсак — романтический герой. Он беден, но наделен большой силой и отвагой, непреклонной гордостью, человечностью.

Дигиза в поэме не играет активной роли. Она безмолвна, хотя ее сердце полно любви к Темуру. Но и она горда и могла сдержать свои чувства. Дигиза внимательно наблюдала за боем Темура и когда он пал смертью храбрых, тайком пришла к трупу любимого, молча, рыдая обняла голову Темура... А утром кетцы нашли возле трупа Темура и мертвую Дигизу.

Такую же глубокую любовь девушки и юноши мы видим в поэме «Сын пастуха бедный Махамат». И здесь главный герой бедняк, сын пастуха. Он батрачил у хана и своими песнями покорил сердце его дочери. Она признается отцу, а тот велит отрубить голову Махамата. Но любовь девушки была настолько сильна, что она кончает жизнь самоубийством.

И в первой и во второй поэме сильная и чистая любовь разбивается о гранитные скалы социального неравноправия.

И еще один мотив сближает поэмы. В «Тимур-Алсаке» причиной гибели главного героя явилась его страстная ненависть к феодальным поработителям, его выступление против них в одиночку. В поэме же «Сын пастуха бедный Махамат» герой гибнет потому, что чудесно играл на фандыре. Но и в том и другом случае герои гибнут как жертвы социального неравноправия.

В ином плане рисует поэт образ юноши Гудзуна, героя одноименной поэмы (1934 г.). Он на вид ничем не примечателен, только и знает, что пасет баранту на крутых высотах. Особых успехов не имеет и в танцах,— девушки смеются над ним. Даже старый козопас не захотел отдать за него свою

дочь. Никто не подозревал в нем той большой силы, которую он проявил позже. Когда над Дигорией нависла смертельная опасность, когда князь Мулдар намеревался поработить трудящихся и двинул свое войско в ущелье, Гудзуна оказался одним из храбрейших. Он загородил своим трупом путь врагу. Поэт в заключительных строфах пишет:

*Не прольет над твоей могилой
Чья-нибудь девушка слезинки,—
После твоей смерти в честь всего ущелья
Село не воздвигнет башню.
Но ты не бесславен,
О бедный пастух!*

*Около села, где журчала
Бежит прохладный родник,
Уже нас смеются над Гудзуном
Пришедшие утром за водой девушки.*

Большое место в поэзии Г. Малиева занимает тема борьбы добра против зла, правды против несправедливости. Поэт высоко ценит чувство дружбы и товарищества, верности данному слову: осуждает в человеке такие качества как вероломство, лживость и нечестность. В поэме «Сын Уахадага маленький Гуйман» (1923 год), сюжет которого взят из осетинского фольклора, храброго и славного охотника Гуймана из-за зависти убивает его названный брат Касбол. Но народ мудр и распознает поступок Касболя и он получает достойную кару. Эту тему поэт разработал еще в 1915 году в балладе «Месть», написанной на русском языке. Абрек Измайл, влюбившись в жену своего друга Гури, убивает его, чтобы потом жениться на его вдове Гиданне. Замысел удается. Но когда Гиданна узнает убийцу мужа, вероломство Измайла, то без колебания вонзает в его грудь кинжал.

В замечательной поэме «Дзандзирак» (1927 год) Г. Малиев создал образ клеветника. Тайно любя жену Камболата Дзандзирак, сын Кундзая клевещет на нее, говорит ее мужу, что она неверна ему. Сын Кундзая полагал, что Камболат выгонит свою жену и тогда он женится на ней. Но получилось не так. Ревнивый муж убивает свою любимую жену и сбрасывает ее труп в горный поток. Исчезновение ее взбудоражило всех сельчан Камата и вскоре тайна раскрывается. Автор осуждает и Кундзаева сына и Камболата.

Пропел год со дня похорон Дзандзирак. И вот:

*За селением, рано утром,
Удивляются каматцы:
Там нашли они два трупа,
Был один из них Кундзаев,
Камболат другого звали.
Вероятно по дороге,
К их несчастью повстречались!*

(Перевод А. Гулуева.)

Поэмы Г. Малиева имеют романтическую окраску. Храбрость и отвага, чувство неподкупной любви к Родине, родному краю, готовность к самопожертвованию ради свободы, чувство человеческого достоинства присущи его героям. Наиболее характерным в этом отношении является Темур-Алсак. Интересен также образ Гудзуна.

В поэмах Г. Малиева и лексика, и художественно-изобразительные средства имеют народно-фольклорную основу. Поэт часто отказывается от изображения бытовых деталей. Редко прибегает к показу внутренних психологических переживаний

¹ Альманах «Советская Осетия», № 12, стр. 142.

своих героев, их характер раскрывается в поступках, в боевых подвигах.

Поэт мастерски рисует портреты своих героев. Вот, например, портрет Махамата:

*Кү рацәйңүдәй къолаж бәрзәйтәй,
Æ пихцил ходи бәгънәг арәстәй.
Æ рахез къохи æ фийиау-тәндәзәг,
Æ галеу фарсәй æ сау кәрдбадзә,
Æ йеу сүйнәбәл æ медгәрз-ронә,
Æ дуккаг зәрдә — æ зарән хәтәл.*

*Идет он с опущенной головой,
В лохматой шапке, убого одетый.
В правой его руке пастуший посох,
На левом боку черные ножны,
На пояснице пояс из простого ремня,
Его второе сердце — его свирель.*

(П о д с т р о ч н ы й п е р е в о д .)

И дальше поэт еще больше уточняет портрет своего героя, переходит от описания его наряда к описанию внешности.

*Мәхәмәт адтәй иуонггин ләхъуән,
Үрух цәститә, бәзәрхугаразт.*

*Махамат был коренастый юноша.
Большие глаза, широкоплечий.*

(П о д с т р о ч н ы й п е р е в о д .)

А вот портрет Гудзуна:

*Ләүзәнгойнә, сәппәркъегин,
Дивилдүнтә, лацамарз,—
Фәциәйгүзүй, цәвөттонгә,
Дзебәләнгә гүнгүз арс.*

*В оборванных ноговицах, в рваных чувяках,
Оборванец, неряшликий,
Прокрадывается нехотя (лениво),
Как взъерошенный медведь.*

(ПодстрочныЙ перевод.)

Это портрет Гудзуна-пастуха, а ниже дан портрет Гудзуна-воина:

*Ә уәл сүйнә ә кәрдбадзә,
Ләүзәнгойнә, сәппәркъе,—
Топп ىе 'рагъи...*

*На поясе его ножны,
В оборванных ноговицах, в дырявых чувяках,
Ружье — за спиной.*

(ПодстрочныЙ перевод.)

Повторяя отдельные эпитеты, сравнения, и даже целые строфы, поэт создает определенное настроение, воздействует на чувства читателя. Так, в начале поэмы Г. Малиев пишет:

*Фәциәй аскъәруй ә дзогә
Фәләҗрай фурт Гудзуна.*

*Пасет свою баранту
Сын Фалвара Гудзуна.*

(Подстрочиной перебор.)

В конце поэмы повторяются эти строки и только заменяется первая строка «Нәбал әскъәруй ә дзогә» («Больше не пасет баранту»).

То же самое мы видим и в заключительной строфе, в ней вначале описывалась картина: у родника девушки смеялись над Гудзуна, теперь же третья строка строфы заменена словами: «Не смеются над Гудзуна девушки у родника».

5

Георгий Малиев известен не только как поэт, но и как прозаик. Им написано несколько новелл, которые дают право сказать, что он вполне владел мастерством рассказчика. В коротких новеллах Г. Малиев по-чеховски ярко раскрывает характеры своих героев, живо рисует их портреты, создает определенное настроение.

В новелле «Федоги мәләт» («Смерть глашатая», 1915 год), объемом всего в полторы страницы, писатель дает полную характеристику своему герою, дает его портрет: «В сельскую канцелярию вошел высокий, широкоплечий старик. Старая лохматая папаха из неотделанной бараньей шкурки, старая, многократно латанная и перелатанная черкеска, опоясанная ремнем из простой кожи, чувяки из домотканого стеганного сукна — были его одеянием. Это был сельский глашатай Дадо».

Читатель видит морщинистое лицо Дадо, заросшее седой бородой, слышит его дрожащий голос. Около 30 лет он работал сельским глашатаем и этим кормил себя и свою старую больную жену. Детей у них не было. Сельский старшина вы-

звал его, чтобы сообщить ему о том, что он увольняется, потому что уже состарился и лишился голоса. «Старик как будто онемел, долго не мог выговорить ни одного слова, тело его дрожало; страшно побледнел, на его морщинистом лбу выступила капля пота», — так описывает автор состояние бедного старика. Он смог сказать старшине только одну фразу: «Что я тебе сделал такого, почему ты меня губишь?». Бессердечный старшина не нашел ничего другого сказать, как: «Вон отсюда, не мешай нам!». Но Дадо уже не был в состоянии выйти, он упал тут же и умер¹.

В этой небольшой новелле Г. Малиев смог показать и долгую тяжелую жизнь Дадо, и бюрократизм, бездушие царских чиновников.

В новелле «Æхгæд зærдæ» («Скрытный») Г. Малиев нарисовал образ другого горца-бедняка, всю жизнь проведшего в пастухах у богачей. И здесь автор меткими штрихами рисует портрет своего героя: в коротких диалогах и небольших картинах воспроизведена вся жизнь бедного Бидзиха. Молчаливый Бидзих на вопрос, почему он не женится, отвечает: «Что же мне делать, мое солнце, когда счастье не придет к тебе, сго не обретешь». И неразговорчивый, скрытный Бидзих рассказал о том, как он навеки потерял свое счастье.

Еще молодым он поступил к богатому Иналдо в батраки. У Иналдо была дочь Зулемат. Она хорошо относилась к Бидзиху: стирала и латала его одежду, чинила его чувяки, всегда говорила с ним ласково. Влюбился Бидзих в девушку, взгляд которой был «чище небесной лазури», но не смел ей открыть свое сердце. Наконец настал срок, когда Бидзих должен был получить заработанное и уйти домой. Опять ласковый взгляд Зулемат, ее сердечная забота о пастухе. Тут сердце пастуха не выдержало и он сказал девушке: «Люблю тебя, очень люблю».

¹ Цитаты из новеллы даются в подстрочном переводе.

Девушка сразу преобразилась от злости: она закричала: «Эх ты, ничтожество, я жалела тебя и потому ухаживала за тобой, а ты... а у тебя другие мысли». Сказав это, Зулемат исчезла. «Я не ожидал от нее этого,— заканчивает свой горестный рассказ Бидзих,— и вот тогда мое сердце замкнулось на всю жизнь».

Так различно складывались личные судьбы одинаково бедных людей. Писатель сочувствует им, любит их. Описывает их тяжелую жизнь с болью в сердце.

Другой теме посвящена новелла «Хәрә» («Земляная лавина»). В ней Г. Малиев вывел тип скопидома Мисирби. С виду он такой же бедняк как и другие горцы. Однако люди знали, что от отца в наследство ему досталось большое имущество. Но теперь у него ничего нет кроме кошки, ишака, небольшого клочка пахотной земли и такого же клочка луга. И семьи у него не было, единственный сын и тот оказался полоумным. Мисирби никого не любил,— пишет автор о своем герое,— и он сам был нелюбим...

Но вот случилась в горах беда. После сильного дождя горная речушка разлилась; камни и щебень лавиной двинулись на аул. Русло реки проходило по маленькой улице и ей угрожала серьезная опасность. Люди второпях выносили свои вещи, выгоняли скот. Кто-то заметил, что Мисирби, держа в руках деревянный сундучок, как ребенка, мечется во дворе. Страшная лавина преградила ему путь на улицу. Бросив свой сундук, он мог бы перелезть через плетень в соседний двор и спастись. Но он этого не сделал. Так и погиб со своим сундуком под лавиной. Жители аула раскопали его после лавины, и в его сундуке обнаружили много денег. Позвали полоумного сына Мисирби и сказали ему:

— Смотри, сколько денег оставил тебе отец.

Баззе глупо засмеялся: «Хе-хе-хе! Сколько денег! Хе-хе-хе!».

Интересны и другие новеллы Г. Малиева, они также говорят об умёни писателя воспроизводить правду жизни в ярких образах.

У Г. Малиева есть и водевиль «Цуанонтæ» («Охотники», 1921), написанный в стихах. Метким языком поэт в небольшой картине показывает, как семидесятилетний охотник Поцо послал сватов к красавице Дзанахан, дочери своего друга Дудара. Сваты пошутили над стариком.

Таковы смысл и содержание этого водевиля.

Георгий Малиев выступал и как переводчик прозы и поэзии.

Творчество Георгия Малиева невелико по своему объему, но оно весьма своеобразно. По силе лирики, по яркости ритмического рисунка, по эмоциональности стихии Г. Малиева относятся к лучшим образцам осетинской поэзии.

Для определения идейно-эстетических взглядов Г. Малиева особенно характерны два стихотворения («Памяти Коста», написанное на русском языке в 1916 году и «Тæходуй, æна» («О если бы, нана»), написанное по-осетински в 1934 году («Ираф»).

В первом поэт хочет осмыслить, оценить поэзию Коста Хетагурова:

*Тая в душе свои страданья
О брате меньшем он скорбил,
И стих его — души сверканье —
Металлом плачущим звенел.*

Последние две строки — довольно меткая характеристика поэзии Коста Хетагурова. В последней строфе тоже правильно оценивается значение поэзии Коста:

*Умолк,— но стих его певучий
В сердцах людей еще звенит,*

*И мир у темноту сквозь тучи
О солнце вечном говорит.*

Но когда Г. Малиев в том же стихотворении пишет, будто бы Коста писал, что правда, любовь и свобода живут не там, где льется кровь, что в царство высшего сознанья нас может ввести не грубый меч¹, то он неправ. Г. Малиев здесь приписывает К. Хетагурову свои идеино-эстетические взгляды.

Известно, что в стихотворении «Не упрекай меня, что я забросил лиру» Коста с восторгом возвещал, что «ночь близится к концу», что

*Минуты сочтены... Повсюду бьют тревогу,
Уж брезжит луч зари, играя на штыках...*

Но дело не в том, насколько правильно понял Г. Малиев К. Хетагурова. Дело в том, что Г. Малиев на преобразование мира смотрел с точки зрения своих незрелых идеальных и эстетических воззрений. Борьба не всегда импонирует ему. В этом отношении характерно стихотворение «Тәхөдүй, аңна». Оно, на наш взгляд, написано не без влияния стихотворения Коста Хетагурова «Если бы пел я, как древний наарт», хотя оно имеет и другой композиционный строй, и другой идеально-эстетический смысл.

Героиня стихотворения мечтает стать таким же певцом, как Ацамаз,— тогда бы она забралась на вершину Казбека, и весь мир бы прислушался к ее пению, к ее игре на свирели. Все спроты и бедняки полюбили бы ее свирель.

*И фарни тунтә
Әрфелауидә,—
Уарzonдзинадә*

¹ «Горские мотивы».

*Æрфедар үидæ.
Үæд али адæм,
Үæд али бæстæ
Æркалионцæ
Сæ тохæн гæрстæ.*

*Спустились бы
Лучи счастья,
Укрепилась бы
Любовь везде.
Тогда бы все народы,
Тогда бы все страны
Бросили
Свои боевые доспехи.*

(П о д с т р о ч н и й п е р е в о д.)

Но она не верит в это, ее девичье сердце не радуется, потому что над миром нависают черные тучи войны.

Это одно из лучших лирических стихотворений Г. Малиева, написанное в тридцатых годах, и оно показывает противоречия его мировоззрения.

Г. Малиев как самобытный лирик, создавший замечательные образы из прошлой жизни, занял в осетинской поэзии видное место. Его красочные поэтические образы всегда будут украшать нашу поэзию.

* СОДЕРЖАНИЕ

О Георгии Малиеве	5
Зар	16
Песня	17
Гурусхæ	18
Сомнение	19
Цъифæ рæстæги	20
В ненастье	21
Гоби	22
Немой	23
Федор	24
Глашатай	25
Æлхуйнæ	26
Веретено	27
Кизги зар	30
Песня девушки	31
Касалгдау кизгæ	32
Девушка-рыбачка	33
Мæ тикис	34
Мой кот	35
«Адтæй рæсугъд догæ»	36

«Струилась прохлада»	37
Дзиддзил	38
Дзиддзил	39
Дзуле	42
Дзуле	43
Скъавди гъарэнгэ	44
Плач похищенной	45
Бундори катай	48
Печаль домового	49
Дзирасгэ	52
Дзирасга	53
«Тæходуй, æна»	54
«Если бы стала я»	55
Гъонгæси фурт мæгур Мæхæмæт	60
Сын пастуха бедный Махамат	61
Дзандзирахъ	72
Дзандзирак	73
Гудзуна	82
Гудзуна	83
Темур-Алсахъ	106
Темур-Алсак	107
Дууæ фийяуи	134
Два пастуха	135
Уæхадæги фурт мингий Гуйман	141
Сын Уахадага, маленький Гуймац	142
Цауæйонтæ	152
Охотники	153
Федоги мæлæт	178
Смерть глашатая	179
Æхгæд зæрдæ	184
Скрытое сердце	185
Хæрæ	194
Обвал	195

Горские мотивы

Песня горянки	206
«Над титанами Кавказа»	207
«Волны Каспийские мне нашептали»	208
Сфинкс	209
Горы	210
Неведомый	211
Путевая песня	212
«Мне вспомнилась песня родная»	214
Месть	215
«Дождь и ветер. В сакле тесной»	217
К месяцу	218
Сосед	219
Дождь	220
Песня	221
Фатима	222
Цветы высот	223
Жалоба мертвца	224
Измена	225
Песня абрека	228
«Кину взгляд на юг родной и милый»	229
Под первый дождь	230
Стансы	231
Памяти Коста	233
Узник	234
Орел-пленник	235
Симд нартов	236

Малоизвестные публикации

Цәхъял	254
Между прочим	256
Возвращение	257

«Ты с тоскою сердечной взираешь»	258
Маленький фельетон	259
Цветы и льдинки	260
Хоккей заряг	262
Фиццаг малых	263
Паук	265
Георгий Малев	269

ГЕОРГИЙ ГАДОЕВИЧ МАЛИЕВ

И Р А Ф

Редактор

А. И. ЦАРУКАЕВ

Художественный редактор

У. Н. КАНУКОВ

Технический редактор

С. Х. ГУТИЕВА

Корректор

Т. А. КАЙТУКОВА

Сдано в набор 7-V-73 г. Подписано к печати 14-XII-73 г.
Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Печ. л. 9,25. Усл.-п. л.
12,95. Учетно-изд. листов 9,6. Тираж 5000 экз.
Заказ № 1108. Изд. № 36. Цена 1 р. 20 коп.
На бумаге тип. № 1. ЕИ 00372. Книжное изда-
тельство Управления по делам издательств, полигра-
фии и книжной торговли Совета министров СО АССР,
г. Орджоникидзе, ул. Димитрова, 2. Книжная типог-
рафия Управления по делам издательства, полиграфии
и книжной торговли Совета Министров СО АССР,
г. Орджоникидзе, ул. Тельмана, 16.

